

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ ~~Н. Я. МАРРА~~

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

проф. М. И. Артамонов

*Печатается по постановлению Редакционно-
издательского совета АН СССР за № 2097*

Подписано к печати 22/II 1944. А14938. Печ. л.
9³/₄ + 4 вкл. Уч.-изд. л. 16,25. Тираж 2000 экз.
Цена 10 руб.

1-я Образцовая типогр. треста «Полиграфкнига»
Огиза при СНК РСФСР. Москва, Валовая, 28.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий выпуск «Кратких сообщений» в основном содержит материалы и исследования, доложенные на пленуме Института, проходившем 11—15 марта 1941 г. в Ленинграде и посвященном итогам археологического изучения древнерусских городов. В начале лета 1941 г. был подготовлен к печати и настоящий выпуск. Война нарушила издательскую деятельность Института и задержала публикацию материалов пленума.

Ныне Институт возобновляет свои публикации. Однако материалы пленума не только не потеряли своего научного и политического значения, но, напротив, приобрели теперь новую значимость и остроту. Киев, Смоленск, Новгород и ряд других древних городов оказались временно захваченными врагом; их памятники варварски разрушались захватчиками, археологические коллекции и художественные сокровища из музеев подвергались уничтожению и разграблению. Тем большую цену приобретают те новые данные, которые принесла работа советских археологов в предвоенные годы, открыв новые выдающиеся памятники русской культуры и искусства и осветив важнейшие вопросы древнейшего прошлого русских городов.

Публикуемые материалы пленума представляют краткие рефераты или отдельные части заслушанных докладов и далеко не полностью отражают представленный на пленуме материал. Пленум подвел итоги планомерного археологического изучения основных областей древней Руси: Киевской, Галицкой, Волынской, Смоленской, Новгородской и Владимиро-Суздальской. В работе пленума приняли участие представители музеев и научных учреждений ряда городов.

В вступительном слове М. И. Артамонова и докладе М. К. Каргера был дан общий обзор истории археологического изучения древнерусских городов от первых его опытов и до широких систематических исследований советских археологов, ставивших перед собой исторические задачи и совершенствовавшихся из года в год специфическую методику городских раскопок. В итоге этой работы археологи подошли к конкретному решению важнейших исторических вопросов: о генезисе феодального города и его развитии, об эволюции жилищного и коммунального строительства, о значении городского ремесла и т. п. Одновременно раскопками были впервые открыты новые монументальные памятники древнерусского зодчества, вписавшие ярчайшие страницы в историю национальной художественной культуры.

Первая группа докладов была посвящена городам Поднепровья и Галицко-Волынской Руси. В докладе М. К. Каргера была освещена часть многолетних археологических работ в Киеве. Раскопки Десятинной церкви, полностью раскрывшие остатки этого древнейшего памятника русского зодчества, дали возможность судить как о стиле, так и о технических особенностях этого храма, а также раскрыли полную трагизма картину его гибели в 1240 г. во время штурма Батыя.

Под фундаментами храма были обнаружены погребения до-вла-

димировой поры — остаток одного из некрополей языческого времени. Раскопки комплекса жилищ XII—XIII вв. на территории Михайловского монастыря дали исключительно интересный материал для характеристики быта и производства киевских ремесленников накануне монгольского нашествия. Из всего доклада здесь публикуется лишь материал по наиболее интересному из жилищ Михайловского комплекса.

Из большого обзора археологических работ в Новгороде извлечена для публикации лишь часть, относящаяся к раскопкам Борисоглебского собора в Детинце. В настоящий выпуск не вошло вводное слово М. И. Артамонова, обобщающий доклад М. К. Каргера, а также доклад председателя Археологического комитета Института В. В. Гольмстен, в котором был представлен обзор археологической работы местных музеев и научных учреждений; не помещен и материал многочисленных выступлений по научным и организационным вопросам, поставленным заслушанными докладами. Пленум принял резолюцию, назначающую основные задачи, стоящие перед советской археологией в деле дальнейшего развертывания изучения древнерусских городов.

Составление и редактирование раздела, посвященного докладам на пленуме, выполнили Н. Н. Воронич, М. А. Тиханова и А. Л. Якобсон.

I. ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНУМЕ ИНСТИТУТА, ПОСВЯЩЕННОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ (11—15 марта 1941 г.).

ЗЕМЛЯНКА-МАСТЕРСКАЯ КИЕВСКОГО ХУДОЖНИКА XIII ВЕКА

Огромный размах археологических работ, развернувшихся в крупнейших древнерусских городах после Великой Октябрьской социалистической революции, выдвинул не только новую методику раскопок, решительно отбросившую старую систему узких траншей, прорезывавших и нередко разрушавших памятник, но и поставил перед исследователями ряд новых задач, решение которых отвечало важнейшим запросам советской исторической науки. Особый интерес в изучении древнерусских городов стали вызывать вопросы, связанные с историей городского ремесла. Археологическое изучение Киева, Новгорода, Рязани, Ладоги, городов Владимиро-Суздальской Руси позволило прежде всего установить, что древнерусский город был в большей своей части поселением ремесленников. Не только окраинные районы, сплошь заселенные «черным» городским ремесленным людом, но и центральные участки всех, даже наиболее крупных городов оказались заселены ремесленниками.

В Киеве, Новгороде, Рязани, даже в некоторых более мелких городах почти каждое раскопанное жилище XI—XIII вв. являлось не только жилищем, но и мастерской. Число жилищ-мастерских, раскопанных в древнерусских городах, увеличивается с каждым годом. Тщательное изучение этих памятников позволяет уже теперь нарисовать правдивую картину жизни феодального города и основу этой жизни — городское ремесленное производство. Многие предметы ремесленного производства, ранее известные только по случайным находкам и потому трактовавшиеся старыми археологами и историками как предметы импорта, ныне обнаружены в мастерских на различных стадиях производства, наряду с орудиями производства этих предметов.

Чрезвычайно развитое и разнообразное ремесленное производство было установлено в различных районах древнего Киева раскопками, начатыми еще в 1907—1908 гг. и продолжающимися с исключительными результатами доньше.¹

Многолетние раскопки в районе Десятинной церкви позволили установить, что даже в центральном, наиболее аристократическом районе Киева X—XIII вв., в нескольких метрах от роскошных княжеских дворцов и блиставшей расточительной пышностью Десятинной церкви, ютились землянки-мастерские княжеских холопов. Тем больше надежды в отношении изучения городского ремесла должны были вызвать окраинные районы города, сплошь заселенные «черным» городским людом.

¹ М. К. Каргер. Археологическое изучение древнего Киева, Наука и жизнь, изд. АН СССР, 1940, № 2.

Под углом зрения именно этих задач и были предприняты раскопки широкой площадью района (на вершине склона Михайловской горы), который долгое время был окраиной города, находясь за стенами и города Владимира и более позднего города Ярослава. Участок этот, расположенный в древности под стенами Михайловского Златоверхого и Дмитриевского монастырей, позже, повидимому в XVII в., вошел в усадьбу Михайловского монастыря, сначала в качестве хозяйственного двора, а потом был использован для монастырского сада, просуществовавшего до последнего времени. Небольшие разведочные работы на этом участке, произведенные еще в 1937 г., позволили экспедиции Института археологии Академии Наук СССР провести в 1938 г. систематические раскопки на значительной площади.

Раскопками был вскрыт хорошо сохранившийся участок городского поселения, занятый развалинами жилых, хозяйственных и производственных сооружений XII—XIII вв., имеющих большое значение как для истории древнерусского жилища, так и для характеристики быта городского населения и особенно для истории городского ремесла.¹

Среди восьми раскопанных землянок одна представляет памятник совершенно исключительного научного значения. Можно без преувеличения сказать, что по степени сохранности самой землянки, а особенно по количеству и сохранности инвентаря, найденного в ней, эта землянка является памятником, превосходящим все, что было известно до сих пор в области археологии древнерусского жилища. Как и все другие раскопанные на этом участке землянки, описываемая землянка вскрыта в лёссе, стенки ее обмазаны глиной и обожжены. Материковый лёсс, в котором вырыта землянка, был перекрыт мощным культурным слоем. Первые признаки землянки были обнаружены на глубине 1.30—1.35 м. На этой глубине показались разрушенные стенки землянки из обожженной глины, куски обгорелого дерева, обломки костей животных и птиц, фрагменты керамики, куски ручных жерновов и пр. Границы землянки хорошо прослеживались благодаря красноватой полоске обожженных стенок; заполнение землянки представляло сильно гумусированный слой с большим количеством обожженного дерева, угля, золы, обломков глиняных стенок землянки и многочисленным инвентарем; за пределами землянки шел плотный материковый лёсс.

Высота сохранившихся стенок землянки (рис. 1) колеблется от 0.80 м до 0.25—0.20 м. Стенки обмазаны глиной и докрасна обожжены. Толщина глиняной обмазки 0.08—0.10 м. Длина северной и южной стенок 3.20 м, западной — 3.10 м, восточной — 3.60. В восточной стенке, на расстоянии 1.35 м от юго-восточного угла землянки прослежены следы входа, перерезавшего обожженную стенку. Ступенек лестницы не сохранилось, но углубление в материке за восточной стенкой свидетельствует, несомненно, о существовавшем здесь спуске в землянку. Пол землянки, хорошо утрамбованный и обожженный, был обнаружен на глубине 2 м от современной поверхности. Глиняная обмазка пола неоднократно подновлялась. Слои плотной и обожженной глины легко расчленились при снятии. Засыпь толщиной около 0.7 м, лежавшая между полом и уровнем верхних сохранившихся частей стенок, образовалась в результате обвала верхних (наземных) частей землянки и состояла из кусков обожженной глины и обуглившегося дерева, под которым сохранился полностью весь инвентарь, находившийся в землянке в момент обвала.

В северо-восточном углу землянки прекрасно сохранилась глиня-

¹ Подробный отчет о раскопках 1938 г. публикуется нами в I томе Материалов и исследований по археологии Киевской Руси, издаваемых Институтом археологии Академии Наук СССР.

ная печь, сделанная на небольшом возвышении, поднятом над уровнем пола на 0.20 м. Это возвышение представляет собой площадку из материкового лёсса, оставленного при устройстве землянки; на площадке лежал слой битой глиняной посуды, покрытый сверху глиняной обмазкой, неоднократно подновлявшейся. Эта своеобразная конструкция по́да печи была широко распространенным явлением в киевских жилищах XI—XIII вв. В некоторых случаях битая посуда заменялась битым кирпичом. Площадка, на которой поставлена печь, немного больше самой печи, края ее выступают на несколько сантиметров. Свод печи, имеющий полусферическую форму, сделан из глины на деревянном каркасе, следы которого сохранились внутри печи в виде вертикальных желобков-канелюр. Верхняя часть свода обвалилась. Необходимо отметить, что печь

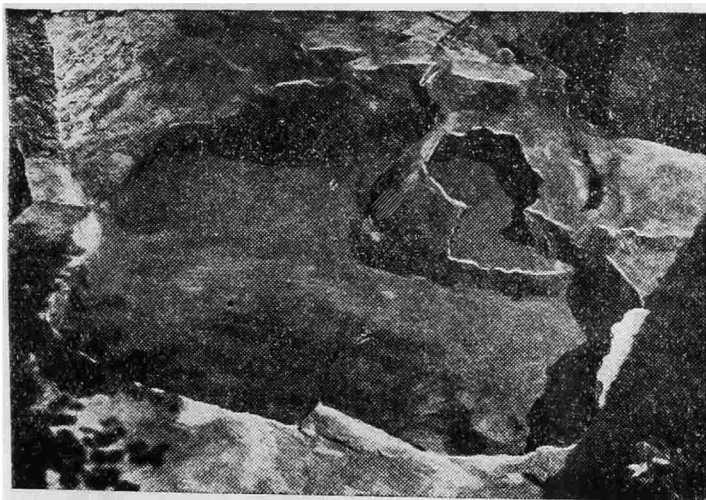

Рис. 1. Киев. Общий вид землянки-мастерской (без инвентаря).

чрезвычайно велика, особенно если принять во внимание небольшие размеры самой землянки. Размер печи (по поду): длина 1.50 м, ширина — 1.17 м, толщина стенок свода — 0.15—0.17 м, высота сохранившихся частей свода — 0.35—0.40 м, ширина устья печи (по поду) 0.55 м, кверху чело печи суживается. Внутри печи были найдены обгорелые кости животных и птиц, куски обуглившегося хлеба и два фрагмента стеклянного браслета.

К западу от печи на полу землянки были обнаружены четыре неглубокие ямки небольшого диаметра, внутри которых при зачистке были найдены истлевшие остатки деревянных столбиков. Повидимому, это остатки от ножек стола. Нижняя часть еще одного столбика несколько большего диаметра была обнаружена в углу, между печкой и столом; назначение его, очевидно, связано с печью.

Внутри землянки найдено огромное количество разнообразных предметов. Поскольку наиболее существенные из них показаны на публикуемом плане землянки (рис. 2), предлагаемое ниже описание предметов дается не в топографическом, а в систематическом порядке.

Предметы, найденные в землянке, можно разделить на две группы. В первую входит разнообразный бытовой инвентарь, принадлежавший владельцам землянки; во вторую — орудия производства, сырье, полуфабрикаты и готовые изделия, характеризующие раскопанную землянку не только как жилище, но и как ремесленную мастерскую.

В первой группе предметов большой интерес вызывает прежде всего глиняная посуда. Если фрагменты глиняной посуды в раскопках древнерусских городов особенно обильны и число их измеряется в бо-

лее или менее крупных раскопках не только тысячами, но часто и десятками тысяч экземпляров, то целые экземпляры глиняной посуды при раскопках городищ единичны. Тем более ценен тот исключительный ассортимент глиняной посуды, который был обнаружен в описываемой землянке.

Между четырьмя ножками стола была найдена раздавленная корчага (типа пифоса), которую удалось полностью восстановить (рис. 3). Корчага эта, высотой 0.95 м, с диаметром горла 0.20 м,

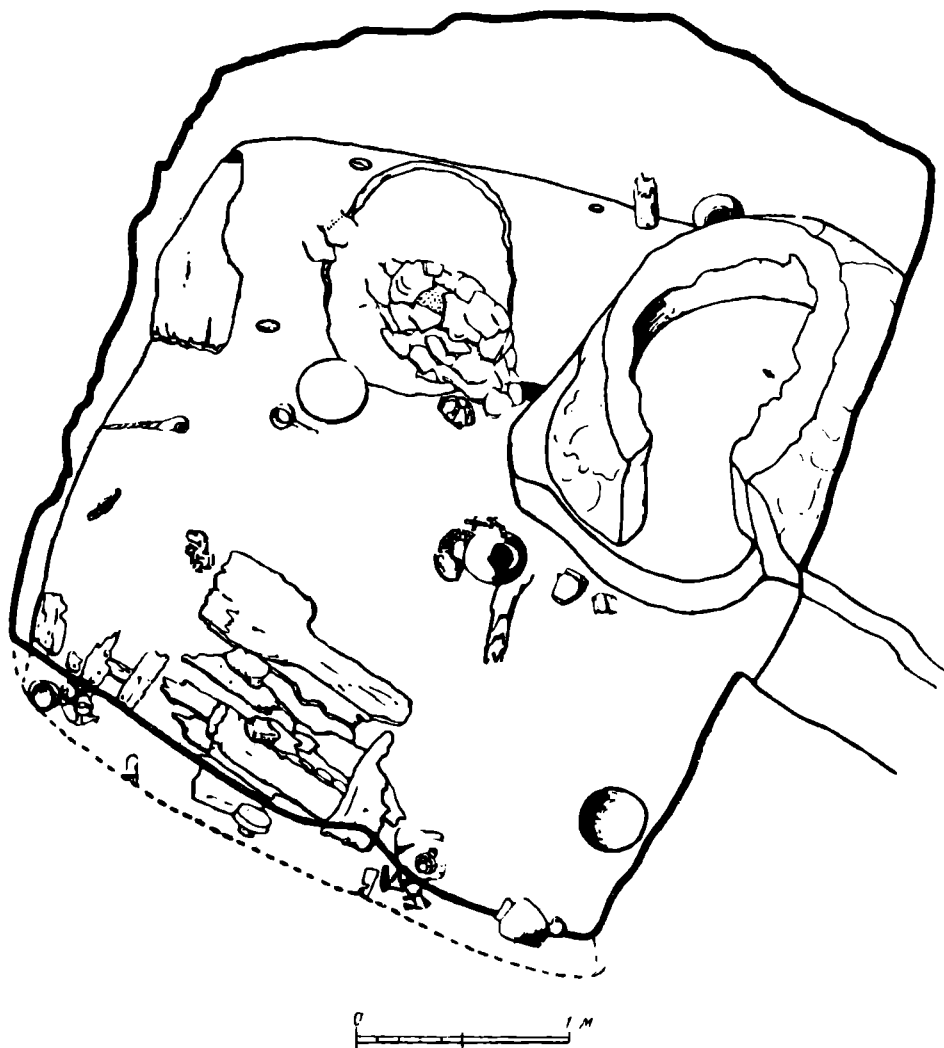

Рис. 2. Киев. Общий вид землянки-мастерской (аксонометрия).

содержала внутри больше пуда обгорелого зерна пшеницы. Отверстие ее было прикрыто плиточным кирпичом. Корчага стояла в углублении неправильной формы, диаметром около 1.00 м, глубиной 0.20 м ниже уровня пола.

Остальная глиняная посуда, найденная в землянке (рис. 4), представляет в основном тип горшка с невысоким, слабо отогнутым венчиком, с одним или двумя ушками. Орнамент сосудов стабилен: встречается линейный, ногтевой, реже волнистый орнамент. Все сосуды сделаны на круге, хорошо обожжены, глина обычно серая, реже — черная.

Среди найденной в землянке посуды обращает внимание глиняный кувшин с узким горлом, с одной ручкой, покрытый светложелтой поливой. Существование местной поливной одноцветной керамики в Киевской земле в XI—XIII вв. в настоящее время не вызывает никаких сомнений. Многочисленные находки фрагментов поливной посу-

ды в раскопках последних лет в Киеве и, в частности, большое количество поливной (с зеленой поливой) посуды в раскопках 1938 г. не позволяют сомневаться в том, что поливная керамика была местным производством, широко развитым в XI—XIII вв. Отличительной особенностью найденного в землянке кувшина является светло-желтая полива, реже встречающаяся среди известных фрагментов киевской поливной керамики этого периода.

Найденный в той же землянке небольшой сосуд типа ковши или чашки с одной ручкой, украшенный ногтевым орнаментом, представляет довольно распространенный в киевской керамике XI—XIII вв. тип посуды. Сосуды подобной формы встречались в раскопках Киева, Вышгорода, Княжой горы и в ряде других городских центров Киевской земли.

Помимо описанных выше целых сосудов, в землянке найдено значительное количество фрагментов керамики. Среди них необходимо отметить целый ряд фрагментов амфорной посуды из хорошо обожженной красной глины.

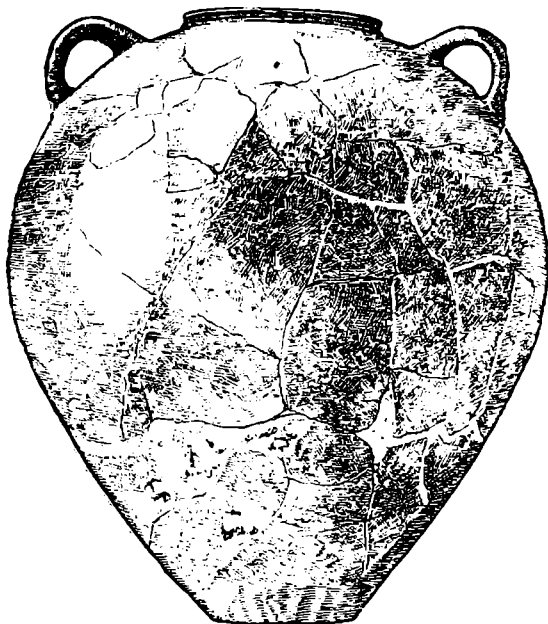

Рис. 3. Киев. Корчага из землянки.

Рис. 4. Киев. Глиняная посуда из землянки.

Вся глиняная посуда, описанная выше, служила для варки или хранения пищи. В одном из горшков, найденных в землянке, сохранились запекшиеся от сильного жара комки разварившегося пшена. Повидимому, в горшке варилась каша.

Наряду с глиняной посудой, в описываемой землянке найдено довольно значительное количество фрагментов разнообразной дере-

вянной посуды. Среди них наиболее хорошо сохранился фрагмент деревянного ведра, обитого железными обручами; фрагменты нескольких неглубоких деревянных мисок, какой-то посуды, сделанной из лубка, и двух ложек (рис. 5). У одной из стенок землянки были найдены

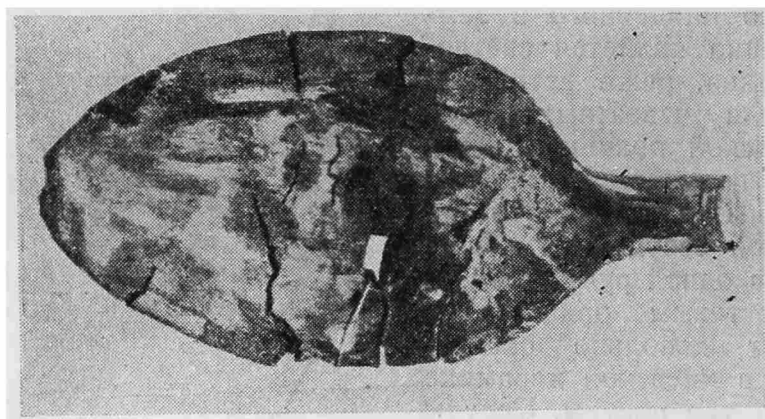

Рис. 5. Киев. Деревянная ложка из землянки.

остатки обгорелой деревянной кадушки с перегоревшей рыхлой массой внутри, оказавшейся мукой. Из других деревянных предметов, найденных в землянке, нужно упомянуть гребень, фрагменты деревянного предмета с одним заостренным концом и с отверстием в другом конце (назначение непонятно), плохо сохранившийся предмет, плетеный из прутьев, и пр.

Среди хозяйственного бытового инвентаря в землянке был обнаружен ряд железных предметов: три трубчатых замка, один из которых

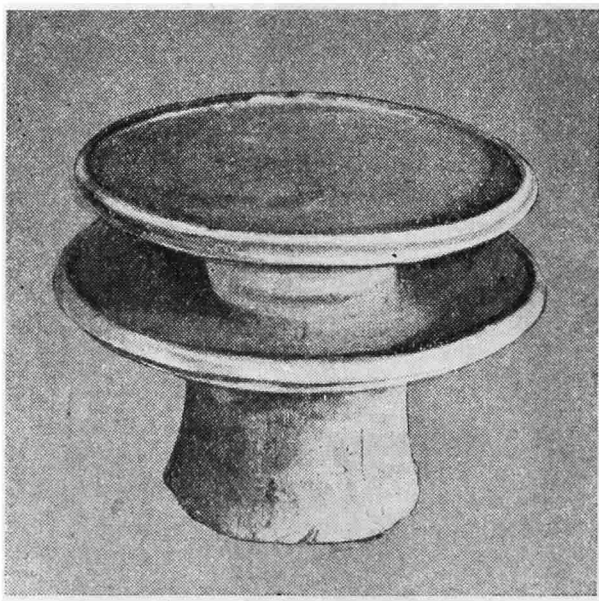

Рис. 6. Киев. Светильник из землянки.

заперт на петле с закладкой, два ключа (один в форме лопаточки, другой — в форме продолговатого стержня), значительное количество кованых гвоздей, скоба и петля, кресало, обломок ножа, железный вогнутый диск, напоминающий сковороду, и целый ряд других деформированных коррозией железных предметов.

Помимо керамики, железных и деревянных предметов, в землянке найден один совершенно целый глиняный светильник (рис. 6) и несколько фрагментов подобных светильников; обгорелые куски кожи со следами швов (видимо, остатки обуви); горелые нитки, перевитые между

прутьями, обгорелая грубая ткань и горелое волокно, четыре шиферных пряслица, грузило, медная блеска и пр.

Среди предметов художественного ремесла, найденных в землянке, необходимо отметить несколько фрагментов стеклянных браслетов, медную фигурную пряжку со стержнем, два медных креста-энколпиона и один маленький медный крестик с утолщением на концах.

К этой же группе предметов необходимо отнести еще две находки, представляющие исключительный интерес для истории киевского художественного ремесла. Подле обломков раздавленной корчаги, почти на

самом дне землянки была обнаружена медная литая лампада с рельефным изображением четырех нимбированных фигур (рис. 7). Огромные головы и руки их, беспомощность в постановке фигур, полное непонимание моделировки одежд — все это свидетельствует о крайне примитивном, но в то же время чрезвычайно своеобразном искусстве мастера, отливавшего эту лампаду. В промежутках между фигурами к лампаде прикреплены оформленные в виде масок кольца для подвесок. Подле лампы были найдены фрагменты медной цепочки, на которой подвешивалась лампада. Не ставя в настоящей статье задачи исследования этого крайне своеобразного памятника, считаем необходимым, однако, упомянуть, что в собрании Киевского исторического музея существует второй экземпляр такой же точно лампы, вылитой, повидимому, в той же форме, что и лампада из нашей землянки. Лампада Киевского музея (рис. 8) происходит из погребения, раскопанного в 1874—75 гг. у местечка Тальное, Уманского района, Киевской области. Форма лампы Киевского музея и фигуры святых полностью повторяют лампаду из землянки. На лампе музея не сохранились только (или не были сделаны) маски с кольцами для подвески.

Не меньший интерес вызывает второй предмет, найденный у южной стенки землянки. Это — полая внутри серебряная подвеска в форме лунницы с геральдическим изображением на обеих сторонах парных птиц с пышными хвостами, переходящими в ленточное плетение (рис. 9). Подвеска служила, повидимому, частью богатого конского убора.

Каким образом лампада и серебряная подвеска очутились в нашей землянке, были ли оба эти предмета «бытовыми вещами» владельца землянки или же они были продукцией его ремесла — на эти вопросы с некоторой долей вероятности придется ответить несколько ниже в связи с описанием целого комплекса разнообразных предметов, найденных в этой же землянке, характеризующих ее уже не в качестве жилища, а в качестве ремесленной мастерской.

Среди железных предметов, найденных в землянке, помимо бытового инвентаря, описанного выше, был обнаружен целый набор деревообделочных инструментов (рис. 10): топор, сверло с втулкой для горизонтальной деревянной ручки, инструмент, служивший для очистки коры с бревна, известный в этнографическом материале под названием скобеля, со следами деревянных ручек, оправлявших заостренные концы этого инструмента; орудие, имеющее форму обоюдоострой кирки с круглой втулкой посередине, служившее, повидимому, для раскалывания дерева, и, наконец, небольшой инструмент в форме ложки с заостренными краями, служивший для выдалбливания дерева. Любопытно, что, наряду с набором деревообделочных инструментов, в той же землянке были найдены три сильно стертых точильных бруска. Если топор, являвшийся в древней Руси универсальным орудием городского и сельского населения, отнюдь не может служить основанием для определения характера ремесленной деятельности владельца землянки, то сочетание пяти деревообделочных инструментов, некоторые из которых вообще являются сравнительно редкими находками, позволяет предположить, что обработка дерева в землянке была как-то связана с ремеслом, которым занимался владелец этой землянки.

Другие орудия производства, найденные в этой же землянке, однако, показывают, что было бы безусловно ошибочно считать владельца нашей землянки простым плотником. В юго-западном углу землянки, почти на самом полу, были обнаружены четырнадцать маленьких глиняных горшочков, внутри которых сохранились остатки различных красок (рис. 11). Вместе с горшочками лежала одна раковина улитки, на стенках которой были следы краски. Некоторые горшоч-

ки передают в миниатюре форму больших глиняных горшков, другие имеют форму неглубоких плошек, у двух из них — ручки различной формы.

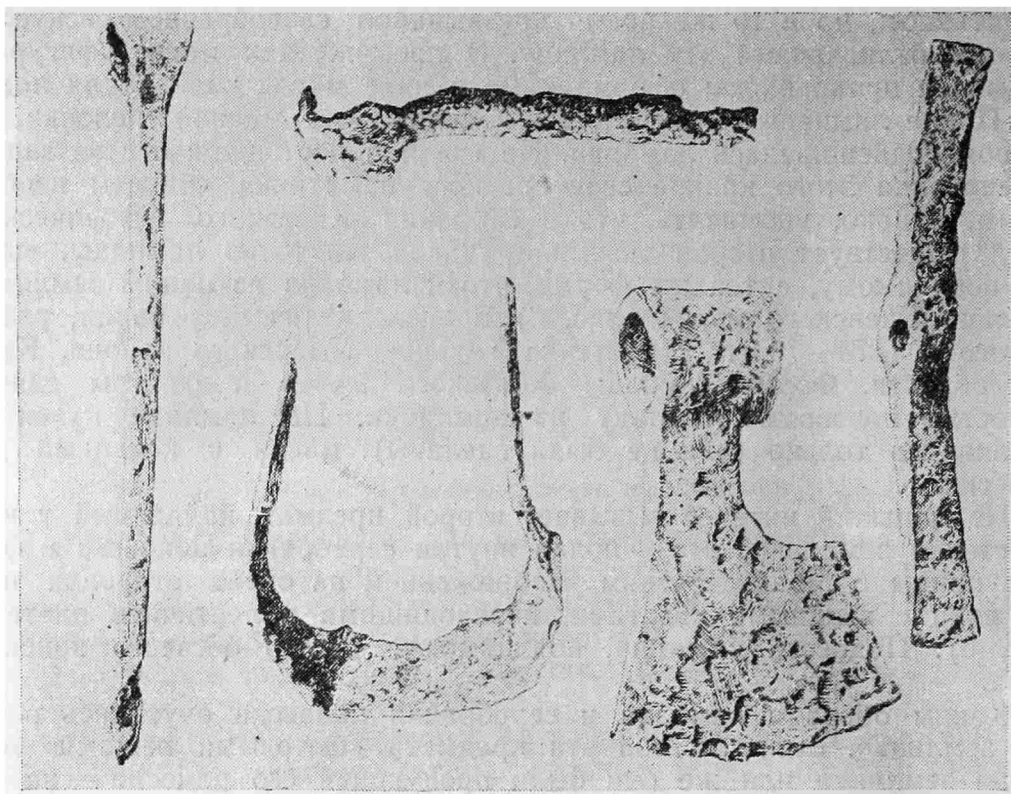

Рис. 10. Киев. Деревообделочные инструменты из землянки

Рис. 11. Киев. Горшочки с красками из землянки.

Находка эта совершенно исключительна, ничего подобного среди памятников древней Руси до сих пор не было известно. Некоторые представления о процессе труда древнерусских художников давали лишь изображения художников-иконописцев за работой на миниатюрах XVI—XVII вв. Но, не говоря уже о большой условности этих изображений, все они относятся, по сравнению с нашими находками, к значительно более позднему времени. Горшочки с красками, найденные наряду с инструментами по обработке дерева, казалось бы, позволяют

Рис. 7. Киев. Медная лампада из землянки.

Рис. 8. Киев. Лампада из собрания Исторического музея.

Рис. 9. Киев. Серебряная подвеска из землянки.

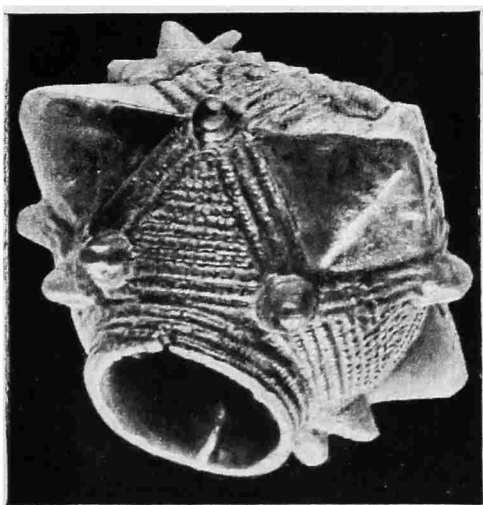

Рис. 13. Киев. Будава из землянки.

притти к выводу, что в землянке жил и работал художник-иконописец. Однако, судя по находке еще одного замечательного комплекса, в землянке занимались не только живописью.

В самом центре мастерской-землянки, недалеко от угла печи, на полу был найден покрытый желтой поливой кувшин, упомянутый выше при описании глиняной посуды. Подле него, а частично в нем,

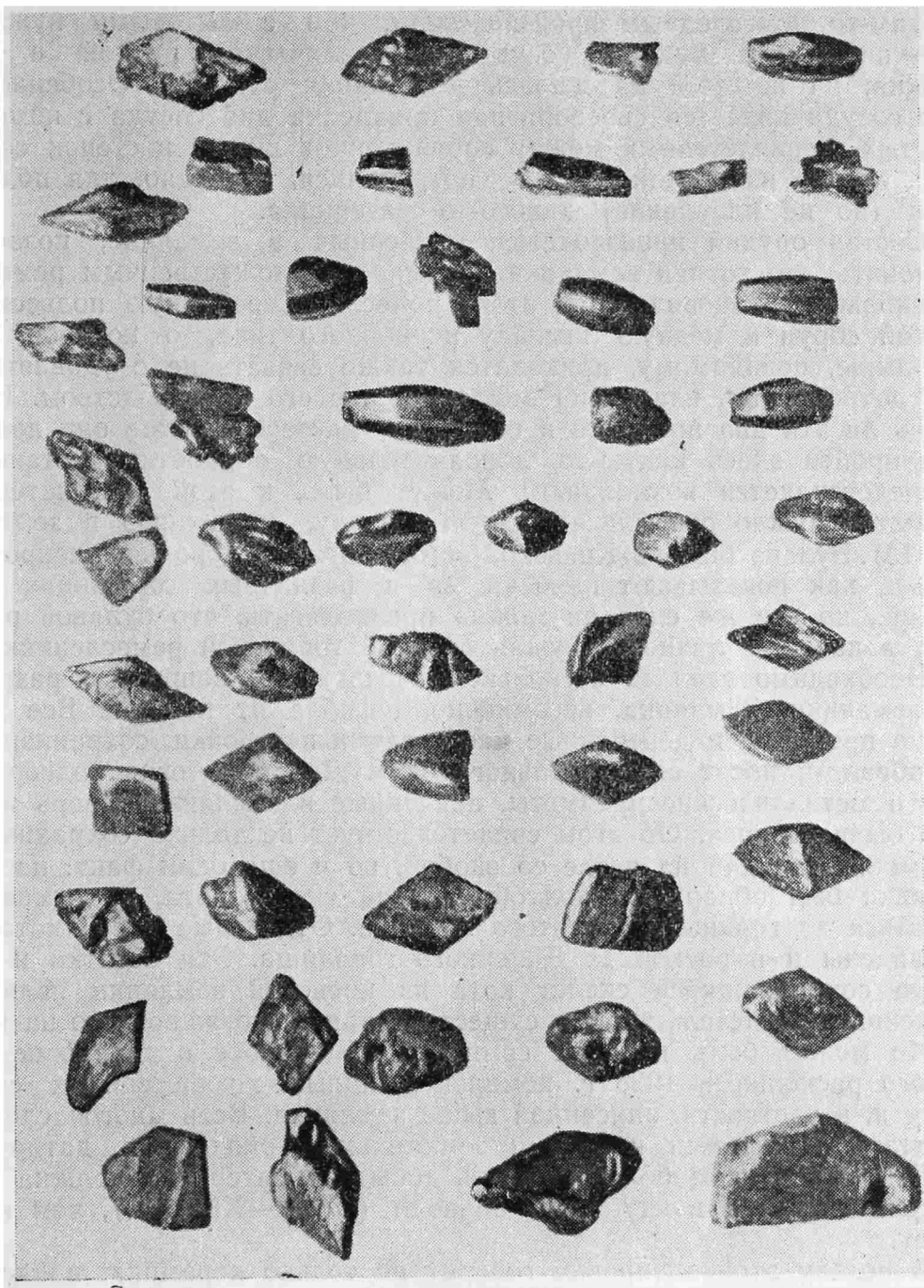

Рис. 12. Киев. Полуфабрикаты янтарных изделий из землянки.

было обнаружено около 600 граммов янтаря. Это были в большей части необработанные кусочки небольшого размера, среди которых находилось свыше пятидесяти полуобработанных заготовок для бус и несколько заготовок для крестиков-тельников. В этой же куче янтаря имелось несколько готовых бусин и небольшое количество бусин и крестиков, повидимому испорченных при обработке (рис. 12).

Находки янтарных изделий в древнерусских погребениях очень многочисленны, но мастерская по изготовлению янтарных бус была

обнаружена до настоящего времени только один раз раскопками В. А. Городцова на городище Старая Рязань. По количеству материала и полуфабрикатов киевская мастерская значительно превосходит рязанскую. Неподалеку от янтаря было найдено несколько кремней, служивших, повидимому, орудиями для шлифовки янтаря.

Среди найденных в землянке предметов еще один, несмотря на всю загадочность его применения, повидимому, также связан скорее с каким-то ремесленным производством, чем с бытовыми нуждами. Это — небольшой медный сосуд с металлической ручкой в виде стержня, на который надевалась деревянная рукоять. Особенностью этого сосуда является своеобразная приклепка дна сосуда с помощью загнутых, переплетенных между собой концов днища и стенок сосуда. Сосуд сделан из тонкой меди и употреблялся, очевидно, для подогревания (но не плавления) какого-то материала.

Состав орудий производства, найденных в землянке, позволяет установить, что хозяин землянки занимался художественным ремеслом в нескольких разновидностях этого ремесла. Серебряную подвеску от конской сбруи и медную лампаду церковного типа, о которой была речь выше, повидимому, приходится также связать не с удовлетворением потребностей владельца землянки, а с его производством. Нашлись ли эти два предмета в починке у мастера или же они должны были пройти здесь какую-то дополнительную обработку, установить не представляется возможным. Может быть, к этой же категории предметов нужно отнести и медную булаву, найденную в землянке (рис. 13). Булава была в Киевской земле оружием довольно распространенным, как показывают находки ее в различных городищах XI—XIII вв., но все же едва ли можно предполагать, что булавой располагал в качестве личного оружия средний городской ремесленник.

Необходимо сделать несколько замечаний по вопросу о разрушении землянки. Землянка, несомненно, погибла от пожара. Все деревянные предметы и деревянные части самой постройки, сохранившиеся под обвалом, несут следы сильного огня. Действию огня подверглись даже и металлические предметы, найденные в землянке. Дверь в жилище была заперта. Об этом свидетельствует не только сохранившийся замок, висевший на петле со скобой, но и еще один факт: на полу землянки был обнаружен полуобгоревший скелет кота, не сумевшего выбраться из горящего запертого жилища. Отдельные кости кота были найдены и в раскопках Донецкого городища. Эти остатки и полностью сохранившийся скелет кота из киевской землянки являются древнейшим свидетельством о существовании этого животного на Руси.

Не может быть никаких сомнений по вопросу о датировке раскрытого раскопками 1938 г. комплекса жилых хозяйственных сооружений и, в частности, описанной выше землянки. Весь многочисленный инвентарь, найденный в восьми землянках и около них, датируется XI—XIII вв., причем большая часть добытого материала должна быть отнесена скорее к концу этого периода (к XII—XIII вв.), чем к его началу.

В пользу этой датировки говорит не только керамика, найденная в огромном количестве, но и ряд других характерных для киевской культуры XI—XIII вв. памятников (медная булава, светильник, стеклянные браслеты, кресты-энколпионы с надписью «богородица помогай», византийская монета XII в. и др.). На всем раскопанном участке среди десятков тысяч фрагментов керамики был встречен всего один фрагмент лепной керамики, причем в верхних нарушенных слоях. В период господства лепной керамики раскопанный участок явно еще не был заселен.

Чрезвычайно важно установить, когда и при каких обстоятельствах перестал существовать изучаемый нами район города. Почти во всех раскопанных землянках видны следы большого стихийного

пожара. Описанная землянка в этом отношении позволяет нарисовать очень интересную картину. Землянка сгорела и обрушилась явно в отсутствие хозяев. Запертого в землянке кота выпустить было некому. Больше того, хозяин даже и после пожара не возвратился на разрушенное пепелище; только этим можно объяснить значительное количество необходимых, а отчасти и драгоценных вещей (янтарь, серебряная подвеска, энколпионы, булава, орудия столярного производства, горшочки с красками), оставшихся под обвалом землянки.

При изучении стратиграфии раскопанного участка было установлено, что над слоем XII—XIII вв. нет культурных напластований XIV—XV вв. Заплывшие гумусом землянки долгое время, повидимому, оставались нетронутыми. Они были перекрыты мощным напластованием культурных слоев в более позднее время — в XVII—XIX вв.

Из сопоставления этих фактов нам кажется возможен предположительный вывод, что стихийный пожар, прервавший на много столетий кипучую жизнь этого района, был связан с разгромом Киева татарскими полчищами в 1240 г. Как известно, в результате татарского разгрома 1240 г. старый центр Киева (Владимиров город) надолго превратился в груды развалин, уступив потом свое место новому замку на Киселевке. Раскопки на территории Владимирова Киева позволили установить незначительность культурных слоев XIV—XV вв. В какой-то степени разгром коснулся, повидимому, и района, вплотную примыкавшего к княжеским монастырям Дмитриевскому и Михайловскому Златоверхому, без сомнения, представлявшего лакомый кусок для искателей богатой добычи.

М. К. Каргер

ЖЕРНОВА ВЩИЖСКОГО ГОРОДИЩА

Мукомольные ручные жернова являются одной из частых находок на древнерусских городищах. Чаше встречаются обломки, реже — целые жернова, но никогда еще раскопочные материалы не позволяли восстановить полностью конструкцию ручной мельницы и процесс размала зерна.

Находки на Вщижском городище в 1940 г. впервые дают возможность установить все детали мукомольного дела.

Раскопками 1940 г. в центральной части древнерусского города Вщижа XII—XIII вв. обнаружены остатки большого деревянного дома, в подвале которого найдены жернова. Дата дома устанавливается по шиферным пряслицам, стеклянным браслетам, керамике курганного типа XI—XIII вв. Уточняющим моментом является находка в составе глиняного теста печи церковных кирпичей со следами извести. Разрушение церкви могло произойти не ранее 1160—1166 гг. Таким образом, жилой комплекс датируется концом XII — началом XIII века.

В раскоп 1940 г. попала лишь незначительная часть дома (около $\frac{1}{6}$), ориентированного с юго-запада на северо-восток, именно его северный угол. Сообразуясь с современной планировкой и конструкцией домов во Вщиже, можно легко восстановить нераскопанные части, так как данные раскопок в других точках городища позволяют говорить об очень большом сходстве зданий XII—XIII вв. с современными. Обилие прекрасного строевого материала давало возможность строить большие бревенчатые дома. Сруб дома ставился на «стулья» — большие комлевые чурбаны, врытые в землю. «Стулья» возвышаются иногда над землей, и тогда деревянный пол приподнят над поверхностью земли. Следы сруба в данном жилище не найдены (они есть

в раскопе № 11), но «стулья» прослежены хорошо. Они определяют границу жилища.

Внешняя сторона дома определяется двумя большими зерновыми ямами (емкость около 2 т зерна каждая), внутренняя — глинобитной печью.

Печь в современных избах стоит так, что прикасается к деревянной стене избы своей задней стенкой. Тулово печи выступает на середину избы и делится на две равные части. Печь ставится на срубе, в 3—4 венца, который, в свою очередь, стоит на небольших «стульях». Совершенно такая же конструкция печи прослежена в жилищах IX—X вв. и такая же намечается в интересующем нас доме конца XII — начала XIII в.

По обе стороны печи, на уровне сруба, опираясь на него, настланы низкие полаты. Если стоять лицом к устью печи, то налево обычно

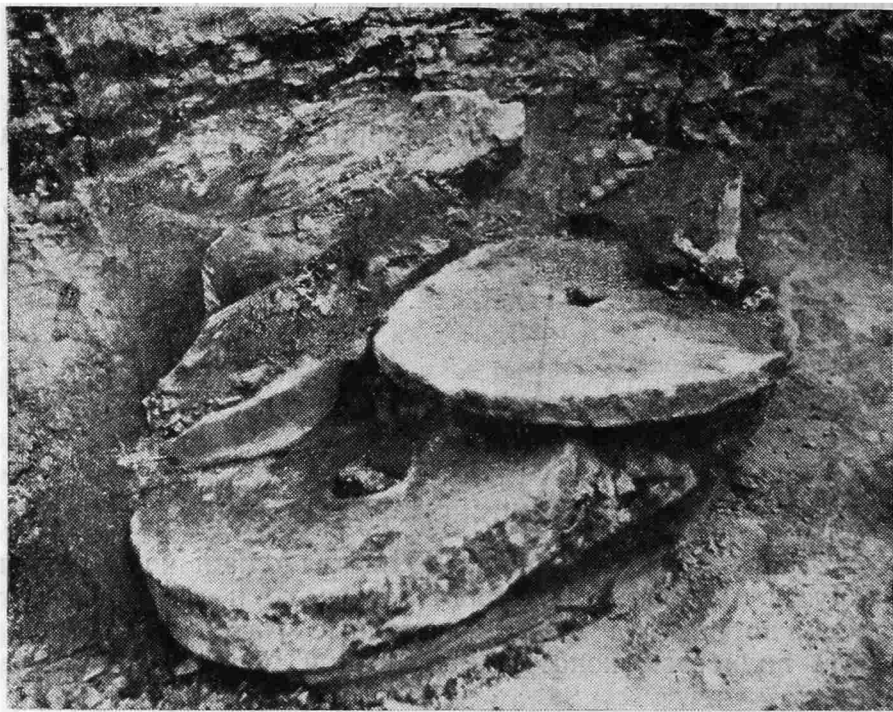

Рис. 14. Вщижское городище. Расположение жерновов на дне подполья.

располагаются спальные полаты, направо — ближе к двери — полаты хозяйственного назначения, под которыми пола нет и вырыто подполье. На хозяйственных полатах рядом с печью крестьяне держат подручные запасы муки на ближайшие дни, здесь просеивают муку, замешивают тесто. Одним словом, все связанное с хлебопечением группируется на полатах рядом с печью, над подпольем. В XII в. к этому хлебному хозяйству добавлялись еще жернова.

Дом погиб от сильного пожара, во время которого все предметы, находившиеся на полатах, рухнули в подполье. Фотография (рис. 14) дает представление о том, в каком виде найдены жернова и другие предметы, лежавшие на полатах. Во время падения все перепуталось, верхний жернов оказался под нижним, и притом рабочей поверхностью вверх. Оба жернова сделаны из мягкого пористого песчаника.

Верхняя поверхность верхнего жернова (рис. 15) плоская, нижняя (рабочая) — вогнутая. Вес — 32 кг 100 г; диаметр — 50 см, толщина в центре — 7 см, диаметр отверстия — 11 см.

Со стороны рабочей поверхности по краям отверстия сделаны 2 паза глубиной 3,6 см, в которые вставлена массивная железная перекладина, напоминающая по форме молоток, но без сквозного отверстия.

Ее этнографическое название «порхлица».¹ Длина — 11 см, ширина у краев — 2 см, в центре — 2.6 см; толщина — 3 см.

В центре перекладки небольшое сферическое углубление (диаметр 0.6 см). Вставлена перекладка в жернов так, что углубление обращено к нижнему жернову. Вокруг жернова обод из луба, обнимаю-

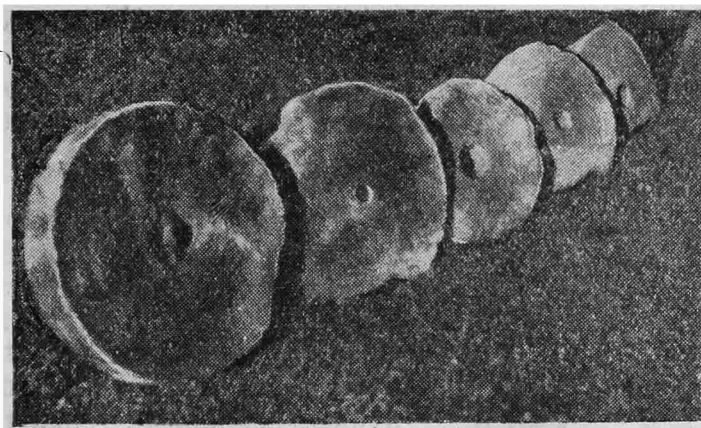

Рис. 15. Вщижское городище. Жернова.

щий его плотным кольцом. Ширина луба — 5 см, толщина — 0.7 см. Около луба найден фрагмент круглой резной деревянной ручки.

Нижний жернов сильно изношен, края сточены. На рабочей поверхности найдено зерно пшеницы. Рабочая поверхность выпуклая. Вес — 14 кг 600 г, диаметр — 48.5 см, толщина у края 3.5 см, в центре — 7 см, диаметр отверстия наверху — 3 см, внизу — 4.5 см.

Внутри отверстия найдены небольшие деревянные клинья.

Рядом с нижним жерновом лежал железный предмет, напоминающий по форме копье, но с тупым, округлым концом. Длина — 18 см, длина втулки — 7 см, толщина стержня — 1.5 см, диаметр втулки — 3.5 см, диаметр площадки тупого конца — 0.6 см.

Стержень шестигранный, втулка внутри угловатая. На стержне сохранилась пропитанная окисью железа холщевая обмотка и следы деревянных клиньев. Народное название стержня — «веретено».

У верхнего жернова обнаружено небольшое деревянное ведро, от которого сохранились дно и нижние части клепок. В соседнем квадрате найдены вещи, возможно имеющие отношение к ведру: железный крюк с кольцом и ушко от ведра (?).

Из других предметов, найденных около жерновов, нужно упомянуть кусок шелковой ткани и две краюхи печеного ржаного хлеба. Найденные части позволяют полностью восстановить конструкцию жерновов (см. рис. 16).

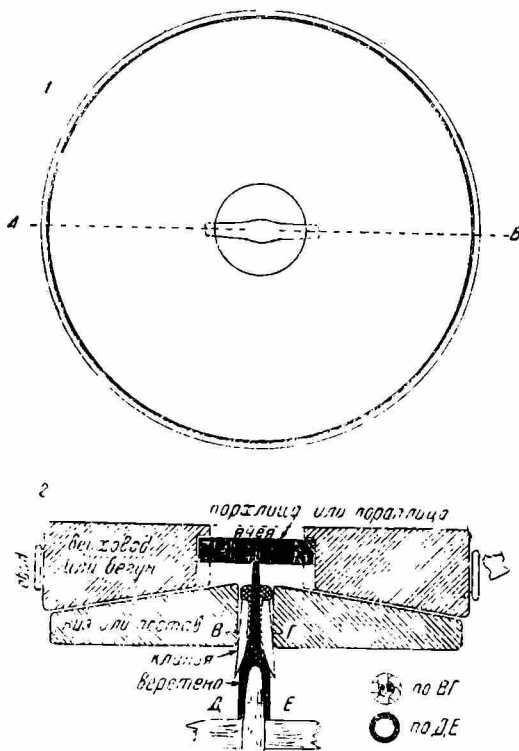

Рис. 16. Вщижское городище.

Жернова из раскопа №1 (дом XII—XIII вв.); 1. Вид жернова сверху. 2. Разрез по линии А—Б.

¹ Д а л ь. Толковый словарь великорусского языка.

Жернова находились направо от печи, на полатах, высота которых, очевидно, не превышала высоту стола.

Железный стержень («веретено») насаживался на деревянный кол, возможно, врытый в подполье и выходящий поверх полатей. На веретено насаживался нижний жернов («постав», «низ») выпуклой поверхностью вверх. Для прочности насадки веретено обматывали холстом и заклинивали деревянными клиньями. Коническая форма отверстия нижнего жернова («ячеи») способствовала прочности его соединения с конической втулкой веретена. Верхний жернов («верховод», «бегун») надевался на веретено так, что углубление в железной перекладине приходилось на верхний конец веретена. Плоскость трения была очень незначительной.

Жернов без зерна легко вращается при незначительном усилии, несмотря на большой его вес. Для скрепления верхнего жернова с рукоятью существовал лубяной обод, к которому подвижно прикреплялась

длинная палка (найден нижний конец ее). Верхний конец палки, судя по миниатюрам, изображающим размол на ручных жерновах, также подвижно прикреплялся к потолку. Лубяной обод предохранял верхний жернов от влияния центробежной силы. В современных жерновах эту роль выполняет железная шина.

Хорошо центрированный «верховод» находится на веретене на расстоянии 14 см от поверхности полатей. Далее шел «низ» («постав», «нижник»), занимавший еще 7 см. Таким образом, вся система была приподнята на 7 см от полатей.

Находка холста вокруг всех жерновов и особенно около нижнего может помочь в вопросе о приспособлениях для сбора размолотой муки. Просвет между жерновами и полатами предназначался, очевидно, для того, чтобы растелить холст под жерновами.

Не исключена возможность, что у жерновов был специальный деревянный ящик для сбора муки, сыпавшейся из

под камней, так как рядом с ними найдено много обугленных фрагментов дерева, но доказать наличие подобного ящика нельзя.

Зерно сыпалось сверху в широкое отверстие — «ячею». Деревянная бадья, найденная непосредственно на жерновах, могла служить для засыпки зерна. В таком случае она должна была быть подвешена над жерновами. Вместе с ушком бадьи найден прикипевший к нему истертый железный крюк. По всей вероятности, за этот крюк бадья и подвешивалась к потолку.

Во вщижских находках наибольший интерес представляют железное копьевидное веретено и железная перекладина — «порхлица», несущая на себе верхний камень. Теоретически предполагалось, что выемки в верхнем жернове должны были служить для каких-то вкладышей. Встречались отдельно и самые вкладыши (Княжая гора, Донецкое городище), но не было еще уверенности в их назначении (рис. 17).

В музейных экспозициях нередко реконструировали систему жерновов значительно проще; оба жернова надевали на одну деревянную ось. Данные Вщижского городища позволяют восстановить не только взаимное положение камней, но и способ регулирования тонкости размола.

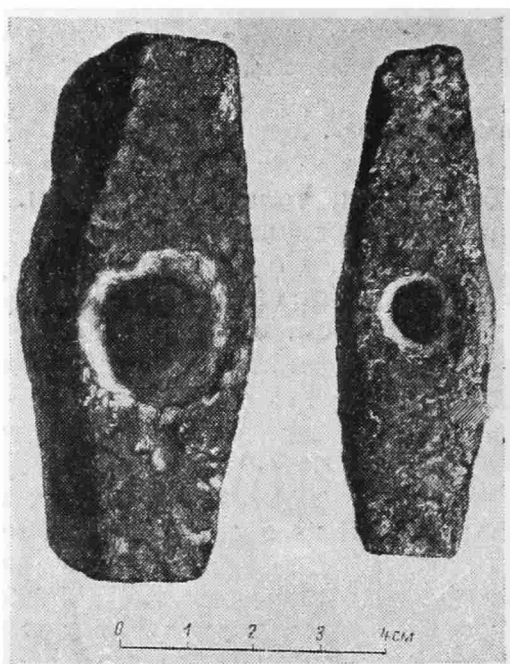

Рис. 17. Княжая гора. Железные вкладыши жерновов.

При постоянной высоте верхнего жернова такое регулирование можно осуществлять только поднятием или опусканием нижнего жернова по оси. Для этой-то цели и служили холщевая обмотка и заклинивание. Для получения муки тонкого размола нужно было поднять нижний жернов вверх по оси и закрепить его. К этой операции приходилось прибегать по мере стирания жерновов и увеличения зазора между ними.

Вщижские жернова являются хорошими образцами древнерусской ручной домашней мельницы. Они принадлежат к крупнейшим экземплярам: средний размер русских жерновов 35—40 см, т. е. на 10—15 см меньше вщижских.

Напомним, что им предстояла большая работа по размолу зерна, хранившегося рядом с домом в двух зерновых ямах, общая емкость которых доходила до 3,5 т зерна. Во Вщиже при разных земляных работах найдено было не менее пяти комплектов жерновов. Очевидно, каждый двор имел свою мукомольную установку.

Размол зерна (как и все связанное с хлебопечением) был в древней Руси делом женским. В одном из памятников XVI в. есть фраза, не оставляющая в этом сомнений: «Чи того ради идохом за вод, да быхом мололи или хлебы пекли?»¹

Слово «жернов» в форме «жрънъвъ» или «жърны» хорошо знакомо древнерусским письменным памятникам XI—XIII вв.; употреблялось оно преимущественно в двойственном числе, что соответствовало его реальному бытованию. Слово это, очевидно, находится в связи со словом «зерно».

Водяные механические мельницы (млыны), впервые упоминаемые во второй половине XIII в., а появившиеся, вероятно, ранее, долго сосуществовали с ручными жерновами. Вплоть до XIX в. русская деревня сохранила ряд терминов, связанных с ручным размолотом; так, в избах один из углов, противоположный красному, назывался «жернов-угол». ² Русский фольклор знает сказку о чудесных «жерновках», стоявших в избе. ³

Основные технические детали будущей мельницы были разработаны еще на ручных жерновах.

Реконструирование системы жерновов интересно еще и потому, что добавляет новые черты к нашим сведениям о древнерусской механике. Русские жерновники сумели преодолеть колоссальное сопротивление двух соприкасающихся поверхностей и остроумно подвесить «верховод» с зазором любой величины. Большой знаток современной ему техники, «крепкий в замыслах» Даниил Заточник в числе своих метафор, взятых из технического мира, привлекает и жернова: «Да не уподоблюся жерновам, яка те многия люди насыщают, а сами себе не могут насытиться».

Мастера-жерновники этой эпохи по письменным источникам нам известны, но обилие жерновов, потребных и для деревни и для города, а также сложность выработки их заставляют предполагать наличие специалистов по выделке каменных жерновов — «жерновников» в составе русских ремесленников.

В этой связи интересен один из курганов, раскопанных В. Б. Антоновичем близ с. Буки на Киевщине. Там, в кургане № 26, над могилой в середине насыпи (по глубине) найдена груда камней, а под ними ручной жернов. Если принять во внимание, что в дружинных курганах в аналогичном месте встречается оружие, то возможно, что здесь перед нами погребение мастера-жерносека.

Б. А. Рыбаков

¹ И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. (под словом «жернов»).

² Даль. Толковый словарь.

³ Русские сказки, М., 1940.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЗОДЧЕСТВА ДРЕВНЕГО СМОЛЕНСКА

Смоленск исключительно богат памятниками материальной культуры XII—XIII вв., однако изучение их в дореволюционное время почти совершенно не производилось или было чрезвычайно поверхностным, случайным и далеко не научным. Интерес к памятникам зодчества Смоленска проявился еще в работах местных ученых XIX в. (С. П. Писарев, В. И. Грачев, И. И. Орловский и др.). Фиксация памятников была крайне примитивной: таков, например, совершенно непригодный план развалин церкви на Чурилке, снятый Писаревым. Раскопавший в 1867—1868 гг. развалины ц. Екатерины на Крупполище (XIII в.) Полесский-Шепилло составил план здания с неправильным расположением столбов, тогда как в действительности они расположены по правильному прямоугольнику. Исключение в этом отношении составили лишь раскопки развалин соборной церкви Борисоглебского монастыря на Смядыни (заложенной в 1145 г.), произведенные осенью 1908 г. архитектором-археологом Д. В. Милеевым по поручению Археологической комиссии.

Систематическое изучение памятников зодчества Смоленска началось с 1923 г. (реставрационные и археологические работы П. Д. Барановского, И. М. Хозерова, С. Д. Ширяева). Значительный интерес представили также наблюдения за земляными коммунальными работами, позволившие установить место и характер ранее неизвестных развалин древних зданий.

Ниже следует обзор наиболее важных открытий в области древнего зодчества Смоленска.

1. Изучение Петропавловской церкви, заложенной в 1146 г., принесло ряд новых фактов большого значения.

Обследование первой пары круглых пилонов установило их первоначальную крестообразную форму. Фундамент здания заложен в траншеях, вырытых в серо-зеленоватой дилuviальной глине материка; кладка фундамента — из булыжного камня с заполнением пустот этой же глиной путем трамбования. Удалось установить уровень древнего пола, а также характер первоначального западного портала, который был по-романски многообломным. На чердаке храма обнаружены остатки древнего барабана, оказавшегося двенадцатигранным. На северном фасаде открыта часть полуколонны на промежуточной пилястре, срубленной, повидимому, при капитальных переделках 1753 и 1757 гг. (рис. 18). В толще западной стены был найден тайник, устроенный, повидимому, в польский период истории Смоленска, а на откосе вскрытого древнего окна орнаментальная фреска XII в.

Позднее П. Д. Барановским были открыты фрески и на хорах (голова святого), а также ряд граффити, часть которых, несомненно, относится к XII—XIII вв. Реставрационные работы, начатые в 1926 г., до сих пор не закончены.

2. Иоанно-Богословская церковь, построенная смоленским князем Романом Ростиславичем в 1173 г., была обследована И. М. Хозеровым и С. Д. Ширяевым (1924 г.).

Раскопки установили факт значительной присыпки здания церкви в XIII в.; уровень XII в. был ниже современного на 1.92 м. Поэтому аркосолы оказались ниже существующего пола, что послужило поводом к неправильному заключению С. П. Писарева о подцерковьях с погребениями. У восточных углов храма были открыты развалины бесстолпных приделов, сложенных из такого же кирпича, как и здание самой церкви. О существовании южного придела до этого не было никаких данных, а остатки северного были разобраны в 1827 г. Кладка приделов сделана в притык, а не в перевязь со стенами церк-

ви, что позволяет предположительно отнести их постройку к концу XII или началу XIII в. Фасады церкви были обработаны плоскими пилястрами по углам и промежуточными — с полуколоннами, аналогично Спасскому храму в Полоцке.

В южном приделе на глубине 1.57 м была обнаружена древняя гробница, примыкающая к наружной стене здания церкви. Ее стенки сложены из плинф на цемянке с примесью древесной золы; сверху гробница была прикрыта цельной плитой, тесаной из крупнозернистого розовато-фиолетового песчаника ($1.78 \times 0.84 \times 0.10$ м). В гробнице оказался женский костяк среднего роста (1.42 м) со сложенными на груди руками; положение костяка головой на запад. У тазовых костей сохранились части золототканного пояса, низанного

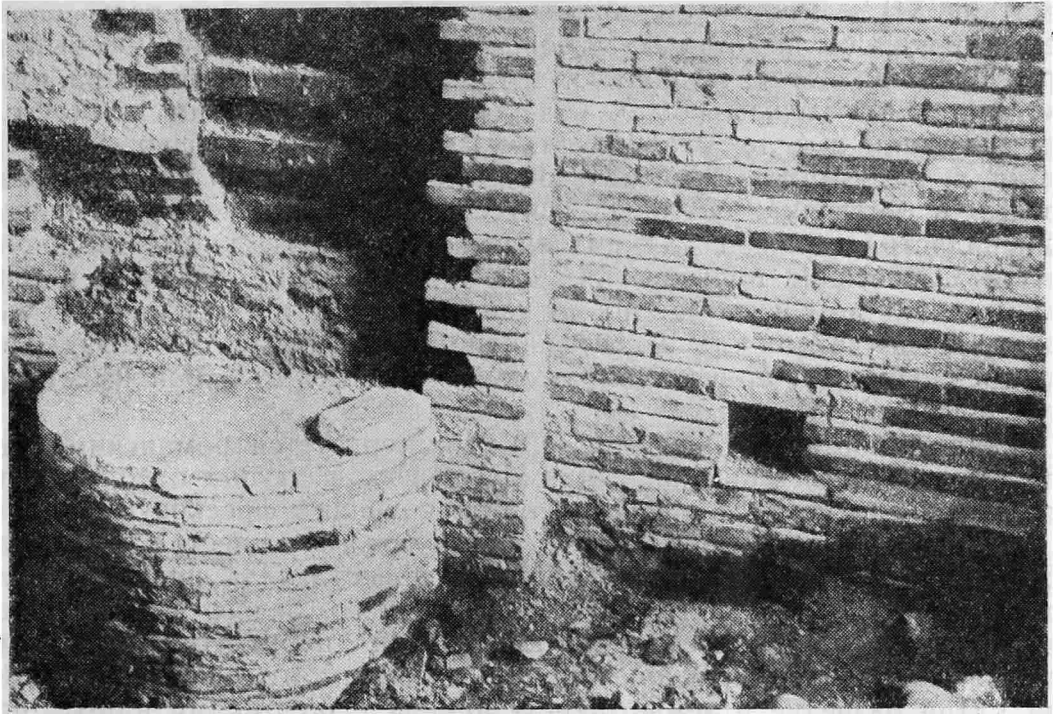

Рис. 18. Смоленск. Петропавловская ц. 1146 г. Часть полуколонны пилястры

жемчугом. Южный придел служил, повидимому, усыпальницей. Боковые апсиды придела устроены в толще стены. Вскрытие заложенных древних окон в алтаре и диаконнике обнаружило наличие на их откосах фресок; раскрыт также второй ярус окон, заложенных на апсидах.

3. Фундамент Свирской церкви (1190—1194 гг.), как показало обследование, был целиком сложен из гранитных камней средней величины (10—15 см в диаметре) насухо; фундамент лежит в траншеях, вырытых в дюнном песке. Это обстоятельство представляет исключительный интерес, так как указывает на определенное знакомство строителей со свойством песчаного грунта равномерно распределять давление и не задерживать в себе влагу, весьма опасную при условии заложения фундамента выше линии промерзания, в особенности в глинистом грунте.¹

Фундамент имел уширение как внутрь здания, так и наружу (на 25 см); обрезы фундамента были прикрыты сверху кладкой в два ряда кирпича.

При обмерах здания (1927 г.) были обнаружены следы уничтоженных пучковых полуколонок на пилястрах фасадов. Эта деталь

¹ Разрушение некоторых каменных церквей XII в. в Смоленске как раз явилось следствием заложения фундаментов в глинистом грунте выше линии промерзания.

очень существенна и указывает на ярко выраженное влияние романского искусства на характер обработки фасадов Свирской церкви, отражающей помимо этого еще и влияние архитектуры Кавказа, о чем свидетельствует наличие притворов. На чердаке церкви обнаружены интересные подробности оформления постамента, произведенные кладкой из брускового кирпича во второй половине XVII в.

Поиски древних фресок в Свирской церкви пока не увенчались успехом, так как первоначальная штукатурка, как показал зондаж, сбита целиком до кирпича, и стены внутри церкви были вновь оштукатурены, повидимому, в XVIII в.

4. В 1926 г. автором были произведены разведки Воскресенского холма, скрывавшего развалины древнего храма. Он оказался сложным из плинф, причем обнаруженные детали позволяют датировать памятник XII в. Раскопками была обнаружена наружная часть южной стены церкви от портала до угловой к востоку лопатки. Особый интерес представляет сочетание двух типов пилястр: 1) пилястра, имеющая два прямоугольных облома, завершаемая небольшим прямоугольным выступом в виде «полуколонки» (такая форма впервые встречается в памятниках смоленского древнего зодчества и неизвестна вообще в истории русского искусства домонгольского периода), и 2) пилястра обычной для смоленского зодчества формы (с полуколонной). Сочетание пилястр этих форм в одном памятнике и в близком решении нам известно по церкви Эошхванк в Грузии. Это, быть может, позволяет видеть здесь влияние архитектуры Кавказа. Храм был трехапсидным, причем сопряжение апсид между собой имеет прямоугольный выступ.

Южный портал церкви (рис. 19) характеризуется романскими многообломными откосами в виде прямоугольных выступов с полукруглой колонкой после первого облома. Портал сохранил фресковую раскраску по древней штукатурке — факт для русского зодчества домонгольского периода очень редкий; раскраска представляла ряд вертикальных полос — темнокрасного (мумия?), охряного, белого и темносинего цветов; свех темносиней окраски сделан набрызгом ряд точек белой и киноварной краской — прием, повидимому, чисто византийский.¹ При разведке в земле, перемешанной с обломками плинф, найдено много отдельных фрагментов фресковой живописи, указывающей, что данная церковь имела внутри также фресковую роспись.² Были встречены части разбитых голосников, кусочек свинца с фальцем от кровли и зарегистрировано много различных знаков на боковых сторонах кирпича. Строительный материал и анализ знаков на кирпичах позволяет сделать некоторые предположения о времени сооружения данной церкви. Так, некоторые знаки на боковых сторонах кирпича оказались совершенно одинакового размера и формы со знаками на кирпичах из развалин Спасского монастыря в Смоленске, построенного в 1141 г., и самый кирпич из обоих зданий, заключающий большое содержание мергеля, сближает их. Следовательно, мы вправе отнести время постройки храма на Воскресенском холме к первой половине XII в.

5. В сентябре 1927 г. в Смоленске, на берегу речки Рачевки, вблизи Окопной улицы, во время производства земляных работ обнаружены остатки южной стены неизвестной церкви из кирпича XII—XIII вв. Следы кладки северной стены были замечены в русле той же речки, пересекающей эти развалины с юга на север. Сведения о развалинах в этом месте встречаются еще у Полесского-Щепилло («Па-

¹ Н. Покровский. К иконографии богородицы, Светильник, 1914, № 1, стр. 5 и табл. 1 (см. Роспись стенки церкви на вводной миниатюре).

² Раскопки не коснулись внутренних стен развалин, так как внутри этих развалин находится здание Воскресенской церкви, построенной в 1765 г.

мятная книжка Смоленской губ.» за 1870 г.), однако позднее смоленские историки С. П. Писарев и И. И. Орловский совершенно не упоминают об этих развалинах. Обследование показало, что в данном

Рис. 19. Смоленск. Деталь портала церкви XII в. на Воскресенском холме.

памятнике мы имеем первый для Смоленска случай романского характера пилястр усложненной формы (восьмиобломный выступ завершается посередине узенькой полуколонкой, выложенной из лекального кирпича с полукруглым точком (рис. 20). Это заставляет вспомнить народное предание, что в древности район, представляющий теперешнюю Рачевку, был немецкой торгово-ремесленной слободой.¹ Возможно, что эти развалины являются остатками немецкой божницы, о которой упоминается в Смоленском договоре 1229 г. Замеченные на кирпиче рельефные знаки орнаментального характера аналогичны таким же знакам, найденным на кирпиче Свирской церкви в Смоленске, что дает основание относить сооружение данного памятника к концу XII или началу XIII в.

6. В 1933 г. автором были произведены раскопки развалин неизвестной церкви XII в. на территории Окопского кладбища также в Рачевской слободе. Развалины, скрытые под большим холмом щебня и земли, заключают в себе сравнительно небольшую часть остатков стен и пилонов, разобранных, очевидно, в XIX в. для строительных нужд; кроме того, внутри и вокруг этих развалин имеются недавние

¹ Рачевка издавна и до последнего времени была населена ремесленниками различных специальностей, в особенности печниками, кузнецами и столярами.

захоронения; все это не позволило выяснить план здания. Его кладка характерна для смоленского домонгольского зодчества. Раскопки обнаружили деталь, наблюдаемую у архитектурных памятников Смоленска впервые: фундамент стен оказался заложенным на глубине всего лишь 0.57 м, а фундамент пилонов — на 0.70 м при наличии плотного глинистого грунта. Этот технический недочет, повидимому,

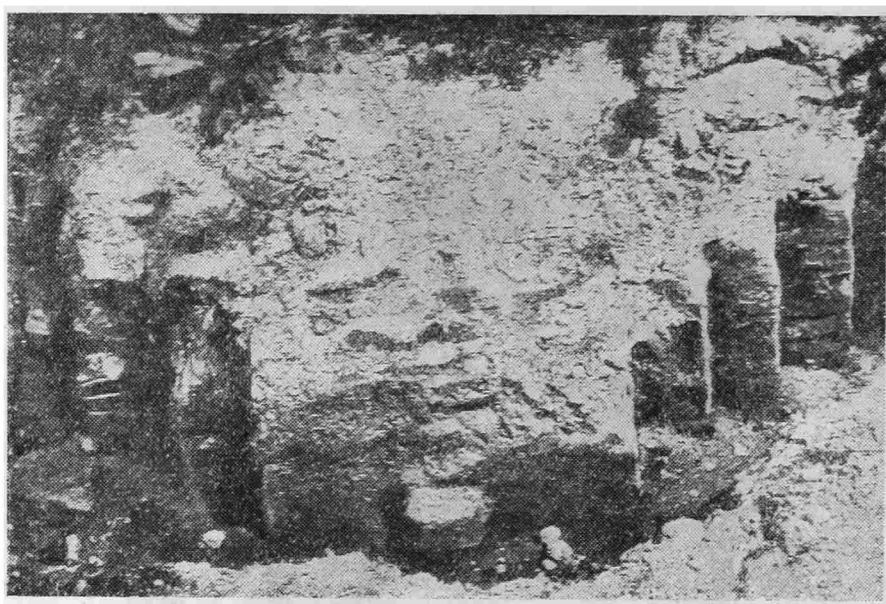

Рис. 20. Смоленск. Пилястры церкви XII — XIII вв. на р. Рачевке.

и обусловил разрушение здания в результате пагубного действия мороза, вызвавшего выпучивание фундамента и образование трещин в здании, повлекших, в свою очередь, и разрушение сводов церкви.

7. В 1939 г. при производстве земляных работ обнаружены развалины неизвестной церкви XII в. на Спасском холме, обследованные автором. Развалины были скрыты под большим холмом насыпной земли и кирпичного щебня, смешанного с землей. Кладка — типичная для памятников смоленского зодчества XII—XIII вв. Рабочими был выброшен из траншеи лекальный кирпич в виде сектора, какими выкладывались полуколонны; это позволяет предполагать, что и в этом безымянном памятнике были характерные для смоленской архитектуры пилястры с полуколоннами. Если исходить из сходства клейма на одном найденном здесь кирпиче с клеймом из развалин собора Борисоглебского монастыря на Смядыни (1145 г.), то церковь, развалины которой были обнаружены на Спасском холме, следует отнести к середине XII в. Интересно, что под развалинами прослежены культурные напластования поселения, относимого по керамике, аналогичной по технике керамике Гнездовских курганов, к IX—XI вв. Это указывает, что Смоленское городище развивалось одновременно с Гнездовым; сопоставление ряда археологических наблюдений позволяет думать о более обширном, нежели Гнездово, заселении Смоленска в это время.

8. Необходимо кратко упомянуть о развалинах Мономахова собора, обнаруженных в ноябре 1939 г. во время земляных работ по прокладке канализационных труб. Мономахов собор или, по летописи, «Богородица на горе», был первой каменной постройкой в Смоленске. Заложенный Владимиром Мономахом в 1101 г., он окончен был в 1142 г. при смоленском князе Ростиславе Мстиславиче. 3 июня 1611 г., когда поляки ворвались в Смоленск, собор был разрушен взрывом пороховых запасов, хранившихся в подвалах собора. Есть

предположение, что порох зажгли сами смоляне, укрывшиеся в соборе и не пожелавшие сдать врагам. Еще в 1892 г., при прокладке водопровода на соборной горе, на территории сквера были обнаружены остатки южной стены собора. Обнаруженные в 1939 г. части развалин являются остатком его северной стены и свидетельствуют о довольно значительных размерах здания: ширина собора составляет около 23 м.

Наиболее хорошо сохранились стены профезиса, высотой до 1.65 м; здесь поверхность соборной горы XII в. лежит на глубине 2.17 метра от дневной поверхности. Стены собора сложены из обычного для XII в. строительного материала — тонкого кирпича прекрасного обжига (размер 20×18 см; 21×17; 23×17.5 и даже 35×24 см; толщина 4.8 см). Толщина швов кирпичной кладки в среднем 3—3.5 см. Известковый раствор также обычного состава для смоленских памятников XII—XIII вв. Фундамент собора сложен из гранитных валунов и кусков известняка; глубина заложения фундамента около 1.5 м. Собор, несомненно, был многоглавым, о чем свидетельствует перспективный план Смоленска на Сигизмундовой медали с изображением взрыва собора в 1611 г. при взятии города поляками. Открытые развалины бесспорно представляют исключительный интерес для истории не только смоленского зодчества, но и древнерусского искусства вообще.

Холм, на котором был построен Мономахов собор, также заслуживает археологического изучения: в 1926 г. у его северного края были обнаружены предметы раннего славянского поселения, относящегося к VI—VIII вв. Керамика X—XI вв., обнаруженная при обследовании фундаментов собора, свидетельствует о существовании на соборной горе поселения и в это время; по наблюдениям Н. П. Милонова, культурный слой городища X—XI вв., мощностью ок. 0.5 м, залегает на глубине от 2.5 до 3 м.

Таковы новые факты, значительно обогатившие наши представления о смоленском зодчестве. Они прежде всего свидетельствуют о широком развитии строительного дела в Смоленске в XII—XIII вв., уступающем по размаху лишь Новгороду и Холму. Смоленское зодчество выступает со своим своеобразным техническим и художественным лицом, основные черты которого, частью определившиеся и раньше, теперь закрепляются более прочно. К ним прежде всего относится явное восприятие смоленскими мастерами опыта романских зодчих: это — сближающаяся с романской техника кирпичной кладки, применение декоративной аркатуры с порёбриком; намечается сближение единичных знаков на кирпиче со знаками романских строителей; несмотря на черты кавказского влияния в Свирской церкви, мы имеем здесь романские пучкообразные пилястры.

Все эти черты свидетельствуют, что владими́ро-суздальское зодчество с его ярко выраженным романским обликом было не одиноко. Едва ли случайна и близость рецепта известкового раствора (известковое тесто с цемянкой и древесной золой, иногда с большим включением кварцевого песка, например в Петропавловской церкви). С другой стороны, смоленское зодчество сближается с полоцким и черниговским (сочетание лопаток и пилястр с полуколоннами).

Особого внимания заслуживает производство кирпича для многочисленных церквей Смоленска XII—XIII вв. Все они сложены из плиточного кирпича разнообразной величины, более или менее вытянутой прямоугольной формы.¹ Глина, служившая материалом для изготовления кирпичей, всегда употреблялась красная, причем в некоторых случаях в глину прибавлялась известь, повидимому для понижения

¹ Имеется в виду так называемый строительный кирпич, а не лекальный. Чаще всего встречаются следующие размеры: 16×28×4; 18×30×3.5-4.0; 15×27×4; 16×22×3; 17×28×3. 2; 15×27×5 см и т. д.

температуры обжига. Кирпич с примесью извести применен в соборной церкви Спасского монастыря (1141 г.); в Борисоглебской на Смядыни, Петропавловской, Иоанно-Богословской и других более поздних зданиях мы его не встречаем. Кирпич, повидимому, выделялся здесь же в Смоленске, о чем, между прочим, могут свидетельствовать обнаруженные автором и П. А. Ефимовым остатки древней напольной печи XII—XIII в. для обжига кирпичей — на Рачевке, на взгорье (в районе улицы Верхний Волок, недалеко от ручья Малая Рачевка). Кирпич смоленских церквей XII—XIII вв. отличается прекрасным качеством, глина тщательно промешана и отмучена; обжиг хороший; кирпич при ударе звенит, его излом раковистый, поверхность в изломе гладкая, а не шероховатая. В огромном большинстве этот кирпич соответствует по своим техническим качествам так называемому темнокрасному кирпичу, но во много раз превосходит современный кирпич. Характерно, что в кладке вовсе не встречается алый кирпич и железняк, хотя последний, например, был найден в упомянутой напольной печи на Рачевке.

Упомянем еще о производстве керамических плиток для настила полов церквей XII—XIII вв. Плитки эти разнообразной величины ($17 \times 18 \times 2$; $16 \times 16 \times 2.5$; $11 \times 11 \times 2.3$; $8 \times 8 \times 1.5$ см) и формы (обычно квадратные, но встречаются и в виде равностороннего треугольника со стороной в 6 см при толщине 1.5 см), полива белого, черного, темнозеленого, желтого, желтовато-зеленого цветов.

В заключение необходимо сказать, что детальное изучение смоленских архитектурных памятников XII—XIII вв. должно стать задачей ближайших лет как для Академии Наук СССР, так и для Всесоюзной Академии архитектуры. Оно даст, как показывает наш краткий обзор, исключительного значения научный материал по истории древнерусского искусства и культуры.

И. М. Хозеров

Смоленск

РАСКОПКИ НА ГНЕЗДОВСКОМ ГОРОДИЩЕ В 1940 г.

На центральном Гнездовском городище в 1940 г. был раскрыт участок в 100 кв. м в его юго-западном углу, обращенном к стрелке р. Свинка и к пойме р. Днепр.

Верхний слой (от 20 до 30 см) характеризуется находками XVII в., под ним идет значительная (до 45 см) песчаная прослойка с единичными обломками посуды XII в., отложившаяся в тот период, когда Гнездовское городище уступило свое место Смоленску.

Нижележащий культурный слой (от 23 до 50 см), относящийся по вещам к IX—X вв., имеет темносерую окраску и песчаные прослойки, разделяющие его в некоторых местах на горизонты; по сравнению со слоем XII в., слой IX—X вв. имеет менее спокойный профиль и более богат находками. Гончарная керамика, сделанная на ручном круге, уступает по количеству лепной, аналогичной сосудам из курганов с трупосожжением. Найдены две медные трапециевидные шумящие подвески; фибула скандинавского типа, крестообразная, с двумя перекрестиями и с замком; медные иглы, тонкие, небольших размеров, подобные найденным в Дмитровском городище (XI в.); медный полукруглый в сечении браслет и рядом с ним железная квадратная пряжка и медные круглые бляшки — накладки на пояс. Особый интерес представляет найденная в указанном слое костяная ложка (ковшик?) с фигурной рукоятью (рис. 21, б), дно ложки с наружной стороны симметрично разделено продольной узкой углублен-

ной полоской; кроме того, найдены три обычные костяные ложки. В этом же слое встречаются половинки арабских диргемов, глиняные пряслица, круглые, небольшие бруски, зернотерки и жерновидные камни, каменные гладилки, железные мелкие ножи, костыли и др. Два раза были обнаружены куски шлаков, медный лом. В восточной половине раскопа были найдены отдельные бусины (стеклянные — синие, зеленые, позолоченные; из пасты — глазчатые и желтые; серебряные — круглые).

Совершенно исключительное значение имеет обнаружение в этом же слое погребения. На глубине 0.90 — 1 м от поверхности замечен был резкий ямообразный спад культурного слоя шириной 1 м; середина ямы была заполнена углем, ограниченным кое-где по краям большими обожженными камнями. Прослеженное ниже угольное пятно (длиною 2.25 м, шириною в восточном конце 0.90 м, в западном 1.5 м) в верхнем плане имело неправильно овальную форму. По краям пятна на глубине 1.40 м лежали камни и крупные куски угля. На дне ямы (глубиной 0.60 м) были обнаружены мелкие полуобожженные человеческие кости и куски обгоревшего черепа. Кости не концентрировались в одном месте или в одной кучке, а располагались по всему дну ямы. Очевидно, данное погребение было трупосожжением в яме. Возможно, что умершего положили на костер дров, лежавший на камнях, ограничивавших края неглубокой ямы, и сожгли; вместе с прогоревшим костром остатки погребения осели на дно ямы, и только обугленные концы плах и камни, на которых они лежали, остались кое-где на краях ямы. Яма была засыпана смешанным с почвой слоем углей.

При зачистке дна ямы были найдены вещи, входившие в состав инвентаря погребения. Около костей черепа и близ места расположения костей грудной клетки, сверху лежала серебряная цепь из двойных колечек (рис. 21, 1); ниже ее, на самой середине, найдена золотая монета-подвеска (солид императора Александра 912—913 г.) (рис. 22); справа — квадратная золотая подвеска филигранной работы (рис. 21, 2); рядом — круглая золотая подвеска, также покрытая филигранью и зернью. Ближе к костям черепа лежало маленькое золотое колечко с завязанными концами и с надетой на него бусиной из синего стекла (серьга?) (рис. 21, 3). Слева от золотой монеты-подвески находились еще три золотые подвески, из них одна испорчена огнем и две небольших размеров с филигранным и зерненным орнаментом. Ниже описанного ожерелья из золотых украшений лежала массивная серебряная бляха диаметром 3.5 см (рис. 21, 4) и три круглые серебряные подвески, сходные по размерам и орнаменту с золотыми. Здесь же найдена была медная трапецевидная привеска с насечкой в виде геометрического узора, напоминающая шумящие подвески, характерные для инвентаря финских поздних могильников (IX—XI вв.). Близ костей черепа лежало 45 бус (главным образом стеклянные — синие, желтые, зеленые; пастовые — разноцветные; круглые серебряные и из камней — аметиста, сердолика и горного хрусталя). Размещение их не удалось проследить; многие из них сильно испорчены действием огня. Слева от костей черепа лежала серебряная конусообразная пуговица, конец которой покрыт зернью (рис. 21, 5). Наличие большого количества бус, составляющих, по видимому, шейное ожерелье, отсутствие оружия и какого-либо инвентаря мужского погребения заставляет считать данное погребение женским; богатство украшений может указывать на принадлежность погребенного к верхним слоям общества. Сам факт погребения не в кургане на территории могильника, а на городище представляет большой интерес и требует своего объяснения.

Особенности самого похоронного обряда, как нам кажется, говорят о сплетении в нем двух элементов — языческого и христианского.

Умершая женщина сожжена была на костре, почти так же, как сжигали мертвых и в курганах Гнездова X в. (трупосожжение), но костер был разложен над заранее вырытой неглубокой ямой, в которую и были опущены остатки сожжения. Ориентировка погребения с запада на восток также указывает на христианские черты погребения.

Нижняя зона культурного слоя, лежащая непосредственно на грунте и кое-где отделенная от вышележащего слоя X в. песчаными прослойками, самая мощная в свите слоев (до 0.90 м). Этот слой окрашен в углистый цвет и имеет неравномерный профиль. В этом слое по остаткам обугленного дерева были прослежены очертания жилища. Оно погибло в пожаре, о чем говорит углистая масса, заполняющая всю площадку; по ее краям в отдельных местах лежат камни, прикрытые обожженной глиной; возможно, что это следы фундамента под стенами сгоревшего строения.

Сильное скопление почти посередине жилища золы, угля, обожженного песка, глины и камней определяет место очага. Края его ограничены в отдельных пунктах камнями, около которых видны угли и куски дерева; по углам очажного пятна сохранились воронки от 4 столбов (диам. 0.20 м). Под очагом была яма (глуб. 0.60 м), над которой на сваях лежали деревянные перекрытия основания очага.

В жилище были обнаружены две вырытые в грунт ямы: одна ближе к юго-восточному углу (диам. 2.0 м, глуб. 0.60 м), другая — к середине жилья (диам. 1.25 м, глуб. 0.50 м). Обе ямы хозяйственные: большая была заполнена остатками костей животных (преобладают кости свиньи), в другой обнаружена в большом количестве рыба чешуя.

Открытое нами в нижнем слое жилище, судя по лепной керамике, позднедьяковского типа и относится, вероятно, к середине первого тысячелетия н. э. Вместе с керамикой в жилище найдены различные изделия из железа, кости, камня. Особенно характерны предметы из кости: шилья, проколки, иглы, полуобработанные кости — все очень типичные для дьяковских городищ и селищ. Нередки железные шлаки, куски руды в глиняных корчагах. Из медных предметов встречены мелкие булавки, пластинки и одна подвеска с геометрическим орнаментом. В отдельных местах обнаружены каменные зернотерки и гладилки.

Н. А. Андреев, Н. П. Милонов
(Смоленск) (Москва)

ЗОЛОТАЯ ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОДВЕСКА-МОНЕТА ИЗ ЖЕНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ В ГНЕЗДОВЕ

Найденная на Гнездовском городище в погребении¹ продырявленная золотая монета, использованная в качестве украшения — подвески в ожерельи, представляет собой золотой солид византийского императора Александра (рис. 22). Дядя Константина Багрянородного и брат Льва VI, правивший с ним совместно, император Александр царствовал самостоятельно очень недолго, всего 13 месяцев — с 11 мая 912 г. по 6 июня 913 г. Монеты императора Александра насчитываются до сих пор единицами, в то время как монеты, чеканенные от имени Льва VI или обоих братьев, Льва VI и Александра, известны в большом количестве, в частности бронзовые и свинцовые (чеканки Херсонесского монетного двора) и постоянно

¹ См. выше статью Н. А. Андреева и Н. П. Милонова.

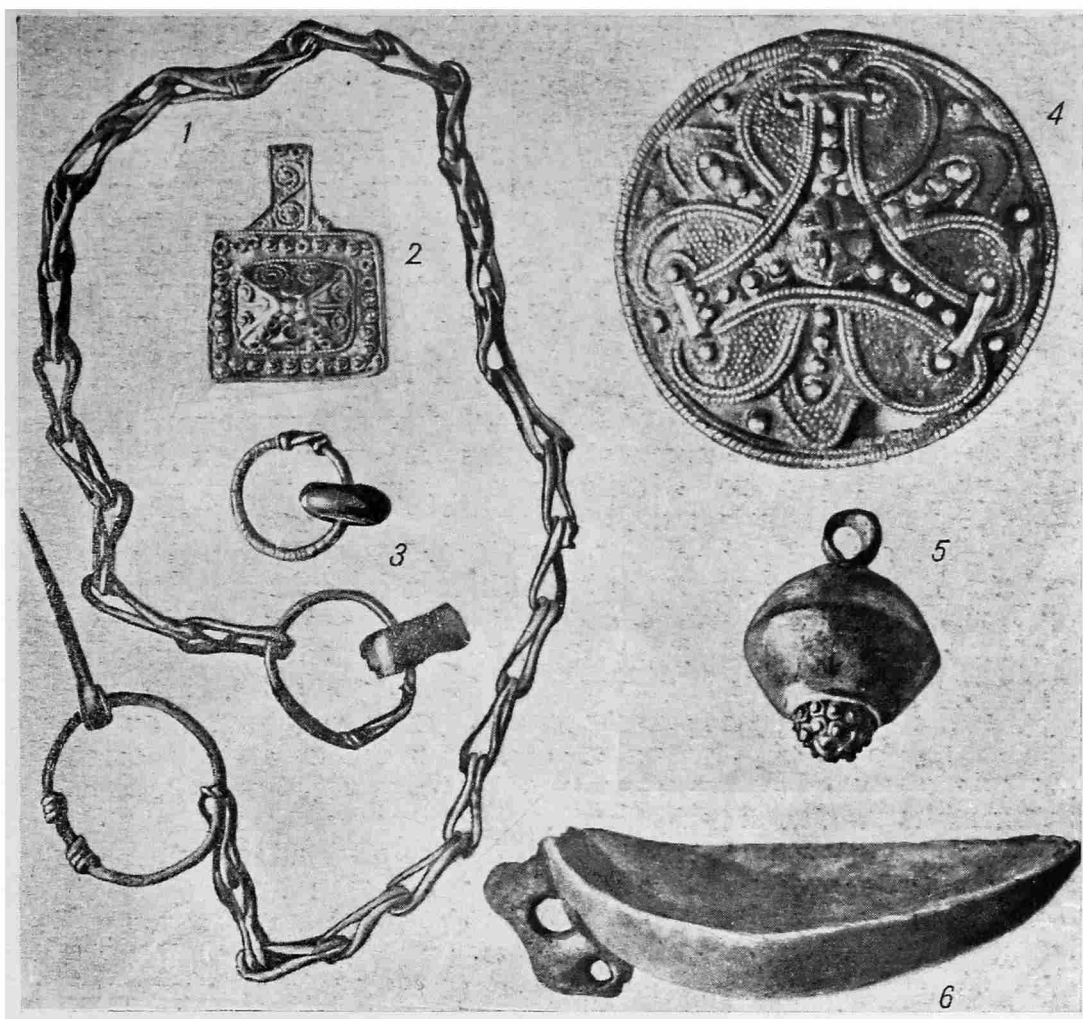

Рис. 21. Гнездовское городище. Вещи из раскопа 1940 г.

1 — серебряная цепь; 2 — золотая подвеска филигранной работы; 3 — золотое колечко с бусиной из синего стекла; 4 — серебряная бляха; 5 — пуговица с зернью; 6 — костяная ложка с фигурной рукоятью.

Рис. 22. Гнездовское городище. Подвеска,
а — аверс, б — реверс.

Рис. 23. Солид Государственного Эрмитажа № 1683.
а — аверс, б — реверс.

встречаются в нескольких экземплярах в раскопках средневекового Херсонеса.¹

Впервые медная монета императора Александра, найденная в Херсонесе, была опубликована А. В. Орешниковым в его «Обзрении монет, найденных при раскопках в 1888 и 1889 гг.», под № 76.²

Второй экземпляр такой же монеты (когда найден — неизвестно) опубликован тем же А. В. Орешниковым в 1905 г.³ На лицевой стороне во все поле монеты начальная буква имени Александра — Δ , на оборотной — также во все поле монеты — $\text{P}\times$; размер 14—15 мм.

Серебряная монета Александра известна до сих пор только одна — приобретенная византинистом Уитмором в Болгарии. Тип монеты тот же, что и серебряных монет Льва VI и Константина VII.⁴ Серебряных монет императоров-братьев Льва VI и Александра херсонесской чеканки — неизвестно. Упоминаемая еще Н. Мурзакевичем⁵ как хранящаяся в Одесском музее «крайне редкая серебряная монета Александра и Льва VII» (очевидно — VI) сомнительна. А. В. Орешников, повидимому, сомневается в ее подлинности: «не видел монеты, судить о ее подлинности не могу». ⁶ Он приводит всего 4 монеты императоров-братьев, из них две свинцовые. Не исключена возможность, что монета, определяемая Н. Мурзакевичем как серебряная, в действительности тоже свинцовая; отсутствие ее подробного описания и изображения не позволяет говорить об этом вполне утвердительно.

Золотые солиды Александра также представляют большую редкость. Так, до 1862 г. был известен только один солид, «приобретенный покупкой в Константинополе, в 1847 г. у некоего армянина». ⁷ Впоследствии он вошел в собрание известного нумизмата Сабатье (J. Sabatier). В своем двухтомном описании византийских монет (до появления каталога Wroth это было общепризнанное и притом единственное научное пособие по византийской нумизматике). ⁸ Сабатье отмечает этот солид Александра как единственный сохранившийся экземпляр монет, выпущенных Александром, и оценивает его как уникальный в 1000 франков (sic!). ⁹

Но и в настоящее время число солидов Александра чрезвычайно невелико, причем все они (по крайней мере, до сих пор опубликованные) приобретены покупкой: ни место находки, ни происхождение неизвестны. Так, Wroth, ¹⁰ приводя все известные, как в музеях, так и в частных собраниях, экземпляры солида Александра указывает их всего лишь пять, а именно: приобретенный в 1905 г. солид Британского музея, который подробно им описан; солид в собрании Фотиа-

¹ Например, ИАК, вып. 9, стр. 17 и 56; ИАК вып. 16, стр. 40 и 59. — Л. Н. Белова-Кудь. Монеты из раскопок Херсонеса 1934 г., № 53 и 54, инв. № 26485 и 28484 (см. Г. Д. Белов. Раскопки в Херсонесе в 1934 г., стр. 48). — Е е же. Описание монет из раскопок Херсонеса 1935 г., № 62—64, инв. № 26617—26620. — Е е же. Описание монет из раскопок Херсонеса 1936 г., № 166—173 (см. Г. Д. Белов. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг., стр. 151, 337, 338).

² Материалы по археологии России, № 7, стр. 43. Эта монета была затем перепиздана А. В. Орешниковым в его работе: «Материалы по древней нумизматике, Черноморского побережья», М., 1892, стр. 28 и табл. II, рис. 22.

³ А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты, М., 1905, Монета № 31, стр. 12 и табл. IX; рис. 31.

⁴ N. A. M u š m o v. Une monnaie d'argent de l'empereur Alexandre. Byzantion, VI, Bruxelles, 1931, стр. 99—100.

⁵ Н. Мурзакевич. Херсонская монета императора Ираклия, ЗООИД, XI, Одесса, 1879 г., стр. 318.

⁶ А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты, М., 1905, стр. 11.

⁷ C a d a l v è n e. Monnaie d'or d'Alexandre empereur de Constantinople, Revue numismatique, 1848, стр. 401—403.

⁸ J. S a b a t i e r. Description générale des monnaies byzantines, тт. I—II. Paris, 1862,

⁹ J. S a b a t i e r. Ук. соч., т. II, стр. 116—118.

¹⁰ W a r w i c k W r o t h. Catalogue of the imperial byzantine coins in the British Museum, т. II, London, 1908, стр. 450.

дуса Паши¹ — теперь в собрании Гос. Эрмитажа (рис. 23); третий экземпляр в собрании Montagu, № 1227;² четвертый, уже упоминавшийся солид Кадальвена-Сабатье (теперь также находится в нумизматическом отделе Гос. Эрмитажа); наконец, пятый и последний — в собрании J. Dos Santos.³

Ценность и редкость золотого солида Александра сохраняется в полной мере и сейчас. Это подтверждается новейшим английским изданием по византийской нумизматике, вышедшим в 1931 г., в котором золотой солид Александра (повидимому, Британского музея) оценивается в 700 шиллингов⁴ — неслыханно высокая цена для византийской монеты.

Даем описание монеты:

Аверс: император в рост, в парадном императорском одеянии — лоре, с державой в правой руке, изображен в фас. Слева от него в полоборота фигура святого, также в рост, в монашеских одеждах, с длинными волосами и бородой. Правой рукой он возлагает на голову императора венец с крестом, в левой руке держит крест на длинном древке. Хотя Сабатье и высказывался против отождествления увенчивающей императора фигуры с тезоименным ему святым — Александром, однако в новейшей литературе это отождествление полностью принято.⁵

По кругу надпись: + ALEXANDROS A44 STOS ROM/

Реверс: Христос бородатый, с крещатым нимбом, сидящий на троне; изображен в фас; правая рука в благословляющей позе, левой — на колене держит книгу (евангелие)

По кругу надпись: + IHS XRSR X RC GAHTICM

обычная для солидов ряда императоров македонской династии: «Иисус Христос, царь царствующих».⁶

Находка столь редкой монеты, тем более в виде подвески в ожерельи, в археологическом комплексе, в богатом женском погребении — факт исключительной важности. Не забудем, что, как уже указывалось, все до сих пор известные солиды Александра — неизвестного, случайного происхождения и приобретены покупкой. Наша находка является дополнительным свидетельством тесных связей Руси с Византией уже в первую половину X в. Весьма соблазнительно было бы поставить появление этой монеты на Руси в непосредственную связь с договором 911 г. русских с греками.

М. А. Тиханова

СТАРАЯ ЛАДОГА

Культурный слой Ладоги широкой полосой тянется вдоль берега Волхова на расстояние до 2 км. Он имеет, по крайней мере в центральной зоне, мощность более 3 м. Это — мощность культурного слоя на Ярославовом дворище в центре древнего Новгорода, это — средняя мощность культурного слоя города Москвы.

Заслуга начала изучения культурного слоя Ладоги принадлежит Н. И. Репникову, который в 1910—1913 гг. раскрыл на земляном

¹ См. W. Froehner. Monnaies byzantines de la collection de Photiadis Pacha, Paris, 1890, стр. 30, табл. II, № 444.

² Ponton d'Amécourt, стр. 156, № 960.

³ Schulman. Amsterdam, Sep. 1906, part 3, lot 5754, pl. IV, № 5754.

⁴ Hugh Goodacre. A Handbook of the Coinage of the Byzantine Empire, part II, Anastasius to Michael VI, London 1931, стр. 195.

⁵ См. Wroth. Ук. соч., стр. 450 и H. Goodacre. Ук. соч., стр. 195.

⁶ Ср. солиды Василия I (867—886), Льва VI и Константина и одного Константина Багрянородного. На солидах Льва VI (одного) и Льва VI и Александра (совместно) — легенда иная.

городище сплошным раскопом около 400 кв. м площади и собрал замечательный материал, ждущий публикации.

В 1938 г. — почти 30 лет спустя после раскопок Н. И. Репникова — к исследованиям в Ладоге приступило Археологическое отделение Истфака ЛГУ совместно с ИИМК им. Н. Я. Марра. Здесь была организована постоянная база для практики студентов отделения и для систематической исследовательской работы, рассчитанной на продолжительный ряд лет.¹

Главным объектом наших исследований в 1938—1940 гг. был культурный слой земляного городища Ладоги. Оно расположено на левом берегу Волхова, за балкой, к югу от каменной крепости, сложенной в 1114 г., и окружено относительно поздними (XV—XVI вв.) валами и рвами, занимая вместе с ними площадь около 150×150 м. В северо-восточной части городища находятся развалины церкви Климента, заложенной в 1153 г.

Раскоп примкнул с севера к раскопу Н. И. Репникова, а с запада — к развалинам ц. Климента. В 1938 г. здесь было вскрыто 240 кв. м, в 1939—1940 гг. 400 кв. м, всего 640 кв. м площади. Раскопки велись по слоям и горизонтам. Пока они доведены до глубины 1.5 м, т. е. до половины всей толщи отложений, а хронологически — до горизонта IX—X вв. включительно.

Сопоставление и обобщение разрезов дает следующую общую стратиграфию для всего раскопа: а) От 0 до 0.20—0.50 м — слой перекопанной огородной земли с некоторой примесью строительного мусора. б) От 0.20—0.50 до 0.40—1.00 м — слой строительного мусора, состоящий из щебня, кусков известковой обмазки, штукатурки и обломков кирпича. Ко времени образования данного слоя относится и весь развал западной стены ц. Климента. В слое обнаружены многочисленные христианские погребения, датируемые по вещевым находкам и стратиграфически XVII—XVIII вв. Эти погребения во многих случаях прорезали нижележащую вымостку (горизонт «в»), но ни в одном случае не перекрывались ею. На уровне 0.40—1.0 м шел горизонт вымостки и подстилающего ее привозного песка, местами прорезанный погребениями XVII—XVIII вв. в) Ниже 0.40—1.00 м, т. е. под вымосткой, залегал гумусный культурный слой аморфной структуры с плохо сохранившимися остатками сооружений, перекрывающих костяки ранних христианских погребений XI—XII вв., с массовыми находками XIII—XV вв. г) На глубине 1.00—1.20 м гумусный слой принимает слоистый характер и в нем выступают хорошо сохранившиеся остатки деревянных построек, датируемых по находкам IX—X вв. Эти остатки или перекрываются или прорезаются ранними христианскими погребениями XI—XII вв.² Как увидим ниже, эта стратиграфия дает возможность установить ряд существенных моментов в истории данного участка площади городища.

Переходим к краткой характеристике раскрытых комплексов и вещевых находок в каждом слое или горизонте в отдельности.

Слой «а» (перепаханная огородная земля) содержал лишь смешанные вещевые находки и перекрывал слой «б» (строительный мусор в виде обломков, известкового раствора, штукатурки и кирпича); на участках ближе к ц. Климента этот мусор залегал пластом около 1 м мощности. Происхождение его было выяснено еще к

¹ Раскопки в Ладоге продолжались в 1938—1940 гг. непрерывно. В них, кроме автора, принимали участие Г. П. Гроздилов (1938 и 1940), П. П. Ефименко (консультант, 1940), А. С. Боброва (1938), Н. Б. Эмлер (1940), В. А. Петров (палеоботаник, 1940) [А. И. Юзефович] (антрополог, 1940), А. А. Борисовская (1940) и др. Но главной силой, без которой мы не выполнили бы и десятой доли того, что удалось сделать, был довольно многочисленный коллектив студентов, весьма активно участвовавших в раскопках (в 1938 г. работало 14 студентов, в 1939 г. — 25, в 1940 г. — 16).

² О слое «д» будет сказано ниже.

1938 г. Это спланированные и разрозненные остатки развала названной церкви; они наблюдались в разных пунктах по всему городищу. На участке, изученном в 1939 г., был обнаружен развал целой (западной) стены ц. Климента. Она упала фронтально прямо на запад и в значительной степени сохранила свое положение после падения до настоящего времени. На площади к востоку от западного фасада церкви части кладки стен лежали в наклонном положении почти сплошной массой, иногда целыми блоками. Нетесаные известняковые плиты, обычно неправильной формы, переслаивались с рядами кладки из кирпича и щебня. Кладка была скреплена известковым раствором с примесью толченого кирпича; толщина слоя раствора достигает 0.20 м; иногда в блоках было ясно заметно выпучивание раствора, свидетельствующее о технике кладки «в коробку». Кирпич обычной для XII в. формы — относительно тонкий, при большей, чем в настоящее время, длине и ширине, с негладкой поверхностью. В трех случаях на кирпичах оказались отпечатки: 1) босой ноги человека, 2) копыта теленка и 3) лапы собаки. В развале сохранились остатки выложенных из кирпича полукружий портала входа, двух окон и закомарного перекрытия церкви. Найдены и многочисленные фрагменты фресковой росписи XII в. Данный комплекс представляет прекрасное дополнение к сохранившимся *in situ* фундаменту и частично полу церкви, изученным в 1913 г. Н. И. Репниковым. На основании всех этих остатков можно будет с большой долей приближения реконструировать ц. Климента 1153 г. и тем самым расширить круг памятников новгородской каменной архитектуры XII в. Вещевые находки под развалом стены в известной их части (медные кресты, золотая подвеска от серьги и пр.) относятся к концу XVI — началу XVII в., что дает возможность отнести момент разрушения церкви к началу XVII в., вероятнее всего ко времени начала шведской интервенции, т. е. к 1610 г., когда Ладога была захвачена отрядом де Лавилля. В слое рядом с развалом стены были найдены две медные шведские монеты конца XVI — начала XVII в.

Как развал стены, так и плиты строительного мусора пререзают многочисленные христианские погребения, частью в гробах; они не могут быть древнее момента разрушения церкви и относятся к XVII—XVIII вв. Кладбище здесь вряд ли существовало долго после переноса по приказу Петра I деревянной церкви Климента в Новую Ладогу. Медные перстни и кресты, встречающиеся на этих погребениях, относятся в основном к XVII в.

В слое огородной земли и в развале церкви было собрано довольно много вещевых находок: русские монеты XVII—XVIII вв., многочисленные изделия из железа — кованые гвозди, топоры, свинцовая картечь, любопытная костяная пластинка с изображением лица типа маскарона и пр.

Следующий ниже горизонт «а» представлял остатки мостовой, покрывавшей площадь перед соборной церковью. В зоне, непосредственно примыкающей к церкви, мостовая была сложена из отесанных плит правильной прямоугольной формы; во всей остальной площади она носила характер вымостки из мелких известковых плит неправильных очертаний, валунов, щебня и обломков кирпича. Во время подготовки площади к мощению по отдельным ее участкам насыпался привозной песок, которым заравнивались ямы, западины и сырые места. В юго-западной четверти раскопа песок насыпан сплошным слоем до 0.42 м, достигая в отдельных местах глубины 0.80 м от поверхности. Вымостка и слой песку местами пререзаны указанными выше погребениями XVII—XVIII вв.

Из находок в горизонте вымостки и подстилающего ее слоя песку отметим керамику (фрагменты хорошо обожженных, сделанных на гончарном круге горшков сероватого и черного цвета, гладких и

орнаментированных обычно широкими параллельными бороздами; фрагменты кувшинов с ручками), часты предметы из железа — кованые гвозди, подковы, долота, удила, шпорцы или «древколазные шипы» и пр., предметы из рога и кости — рукояти, обработанные пластины, проколки, бронзовый перстень с печаткой, серебряная московская монета XV в. и пр.

Время сооружения этой мостовой следует отнести к XV—XVI вв. Ранее на площади находились различные постройки, которые ко времени мощения были сняты. Очевидно, был какой-то момент в истории Ладоги, когда ладожане серьезно занялись благоустройством своей соборной площади.

Ниже мостовой и подстилающего ее слоя песку шел гумусный культурный слой с остатками построек.

В верхнем горизонте этого слоя (горизонт «г») оказались остатки нескольких комплексов построек. В юго-западной части раскопа, примерно между линиями А₇ — Г₁ Г₇ на глубине 0.20—0.40 м от репера (0.60—0.80 м от поверхности) были обнаружены скопления известковых плит и некрупных валунов. Местами положение плит носит характер кладки в два и даже в три ряда. Иногда под плитами встречался белый песок. По всей вероятности, это остатки легких фундаментов или подкладок под бывшими здесь некогда деревянными постройками. Можно наметить два комплекса таких построек. Скопления плит и валунов уходят в западную стену раскопа и, таким образом, полностью еще не раскрыты. Из вещевых находок, связанных с этими скоплениями, отмечу керамику с орнаментацией из волнистых и параллельных борозд, железные кованые гвозди, стеклянные светлые и синие круглые бусы.

В средней части раскопа, между линиями Г₃ Г₅ — Е₃ Е₅, примерно на той же глубине (0.60 × 0.80 м от поверхности) были обнаружены весьма плохо сохранившиеся остатки деревянного сооружения в виде небольшого сруба из 2—3 венцов, внутри которого и находился слой глины с прослойками и вкраплениями угля и золы, возможно, остатки глинобитной печи. Находки носят смешанный характер: керамика с орнаментацией из волнистых и параллельных борозд; бусы пастовые хрустальные и стеклянные типов X—XIV вв.; костяные изделия, среди которых самое замечательное — проковка с изображением звериной головы; многочисленные железные предметы и пр.

В юго-восточной части раскопа между линиями были открыты, примерно в том же горизонте, плохо сохранившиеся остатки какой-то деревянной постройки. Сохранность их такова, что восстановить план постройки не представляется возможным. Они производят впечатление настила пола жилой избы в сочетании с другими элементами разрушенной постройки. Здесь же наблюдалось скопление камней, угля и золы — может быть, развал печи-каменки, а непосредственно под остатками дерева находился слой отбросов — рыба чешуя, кости, навоз. Преобладающие находки — керамика с орнаментацией из параллельных борозд, железные гвозди, бусы. Дата всех описанных выше комплексов в верхних горизонтах гумусного слоя определяется не только связанными с ними находками (на данном участке городища происходили, начиная с XII в., многократные планировки и различные земляные работы, повлекшие за собой перемещение вещевого материала из нижних горизонтов в верхние), но и стратиграфией. Они древнее мостовой XV—XVI вв. Вместе с тем они, как это было констатировано рядом наблюдений, перекрывают нижнюю группу погребений, относящуюся к XI—XII вв. Следовательно, их средняя общая дата — XIII—XIV вв.

Исторически описанные комплексы интересны тем, что они свидетельствуют о наличии каких-то построек в XIII—XIV вв. вблизи

ц. Климента, где в XV—XVI вв. была уже незастроенная вымощенная площадь.

В гумусном слое между описанными комплексами построек и нижележащим (на глубине 1.00—1.20 м от поверхности и ниже) ярусом деревянных построек IX—X вв. было собрано громадное количество вещевых находок IX—XIV вв.: лепная керамика, гончарная керамика курганных форм с орнаментацией из волнистых и параллельных линий, более поздняя керамика с орнаментацией из широких параллельных борозд; разнообразные железные изделия; медно-бронзовые изделия курганных типов, в том числе скандинавский наконечник ножен меча с изображением птицы с распростертыми крыльями; многочисленные изделия из кости, в том числе орнаментированные; пряслица, в том числе шиферные, овручские, монеты арабские IX—X вв., западноевропейские XI в. и т. д. Все эти более ранние находки интересны лишь сами по себе, но не стратиграфически, в виду значительной перемешанности этого слоя.

В данном слое и ниже его обнаружались довольно древние (для Ладоги), но безусловно христианские погребения. Скелеты лежали на спине, головой к западу, без достоверных находок, за исключением находки нескольких фрагментов тонкого листового золота около черепа погребенного. Эти погребения местами прорезают ярус построек IX—X вв., но в ряде случаев перекрываются остатками построек XIII—XIV вв., чем определяется их датировка — XI—XII вв.

Ниже описанных остатков, на глубине 1.00—1.40 м, залегал слой с хорошо сохранившимися остатками деревянных построек IX—X вв. Прежде чем остановиться на описании этих остатков, коснусь некоторых выводов, которые можно сделать из вышеприведенных данных.

В IX—X вв. на раскрытой нами площади существовали довольно скученные деревянные постройки: жилые избы и пристройки к ним хозяйственного назначения. В IX в. здесь возникает христианское кладбище, что скорее всего следует объяснить сооружением где-то вблизи христианской церкви, очевидно, деревянной, о которой не сохранилось никаких письменных данных. В 1153 г. на этом месте была заложена самая большая по тому времени в Ладоге ц. Климента. С этого момента площадь перед ее западным фасадом перестает быть кладбищем: здесь производятся планировочные работы и вновь возникают отдельные (вероятно, служебные по отношению к церкви) сооружения — сторожки, жилища для духовенства, может быть, торговые помещения и т. п. (комплексы XIII—XIV вв.). Вероятно, в XV в., но, конечно, не раньше, здесь вновь происходят значительные перемены. Постройки исчезают, возникает незастроенная вымощенная соборная площадь (раскрытая нами мостовая). В начале XVII в. (скорее всего в связи со шведской интервенцией — в 1610 г.) происходит разрушение ц. Климента (может быть, она была взорвана шведами); к развалинам здания в течение ряда лет, по крайней мере до Столбовского мира 1617 г., не прикасалась рука человека. В дальнейшем ослабевшая за время «немецкого разорения» Ладога не смогла построить новую каменную церковь и восстановить прежнюю площадь впереди нее. Ладожане ограничились тем, что несколько сравняли развалины, развезли в разные стороны кучи строительного мусора, частично засыпали землей образовавшийся на месте развалин холм и на вершине его построили лишь деревянную церковь в честь того же Климента.

Сохранение в неприкосновенности развала западной стены ц. Климента объясняется тем, что этот развал, будучи засыпан землей, стал служить естественным подъемом к входу в новую деревянную церковь, расположенную на образовавшемся здесь холме. О площади здесь теперь не могло быть и речи. Вместо нее и впереди западного фасада деревянной ц. Климента опять возникает в первой четверти

XVII в. кладбище, представленное нашими поздними погребениями. В 1703—1704 гг. и деревянная ц. Климента была перевезена к устью Волхова, где и был в это время основан нынешний город Новая Ладога. С этого момента на старолadoжском земляном городище остается лишь часовня с памятным резным деревянным крестом в честь Климента, а захоронения здесь постепенно прекращаются. Впоследствии здесь возникают огороды.

Таковы некоторые выводы из изучения характера и стратиграфии более или менее поздних — верхних — отложений на раскрытом нами участке городища.

Гораздо больший интерес представляют более древние остатки в горизонте «д», позволяющие заглянуть в историю Ладоги IX—X вв. Этот горизонт в общем имеет слоистый характер, что указывает на его ненарушенность. Здесь отлагались скопления различных отбросов и остатков при жилье: угольно-зольные выбросы, кости животных, кости и чешуя рыб, перегнившая щепка, навоз и т. д. Залегающие здесь остатки деревянных построек имеют, хотя далеко не везде, хорошую сохранность; после кропотливой работы по расчистке и аналитическому расчленению разновременных остатков можно с достоверностью не только восстановить планы большинства раскрытых комплексов, но в ряде случаев дать и сравнительно полную их реконструкцию. Под самым верхним, почти сплошным рядом построек данного горизонта залегал другой ряд, который мы лишь слегка раскрыли только в южной части раскопа, отложив его изучение на будущее время до снятия верхнего ряда.

Всего в верхнем ряду построек нами было раскрыто за три года 6 комплексов жилых домов с вплотную прилегающими к ним пристройками; 4 таких же комплекса, уходивших в стенки раскопа, и частично несколько комплексов обособленных хозяйственных пристроек. Если к этому присоединить комплексы того же горизонта из раскопок Н. И. Репникова (два полных жилых комплекса и две пристройки), то мы получим очень большой материал для существенных исторических обобщений.

Главным результатом изучения этих материалов мы считаем установление типа древнерусского северного деревянного жилища IX—X вв. и некоторых типов хозяйственных пристроек того же времени. До исследований в Ладоге археология не располагала материалом для сколько-нибудь надежных суждений по этому важному для истории русской культуры вопросу. Между тем в настоящее время мы имеем массовые данные, позволяющие впервые установить по общим, повторяющимся признакам не случайные, а типовые особенности русских деревянных построек IX—X вв.

Тип жилой избы довольно ясно восстанавливается на основе учета 12 признаков по 10 наиболее полно и отчетливо выраженным комплексам. Не вдаваясь здесь в анализ отдельных построек и в обоснования реконструкции, мы прямо даем общие выводы о типе жилой избы в Ладоге IX—XI вв. Это была квадратная в плане постройка, срубленная из бревен размером от 3.70×3.90 до 5.50×6 м (в среднем 4×4 — 5×5 м), с проконопаченными и промазанными в пазах глиной стенами, с завалинами, ограниченными бревнами, с тесовой крышей на стропилах, с полами двух типов: земляным или глиняным и досчатым, настланным из тесаных топором половиц на балках-лагах или подмостках. В последнем случае под полом иногда находилось неглубокое подполье. В одном из задних углов избы помещалась печь-каменка, размером 1.2×1.6 — 1.7 м; ее клали на субструкции из песка, со сводом из крупных валунов с заполнением промежутков между ним мелкими камнями; под выстилался плитам или промазывался глиной. Входная дверь помещалась рядом с устьем печи. Окна были волоковые. К избе пристраивались сени, шириной около 2 м,

с бревенчатыми или досчатыми полами. Часто они выполняли функции хлева, и тогда площадь их увеличивалась, достигая значительных размеров в крытых дворах, служивших одновременно сеньям, хлебом и сеновалом. Такова пристройка, окружавшая с юга и запада избу, находившуюся в квадратах E_8 J_8 — E_9 J_9 ; она сохранилась в виде двух перпендикулярных настилов из жердей, каждый шириной около 3 м и длиной около 8 м. Это был пол крытого двора, выстроенного углом и с двух сторон примыкавшего к избе. Вокруг настилов сохранились остатки вкопанных столбов перекрытия.

Любопытно, что эти особенности и даже размеры древнерусской деревянной избы IX—X вв. удерживаются надолго. Это можно проследить по целому ряду последующих звеньев (для X—XI и XII вв. — избы на Рюриковом городище и на Славне в Новгороде, для XII—XIII в. — избы в Пронске и Дмитрове, для XIV—XVI вв. — избы в Новгороде, для XVII в. — изба на берегу Белого моря). Ряд исторических документов XVI—XVII вв. и этнографические описания дают поразительно близкие аналогии к ладожским избам. Особенно интересен в этом отношении план Тихвинского монастыря 1676 г. с перспективными изображениями многочисленных деревянных построек Тихвинского посада и затем рисунки иностранных путешественников по России XVII в. По данным писцовых книг XVI—XVII вв., размеры изб весьма близки к ладожским. Очевидно, тип севернорусской крестьянской и посадской избы, возникнув в период сложения феодализма, оказался весьма устойчивым. Из отдельно стоящих хозяйственных пристроек нами хорошо изучены хлева и отчасти кладовые-житницы.

Типичный хлев представлял в плане опять-таки квадратную постройку, как правило, в форме сруба размером от 2.80×2.80 до 3.20×3.20 м.

Лучше других сохранившаяся житница представляла сруб в плане вытянуто-прямоугольной формы размером 1.60×2.80 м с досчатым полом, засыпанным сверху белым кварцевым песком на толщину около 0.20 м, причем поверх песка была постлана береста. Такое сложное устройство пола явно предусматривало защиту кладовой от сырости и вредителей.

Материалом для построек служили бревна толщиной от 0.10 до 0.35 м (редко — до 0.50 м), жерди толщиной 0.10 м, плахи и доски; для стройки употреблялась главным образом ель, затем сосна и береза; изредка встречался дуб. Орудиями служили топор, долото, стамеска; пила не применялась.

Несмотря на то, что на земляном городище сплошным раскопом вскрыта уже значительная площадь — свыше 1000 кв. м, все же для полного выяснения картины планировки данного участка поселения и такая площадь оказалась недостаточной. Это лишний раз показывает, что раскопки городов могут быть полноценными лишь в том случае, если они ведутся систематически, в течение продолжительного ряда лет, с постепенным раскрытием весьма широких площадей.

Все же некоторые данные о планировке у нас имеются.

Сводный схематический план (рис. 24) общего раскопа наглядно выявляет пространственное соотношение в общем вполне одновременных построек.

Жилые постройки в левой (западной) части раскопа располагаются двумя правильными параллельными, т. е., в сущности, уличными рядами, вполне согласно друг с другом, при этом со строгой ориентировкой по странам света. Однако перед нами еще не улица, потому что избы каждого ряда обращены к избам другого ряда не передними, а задними фасадами и пристройками к ним. Настоящую улицу с рядами обращенных друг к другу передними фасадами построек следует ожидать скорее всего к западу от нашего раскопа, потому что к востоку, ближе к Волхову, планировка уже, видимо, меняется.

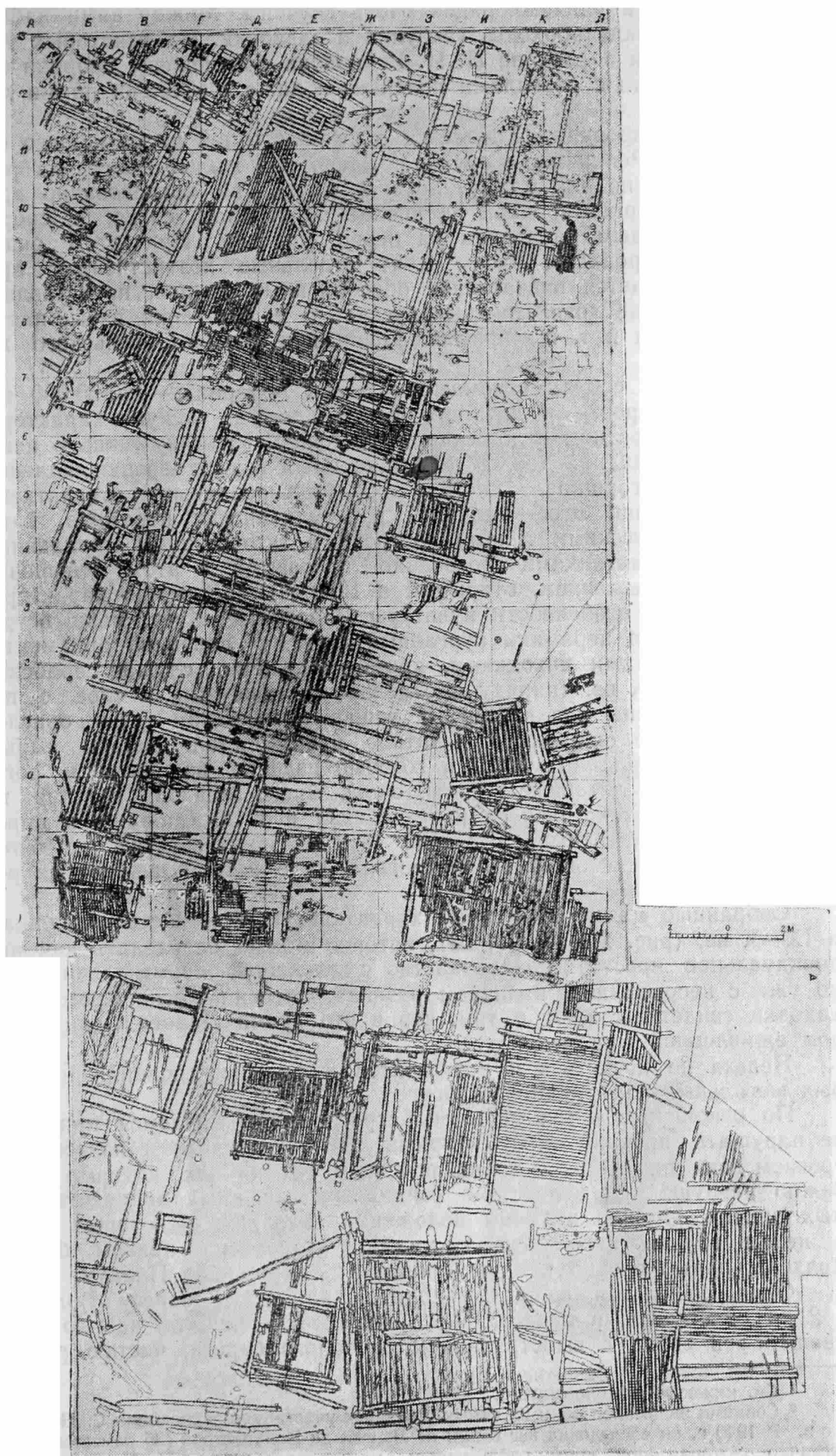

Рис. 24. Старая Ладога. План раскопа.

Постройки в уличных рядах очень скучены. Между ними наблюдаются лишь узкие проходы, закоулки и задворки. На некоторых участках и у нас и в раскопе Н. И. Репникова прослежены дворики между постройками с развалами поленьев и даже с особыми пнями для колки дров.

Иная планировка наблюдается в юго-восточной части нашего общего с Н. И. Репниковым раскопа. Здесь три жилые постройки расположены уже не так близко друг к другу, не согласованно друг с другом и с ориентировкой не вполне по странам света, а скорее с приблизительным равнением на берег Волхова. При этом рядом с жилыми постройками здесь стоят отдельные хозяйственные постройки. Получается впечатление обособленных дворов, представляющих крестьянские хозяйственные гнезда, т. е. сочетания избы, клети, хлева, житницы и т. п., приспособленные к задачам сельского хозяйства.

Раскопками собран огромный вещевой материал — до 20 000 инвентарных номеров, — и дать его сколько-нибудь ясную характеристику в очень кратком изложении невозможно. Упомяну лишь о некоторых категориях находок. В керамике преобладают черепки лепленных прямостенных горшков, иногда орнаментированных отпечатками зубчатого штампа. Это — типичная раннеславянская керамика, которая вместе с русскими типами построек и тяготеющими к славянам могильными памятниками (особенно любопытен в этом отношении могильник с сожжением, открытый в 1938 г.) достаточно характеризует этнические особенности культуры Ладоги IX—X вв. Реже встречается гончарная керамика курганных форм с линейной орнаментацией. Датированными находками, кроме керамики, служат арабские дирхемы VIII—X вв. (наряду с отдельными монетами, в слое с постройками найдены два клада) и вещевые находки: бусы, браслет X в. и др. Встречено много остатков производства: запасы сырья, заготовки, недоделанные вещи и готовые изделия из кости и рога, льячки, тигли и литейные формы, очень много шлаков, изделия из дерева, остатки текстильного производства и т. д. Собраны и определены кости животных, а также растительные остатки, изучение которых, производимое В. А. Петровым, дало весьма интересные результаты.¹

Собранные материалы ярко характеризуют хозяйство ладожан в IX—X вв. (рис. 25, 26, 27, 28), которое можно определить как индивидуальное крестьянское хозяйство с домашней промышленностью, но уже с несомненным наличием развивающегося ремесла. Кроме того, находки свидетельствуют о том, что в это время Ладога была центром оживленной торговли.

Нельзя не коснуться и результатов наших исследований некоторых могильных памятников Ладоги.

По отношению к курганам мы строго придерживаемся принципа не нарушать древний архитектурный пейзаж Ладоги и поэтому не трогаем этих памятников, за исключением тех из них, которые неизбежно разрушаются вследствие стихийных или иных непредотвратимых причин. Именно в таком положении оказались некоторые сопки и целая группа небольших плоских курганов на правом берегу Волхова, прямо против каменной крепости, в урочище Плакун.

Одна раскрытая сопка² находится на левом берегу Волхова, в 2 км от Ладоги, и представляет уже остатки насыпи, частью осыпавшейся в связи с выветриванием песчаного берега, частью разру-

¹ См. нижеследующую статью.

² Сопками занимался один из самых активных участников экспедиции С. Н. Орлов. В 1940 г. он обследовал все сопки от Ладоги до Волховстроя (35 памятников) и частично раскопал под моим наблюдением, при консультации П. П. Ефименко, две из них, почти совершенно разрушившиеся.

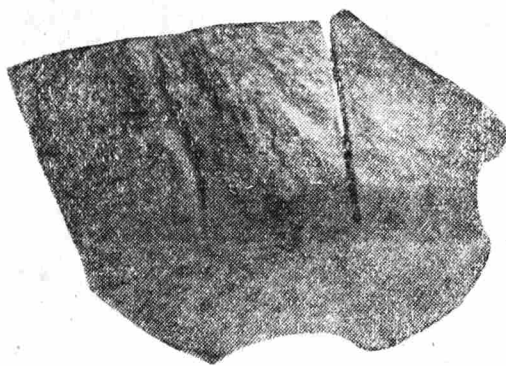
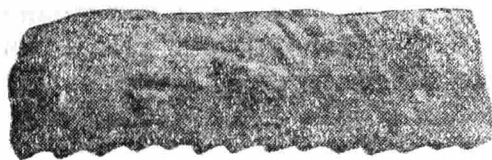

Рис. 25. Старая Ладога. Железная пилка и обломок рога с распилом.

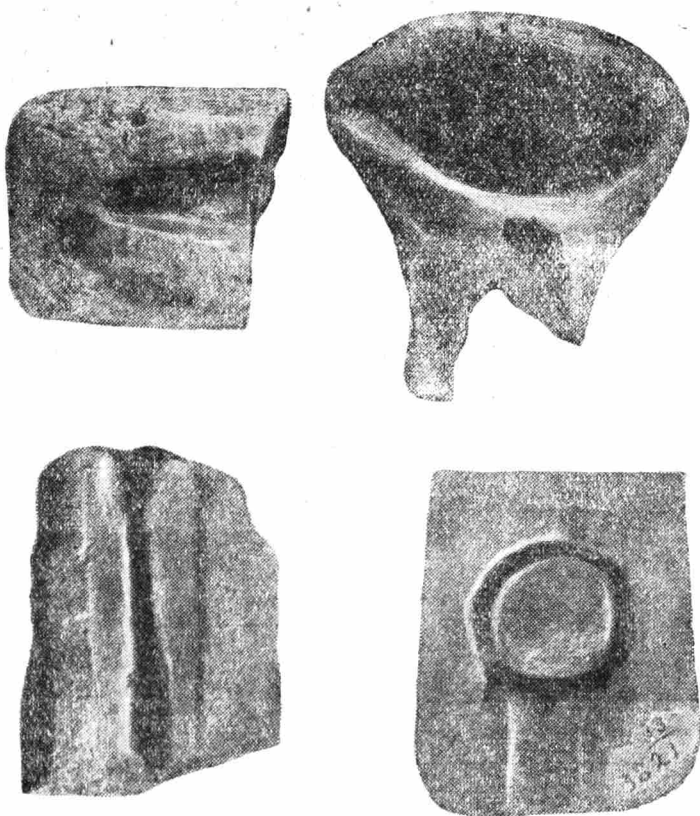

Рис. 26. Старая Ладога. Льячка и литейная формочка.

шенной погребом и карьером. Сохранившаяся высота — 2,5 м, диаметр основания — 16 м; насыпь — песок. Около центра в насыпи оказалась кольцообразная кладка из камней. По всему основанию шел зольный слой. В середине основания находилась угольно-зольная прослойка — остатки кострища — с кальцинированными человеческими костями и вещами VIII—IX вв. (трапециевидная бронзовая подвеска, бусы, фрагменты железных изделий). Другая сопка, тоже больше чем

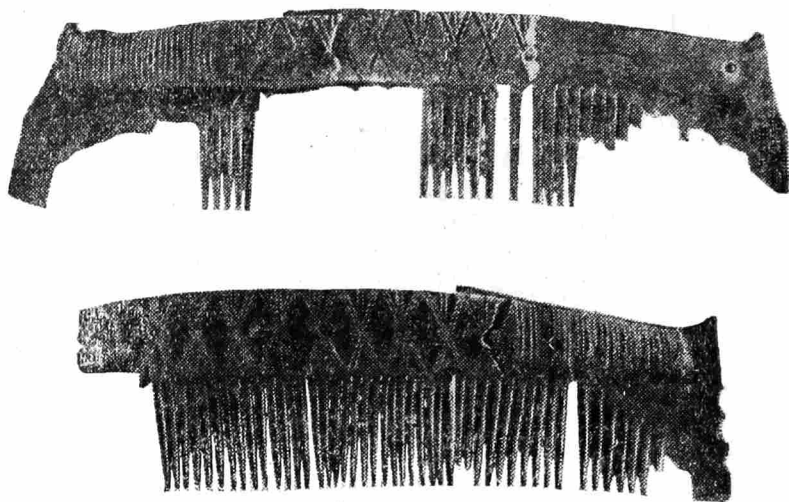

Рис. 27. Старая Ладога. Костяные орнаментированные гребни из горизонта XI—X вв.

наполовину разрушенная дорогой и выветриванием, находится на второй террасе правого берега Волхова, у дороги в дер. Черनावино, против крепости. Здесь в основании оказался также угольно-зольный слой и на нем погребение коня 2—3 лет с убором (ремни с посеребренными бляшками, украшенными изображениями головы лошади). Собранные С. Н. Орловым материалы и по содержанию и по точной документации представляют ценный вклад в имеющиеся весьма скудные данные по знаменитым «сопкам волховского типа».

Участок с курганами в местности Плакун подлежал застройке, и потому пришлось в 1940 г. поставить здесь раскопки.¹ Здесь на надпойменной террасе сохранилось до 12 низких, плоских, едва заметных курганов, подвергавшихся распашке, диаметром от 10 до 15 м, высотой от 0,5 до 1 м. Один курган был раскопан еще в 1903 г. Н. И. Репниковым² и ничего не дал. Раскопки 1940 г. дали весьма интересные результаты. Не буду затрагивать всего объема проделанной работы, укажу только, что в двух курганах оказались под основанием ясно выраженные кострища с кальцинированными костями и вещевыми находками X в. В каждом из этих кострищ находилось большое количество характерных железных ладейных заклепок (в одном их было собрано более 100, в другом — свыше 50). Сожжения, очевидно, производились в ладьях. В одном из курганов оказалась часть клинка меча, воткнутая в землю. По своему устройству и обряду погребения эти курганы резко отличаются от обычных и одновременных им приладожских курганов с сожжением и чрезвычайно близки (собственно даже идентичны) к шведским курганам этого времени, например,

¹ Раскопки произведены [Н. Б. Эмлер], Н. А. Мальцевой, Е. А. Григорьевым и К. Д. Лаушкиным под моим наблюдением и при консультации П. П. Ефименко с материальным участием Военного артиллерийского музея.

² Поездка Н. И. Репникова в Старую Ладогу, Зап. Русск. археол. общ., т. V, вып. 2.

к курганам около г. Бирки. Это первая в Приладожье группа могильных памятников, которую определенно и надежно можно связать с норманнами.

Историческое значение данного, весьма важного факта заключается в том, что норманны в X в. хоронили около Ладоги своих мертвых по скандинавскому обряду и что, следовательно, массовые курганы Приладожья, с совершенно иным обрядом, несмотря на то, что в них вещи скандинавского происхождения не редки, принадлежат не норманнам, а местному населению. Я писал об этом давно¹ и теперь, впервые обнаружив настоящий скандинавский памятник, только усилил свои позиции.

Выдающийся интерес представляет и третий могильный памятник, начатый раскопками в 1938 г. Производя разведки культурного слоя за пределами городища, мы натолкнулись на левом берегу Волхова, на 200 м выше городища, на грунтовый могильник с сожжениями — по типу первый и пока единственный на севере памятник. Раскрыто было около 45 кв. м площади. Под культурным слоем мощностью около 1 м, нижний горизонт которого датируется концом X — началом XI в. (здесь, в частности, был найден небольшой клад западноевропейских монет XI в.), оказались ниже погребенной почвы лунки, заполненные человеческими кальцинированными костями, или же более плоские скопления таких костей. Это очевидные погребения при сожжении трупов на стороне. Всего было открыто 6 таких погребений. В одном оказались вещи — бронзовые спи-

рали и бусы. Рядом с погребениями находились две любопытные ямы несомненно обрядового назначения с угольно-зольным заполнением, содержавшим культурные остатки (кости животных, чешую рыб) и вещи (наксечники стрел, бусы, черепки керамики). В одной из этих ям наблюдалось два культурных заполнения, разделенных глинистой прослойкой. Это очевидные остатки жертвоприношений и тризн в честь умерших. По культуре погребения и ямы относятся к VIII—IX вв. и тесно увязываются с длинными и удлинненными курганами кривичей.

В. И. Равдоникас

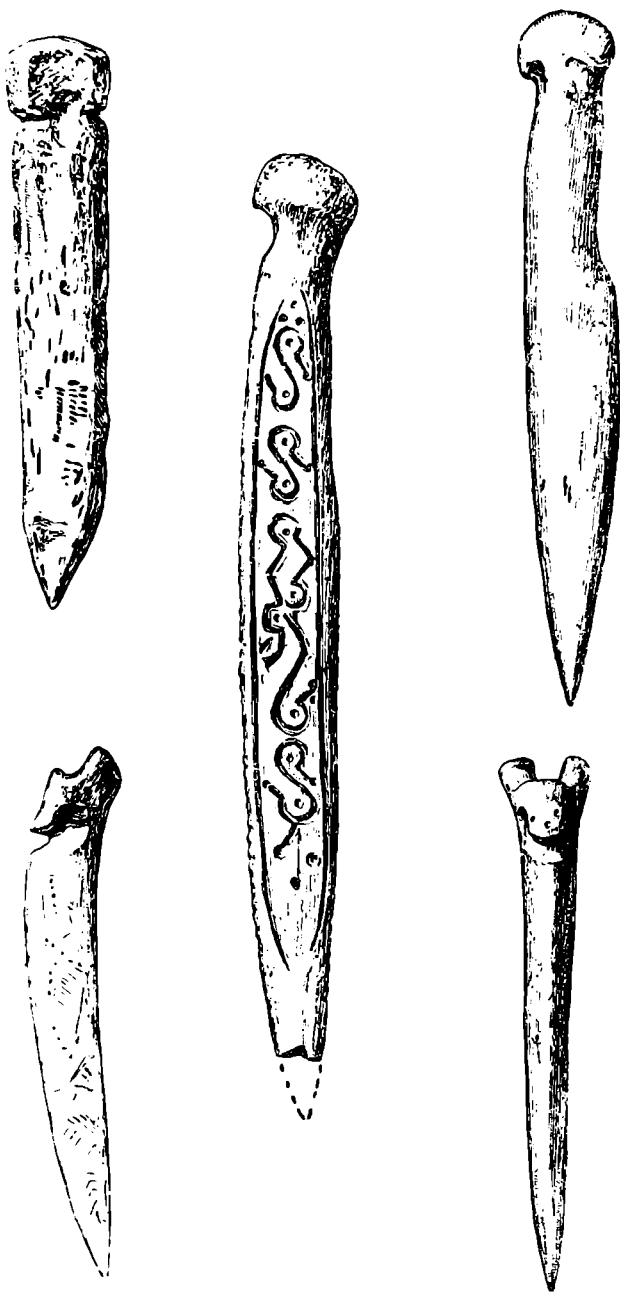

Рис. 28. Старая Ладога. Костяные изделия.

¹ W. I. Raudonikas. Die Normannen und das Ladogagebiet, Stockholm, 1930.

РАСТИТЕЛЬНЫЕ ОСТАТКИ ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СТАРОЙ ЛАДОГИ (IX—X ВЕК)

До настоящего времени систематического исследования растительных остатков из культурных слоев Старой Ладogi не производилось. Многочисленные находки костей домашних животных (в первую очередь свиней, затем крупного и мелкого рогатого скота и лошадей) и сооружений, определенных как коровники или стойла, говорили о развите животноводстве. Сделанная Н. И. Репниковым находка деревянной сохи, а в недавнее время проф. В. И. Равдоникасом — зубца деревянной бороны, указывали на полевое сельское хозяйство. Но что собственно разводили ладожане в IX—X вв., оставалось до настоящего времени неясным. Между тем на большое значение сельскохозяйственных культур косвенно указывали результаты анализа животных остатков; на долю домашних животных падало свыше 85% всех костных находок, на долю диких пород (из последних в первую очередь на бобра) — всего 15%. Очевидно, население далеко отошло от форм охотничьего хозяйства и столь же далеко должно было стоять и от собирательства в отношении растительной пищи; только рыболовству (местами найдены целые прослойки и линзы рыбьей чешуи) уделялась видная роль.

Для сбора документов, определяющих хозяйственную деятельность населения Старой Ладogi в IX—X вв., я и был командирован на место работ руководимой проф. В. И. Равдоникасом археологической экспедиции исторического факультета Ленинградского государственного университета Лабораторией консервации и реставрации документов и Институтом истории материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра АН СССР.

Сохранность растительных остатков, обнаруживаемых в культурном слое IX—X вв., определяется характером залегания погребенной почвы. В условиях очень большой влажности происходит накопление гуминовых веществ и разложение протекает при недостатке свободного кислорода. Поэтому здесь кутинизированные оболочки сохранились великолепно, не только в силу специфичности условий перегнивания, но и, видимо, в силу того, что плохая аэрация почвенного слоя понизила интенсивность работы животных-землероев. Однако богатство гуминовыми соединениями предъявляет особые требования к фиксации материала и к последующему сохранению его в пригодном для исследования виде.

Если дать возможность образцу свежевскрытого культурного слоя высохнуть на воздухе, почвенные коллоиды свертываются и, выпадая, облекают плотной пленкой все находящиеся в почве форменные остатки. Не только последующее простое размачивание в воде, но и обработка слабыми растворами щелочей не позволяет выделить даже хорошо сохранившиеся и крупные семена из включающей породы без разрушения оболочек и поверхностных слоев тканей, которые необходимы для точного определения остатков. Поэтому, например, оказались непригодными для исследования многочисленные образцы культурного слоя, взятые экспедицией в предшествующие годы и подготовленные к хранению простым просушиванием на воздухе в тени.

Учитывая неудачу прошлых лет, мы старались из образцов свежевскрытого слоя IX—X вв. провести насколько можно больше отмывок непосредственно на месте работ. Кроме того, были привезены для отмывок в лаборатории, уже в Ленинграде, различно зафиксированные образцы культурного слоя. Наилучшие результаты дала фиксация спирто-глицерином; куски торфянистой породы, включавшей органические остатки, так же как и образцы совершенно истлевшей древесины, после нанесения на них сравнительно небольших количеств спирто-глицерина продолжали удерживать свою влажность в течение нескольких ме-

сяцев хранения в бумажных пакетах в условиях сильно отапливаемого комнатного помещения. Почвенные коллоиды не выпадали, и из образца оказалось возможным выделить даже наиболее нежные остатки растительных тканей без всякого вреда для последних, путем размачивания в теплой воде. Опыт показывает, что для всех аналогичных случаев сохранения растительных остатков можно вполне рекомендовать указанный прием фиксации материала. Наблюдающееся иногда, и не представляющее собой опасности, развитие на поверхности образцов плесеней легко предотвратить, если ввести в спирто-глицериновую смесь с самого начала 2—3 куб. см двухпроцентного спиртового раствора тимола или α -нафтола на 100 куб. см смеси.

В результате большой серии отмывок, произведенных на месте, и затем по фиксированному материалу, в лаборатории, удалось выделить несколько тысяч различных плодов и семян дикорастущих и культурных растений, которые хорошо характеризуют растительный покров, развивавшийся в старом Ладожском городище. Предварительная разборка собранного позволяет в основных чертах определить, какие виды растений присутствовали здесь в IX—X вв., и что, собственно, из собранного материала имело заведомо пищевое значение.

Среди всего грандиозного материала по растительным остаткам первое место—и по видовому разнообразию и по количеству экземпляров—занимают семена и плоды так наз. мусорных или рудеральных сорняков. Второе место принадлежит опушечным и луговым видам травянистых растений. Чрезвычайно невелико разнообразие дикорастущих пищевых и заведомо культурных растений, хотя по количеству остатков они и представлены обильным материалом. Не много остатков технологической переработки веществ растительного происхождения. Наконец, особое положение занимают древесные остатки, связанные с сооружениями построенного из дерева городища и моховая конопатка стен.

Наиболее богато количественно представлены остатками семян и плодов следующие виды мусорных сорняков: обыкновенная двудомная крапива (*Urtica dioica* L.), белая глухая крапива (*Lamium album* L.), курчавый щавель (*Rumex crispus* L.), кислый щавель (*Rumex acetosa* L.), почечуйная трава (*Polygonum lapathifolium* Ait.), лебеда или белая марь (*Chenopodium album* L.), мелкие и глянцевитые чечевицеобразные семена которой удавалось обнаружить почти в каждой отмывке из почв культурного слоя IX—X вв.; мокрица или звездчатка (*Stellaria media* [L.] Cyrill.), пастушья сумка (*Capsella bursa-pastoris* L.), ползучий лютик (*Ranunculus repens* L.) и болотная калужница (*Caltha palustris* L.), от которой сохранились не только многочисленные семена, но и характерные листовки.

В гораздо большем видовом разнообразии, хотя и в ничтожном количестве, представлены семена и плоды опушечных и луговых видов травянистых растений, не связанных в своем распространении с мусорными местообитаниями. Более частыми представителями этой группы являются многочисленные виды луговых осок; мышиный горошек (*Vicia cracca* L.); лекарственный воробейник (*Lithospermum officinale* L.), единичные орешки которого не позволяют предполагать, что растение это в Старой Ладоге могло являться объектом сбора из диких зарослей, как это указывается, например, для эпохи киммерийских погребений на территории Малой Польши, Днепропетровщины и для развитой бронзы Центрального Закавказья; болотный чистец (*Stachys palustris* L.); будра плющевидная (*Glechoma hederacea* L.); душица (*Origanum vulgare* L.); кукушкины слезки (*Lychnis flos-cuculi* L.); череда (*Bidens cernuus* L.) и обыкновенный зверобой (*Hypericum perforatum* L.).

Достаточно частое размещение точек, с которых брался материал для отмучивания по всей не занятой жилыми помещениями площади раскопа показало неожиданную приуроченность отдельных видов му-

сорных сорняков к определенным участкам культурного слоя. При взятии проб на расстоянии 10 см одна от другой вдоль линии, проведенной поперек прохода между основными венцами двух деревянных домов, оказалось, что видовой состав сорняков в отдельных образцах был далеко не одинаков. В то время как пробы, наиболее близко расположенные к стенам, давали подавляющие количества семян крапивы (*Urtica dioica* L.), почечуйной травы (*Polygonum lapathifolium* Ait.), лебеды (*Chenopodium album* L.) и мокрицы или звездчатки (*Stellaria media* [L.] Cyrill.), центральные точки поперечного профиля, более или менее равно удаленные от стен, позволили обнаружить массовое присутствие семян подорожника (*Plantago major* L.), птичьей гречи (*Polygonum aviculare* L., consp.) и пастушьей сумки (*Capsella bursa-pastoris* L.).

Трудно истолковать наблюдаемую картину иначе, как отображение бывшего распределения сорняков по территории поселения IX—X вв. Вдоль домов высились высокие стены «бурьянов» с ютящейся в тени их по поверхности почвы мокрицей, в то время как на вытаптываемых местах, где проходила дорожка, поднималась приземистая щетка придорожных сорняков, птичьей гречи и розеток пастушьей сумки и большого подорожника.

Наблюдения Чарльза Дарвина заставляли предполагать, что весь почвенный слой настолько основательно перемешивается работой дождевых червей, что всюду в ископаемом культурном слое мы должны ожидать картину среднего состава сорняков. В настоящее время трудно окончательно решить, в чем причина несоответствия между тем, что наблюдается в Старой Ладогe и на плодородных склонах Уэлса. Возможно, что более континентальные условия Приладожья в значительной степени подавили деятельность дождевых червей; но этому противоречит та масса червей, которую можно обнаружить сейчас на огородных почвах Старой Ладоги. Более вероятно, что причина лежит в очень большой влажности почвы в пределах земляного городища Старой Ладоги. Плохая воздухопроницаемость грунта исключала возможность массового развития дождевых червей и, предохранив остатки семян от разрушения, позволила им сохраниться без перемещения вблизи от тех мест, где они упали на почву с материнских растений. Недавно обнаруженная А. Н. Васильевым в архиве Ленинградского отделения Института истории АН описная книга Старой Ладоги, составленная в 1698 г., свидетельствует, что в это время в пределах деревянных стен «вода стоит в городе» от засорившегося стока из пруда, расположенного в юго-западной части городища. Наличие большого количества мешочков осок, листовок болотной калужницы в культурном слое IX—X вв. говорит о том, что и шестью столетиями раньше почва на территории поселения была избыточно увлажнена, а это, если и не совершенно исключало возможность развития дождевых червей, то, во всяком случае, значительно сокращало размеры их деятельности.

Наблюдения, сделанные в пределах культурного слоя IX—X вв. Старой Ладоги, показывают, что мнение, будто почти всякая проба почвы дает как бы изложение среднего видового состава, развивавшегося поблизости от жилья растительного покрова, неправильно. Случайно взятая проба из культурного слоя, даже если она и очень богата остатками растений, все же недостаточна для воссоздания целостной картины растительности соответствующей эпохи.

Из общей смеси семян сорняков удалось выделить и несколько семян конопли. По морфологическим признакам семена дикой конопли (*Cannabis ruderalis* Janisch.) и культурной конопли (*Cannabis sativa* L.) отличаются главным образом площадкой прикрепления семени, которая на наших образцах разрушена. Поэтому остается неясным, имеем ли мы в данном случае дело со случайно выросшими на унавоженной почве мусорных местообитаний экземплярами возделываемого растения или же с типичным рудеральным сорняком. До настоящего

времени не обнаружено ни остатков конопляных жмыхов, что свидетельствовало бы о переработке их на масло, ни оболочек в копролитах, которые бы говорили о применении их в пищу, ни тканей из конопляного волокна. Поэтому пока вопрос о разведении конопли в Старой Ладогe IX—X вв. остается открытым.

В равной степени обильно встречаются остатки плодов обыкновенной лещины или лесного ореха (*Corylus avellana* L.) как в культурном слое, залегающем между домами, так и внутри строений. Нет никакого сомнения, что лесной орех играл видную роль в питании населения, хотя нигде не найдено больших куч ореховой скорлупы, которые могли бы указывать на переработку ореха на масло.

В несравненно более трудном положении оказываемся мы при попытках определить пищевое применение тех или иных видов дикорастущих растений в том случае, если находка не связана с наличием крупных запасов их или с залеганием на таких участках, которые связаны со скоплением пищевых отходов. Наиболее любопытной в этом отношении находкой можно считать остатки колосковых чешуй обыкновенного манника (*Glyceria fluitans* [L.] Mert. et Koch), обнаруженные по кругу под берестяным днищем, лежавшим на полу внутри одного из домов.

Манник — дикорастущий злак, повидимому нигде и никогда не входивший в состав возделываемых растений. Он развивается по берегам ручьев и по сырым местам, где и образует, подчас, крупные заросли. В настоящее время он продолжает встречаться в окрестностях Старой Ладоги, но в количествах, исключающих возможность сделать крупные запасы его зерна; местному населению как пищевое растение он, видимо, вовсе неизвестен. Иначе обстояло дело в средневековье. У ряда западных авторов XVI—XVIII вв. имеются указания на то, что в свое время этот дикорастущий злак играл видную роль в пищевом бюджете населения Центральной Европы. Сохранилось даже детальное описание приемов, при помощи которых производился самый сбор: его нужно было вести ранним утром до момента, пока с приречных низин не поднялся туман и подсохшие на солнце созревшие зерновки не успели упасть на почву. В дальнейшем зерновки манника, легко выпадавшие из чешуй, после толчения в ступе и отсеивания на решетках шли на приготовление вкусных и легко усваивающихся каш. Самое название манной крупы в наше время закрепилось за соответственно переработанным и размельченным зерном пшеницы, сделавшейся заменителем дикорастущего манника, сбор которого всегда был ограничен.

Находка остатков зерен манника интересна не только как первая находка подобного рода, сделанная с мест археологических раскопок, но и тем, что она свидетельствует о широком распространении этого вида в былом. В настоящее время местообитаний, вполне подходящих для развития манника в окрестностях Старой Ладоги, как было уже указано, немного. Приходится думать, что раньше их было значительно больше. Невольно при этом вспоминаются те многочисленные остатки костей бобров, которые сопровождают культурный слой, несущий и зерновки манника. Вероятно, режим стока рек и речек в окрестностях Старой Ладоги в IX—X вв. в значительно большей степени регулировался бобрами, чем человеком. Постройки плотин, обязательные для бобрового поселения, вызывали подпор вод и образование тех переувлажненных участков в прирусловых понижениях долин, которые были необходимы для успешного развития манниковых зарослей.

В очень большом количестве встречены семена дикорастущих ягодных растений: в большом количестве найдены семена морошки (*Rubus chamaemorus* L.), малины (*Rubus idaeus* L.), брусники (*Vaccinium vitis-idaea* L.) и голубицы (*V. uliginosum* L.). Но семена эти не распределены равномерно во всем культурном слое, а сосредоточены лишь в некоторых точках его. Внутри жилых домов найдены семена морошки,

притом в таких больших количествах совместно, что не остается сомнений, что они остались лежать на том же месте, где хранился собранный запас. Но та же морошка и другие ягодные были найдены совместно и на совершенно своеобразных участках культурного слоя вне стен строений. Около некоторых домов были обнаружены пятна, на которых культурный слой был окрашен в несколько более рыжий цвет и отличался своей лигнитообразной консистенцией. Анализ семенного материала из подобных лигнитообразных линз неуклонно давал одинаковую картину видового состава. Помимо чешуй возделываемых хлебных злаков здесь всегда присутствовали семена ягодных и крапивы. Повидимому, самые лигнитообразные линзы приходится рассматривать как следы мест общественного пользования, а обнаруженные здесь семена — как средний итог пищевого режима населения за долгий срок времени.

Из числа культурных злаков до настоящего времени удалось выделить только зерновки и колосковые чешуи обыкновенного метельчатого проса (*Panicum miliaceum* L.). Они найдены в виде остатков зерновых запасов в щелях между досками пола ларей в пристройках домов; непосредственно на земляном полу домов; в виде мякины, остающейся после рушения просяного зерна на пшеничную крупу; в земле завалинок, сопровождающих прилегающие снаружи к стенам домов участки культурного слоя; в виде фрагментов колосковых чешуй в копролитах, неоднократно попадавших в культурном слое IX—X вв., где они сопровождаются семенами морошки; наконец, в местах скопления отбросов вместе с семенами дикорастущих ягодных растений. Просяная солома обнаружена, совместно с остатками сена, на полу коровников или скотных дворов, вскрытых на месте раскопок. Самое неожиданное в этой находке составляет то, что никаких других культурных злаков, которые, казалось, можно было бы встретить на территории Приладожья скорее, чем просо, обнаружить до сих пор не удалось, хотя поиски их велись не только нами, но и всем коллективом, производившим раскопки.

В настоящее время у нас сложилось мнение о просе, как о значительно более южной культуре, совершенно чуждой климатическим условиям Ленинградской области. Сперва даже возникло предположение, не имеем ли мы в данном случае дело с привозным зерном. Однако одновременное нахождение не только зерна, но и просяной соломы, и притом в значительных количествах, казалось бы, вполне исключает мысль о привозе.

Последующие исследования должны будут установить, действительно ли метельчатое просо было единственной зерновой культурой Приладожья в изучаемую эпоху или нет. Однако сохранились многочисленные указания на то, что еще в раннем средневековье просо было широко распространено в сельском хозяйстве Северной Европы. Указания эти подтверждаются и находками археологического материала, сделанными в южной Швеции, Дании и Белоруссии. В Эстонской ССР культура проса документируется еще в начале VII в. Повидимому, причину исчезновения проса в культурах севера приходится искать не в том, что климатические условия изменились в сторону их ухудшения, а в том, что в пищевом бюджете населения лепешки и каша, делавшиеся из пшеничной крупы, перестали играть руководящую роль и сменились в значительной мере хлебом, изготовлявшимся из муки обычных для нашего представления зерновых культур: пшеницы и ржи.

Произведенные в 1939 году Г. П. Цирк опытные посевы проса в Карело-Финской ССР, несмотря на крайне неблагоприятные погодные условия в течение всего вегетационного периода, дали превосходный урожай зерна.

Во всяком случае, даже если при дальнейших работах в культурном слое IX—X вв. Старой Ладogi и будут найдены зерна других хлебных злаков, факт широкого распространения культуры проса и Прила-

дожде в отдаленном прошлом со всей очевидностью подтверждается результатами раскопок 1940 г.

Только в виде остатков изделий встречен лен. Находка крупного куска льняной пряжи полотняного переплетения, которая, видимо, не была окрашена, представляет для наших северных районов исключительную редкость. Повидимому, кислая реакция среды способствует особенно быстрому разрушению целлюлозы, и факт сохранения ткани приходится объяснить тем, что она была пропитана каким-то воскообразным веществом, исследование которого проводилось покойным Н. П. Тихоновым в Лаборатории консервации и реставрации документов Академии Наук.

Из других форм технологического применения растений можно указать, например, на окраску крупного куска шерстяной ткани, обнаруженной на земляном полу одного из деревянных строений; нам удалось определить синюю выкраску, сделанную индиго. Эта шерстяная ткань киперного переплетения во всем сходна с подобными же образцами шерстяных тканей, собранных проф. В. И. Равдоникасом в Приладожских курганах; однако свидетельствовать о том, что окрашивание производилось непременно здесь же на месте и из местного красильного сырья, эта ткань не может. Но все же весьма вероятно, что источником для получения выкрасок служила вайда или крутик, крестоцветное (*Isatis tinctoria* L.), тем более что окрашивание фенольного раствора в синий цвет, которое вызывает наш образец, по мнению шведских исследователей, изучавших выкраски на тканях VIII—X вв. в Бирке, в южной Швеции, является признаком окрашивания именно крутиком, а не привозным из Индии или из Ирана индиго из индигоноски (*Indigofera indica* L.). Пока ни стручки, ни семена вайды (*Isatis tinctoria* L.) в культурном слое Старой Ладogi IX—X вв. нами не обнаружены.

Другим веществом растительного происхождения является липовое лыко, широко применявшееся населением для изготовления веревок. Насколько можно судить по остаткам дубовой древесины в отдельных подделках того же времени, по богатству культурного слоя оболочками плодов лесного ореха, весь комплекс широколиственного леса, включающий в себя и дуб, и липу, и орешник в виде подлеска, был широко распространен в окрестностях Старой Ладogi. Поэтому местное происхождение изделий из липового лыка не вызывает сомнений.

Особо приходится остановиться на строительном материале, столь богато представленном в сооружениях деревянного городища IX—X вв. Бревна, служившие для постройки домов, в основном относятся к ели; помимо древесины, в подсыпке в подпольях домов в большом количестве обнаружена хвоя ели и еловые шишки, не оставляющие сомнения в том, что в IX—X вв. в окрестностях Ладogi росла та же европейская ель, *Picea excelsa* Link, что и в настоящее время. Для слег и настилов, представленных более тонкими бревнами, использовалась древесина березы. Не менее широкое применение в быту находила и береста березы, из которой делали различные хозяйственные предметы.

При осмотре бревен венцов срубов, которые еще лежали друг на друге, наше внимание обратила на себя ослизневшаяся, потерявшая свои морфологические особенности масса конопатки. Микроскопическое исследование выяснило, что из двадцати проб, взятых в разных местах деревянных сооружений, восемнадцать принадлежали сфагновым мхам (по преимуществу сфагнам из группы *Sphagna Cymbifolia*) и лишь в двух случаях были представлены лесные мхи (*Polytrichum* и *Thuidium*). Это показывает, что сфагновые мхи применялись для конопатки значительно чаще.

Все сказанное говорит о том, что технологическая традиция постройки сруба в IX—X вв. не отличалась от той, которая господствовала в наших северных районах и много позднее, вплоть до современности. На поверхности полов строений особенно тщательно велись поиски

соломы, которая могла бы свидетельствовать о перекрытии крыши соломой. Однако, хотя на местах коровников остатки соломы были и очень многочисленны, в пределах жилых помещений следов ее обнаружить не удалось. Повидимому, крыши соломой не застилались.

Попытаемся вкратце наметить те выводы, которые можно сделать на основании определенных к настоящему времени растительных остатков Старой Ладogi IX—X вв.

В отношении культурных растений выводы делать еще рано. Находка одного проса идет настолько вразрез с существующей традицией, что лишь широкая проверка настоящего указания на территории не одной только Ладogi, но и других населенных пунктов Северо-восточной Европы позволит оценить этот факт.

Иначе обстоит дело с остатками мусорных сорняков, которые представлены настолько обильно и по количеству сохранившихся семян и по видовому списку, что некоторые выводы сделать уже можно.

Что же могут дать семена мусорных сорняков, которые были нами обнаружены?

Наметившиеся в настоящее время направления решения вопроса о происхождении культурных растений (а их можно выделить шесть: филологическое, ботанико-систематическое, археологическое, генетикоптологическое, генетико-географическое и этнографо-историческое — учение Верта о «культурных потоках») оперируют в основном с историей полевых сельскохозяйственных культур. Между тем переход к массовой культуре отдельных видов является уже относительно поздней формой связи между человеком и растением.

На ранних стадиях культуры мы должны ожидать существования иных взаимоотношений между био-географическими условиями окружающей природы и деятельностью человека, чем те, которые обычно привлекают внимание исследователей.

Если подойти к решению вопроса с этой точки зрения, то видовой состав флоры, обнаруженный в Старой Ладогe, представляет исключительный интерес.

Первое, что необходимо отметить, это — отсутствие почти всех видов мусорных сорняков, которые господствуют в настоящее время. В то же время нельзя забывать, что Старая Ладoga и в IX—X вв. стояла на одном из самых торных торговых путей Восточной Европы. Вполне естественно, что места стоянок англо-индийских войск в Закавказье отмечены пятнами не свойственных флоре СССР тропических однолетников-сорняков, принесенных вместе с фуражем, или что в окрестностях европейских фабрик, перерабатывающих австралийскую шерсть, создаются уголки австралийской сорной флоры, насчитывающей свыше десятка видов, нигде более не встречающихся в Европе.

Остается сделать заключение, что либо перевозки в эпоху IX—X вв. велись настолько медленно и с таким количеством перевалок, что товары очищались от зачатков сорняков, либо, — и это более вероятно, — что условия транспорта не позволяли вести переброску мертвых грузов и товар шел чистым от засорения.

Второе, на чем необходимо остановиться, — это на экологии видов, семена которых обнаружены.

Формы опушечно-лесные и луговые представлены большим количеством видов, но количество семян каждого из них ничтожно. Косвенно это могло бы говорить о том, что даже среди населенного городища оставались небольшие клочки почвы, на которых еще удерживалась исходная, не связанная с деятельностью человека растительность. Гораздо более вероятно, однако, что семена эти, рассеянно распределенные среди сорняков, а не приуроченные к определенным точкам на поверхности культурного слоя, происходят из сена, многочисленные остатки которого обнаружены в коровниках и стойлах и которое заготавливалось за пределами населенного пункта.

Среди мусорных сорняков Старой Ладogi IX—X вв. господствовали виды приречные, охотнее всего селящиеся на галечниках, по иловатым отмелям и песчаным гривам, ежегодно в половодье передвигаемым рекою с места на место, и по опушкам приречных же лесов.

Биологические моменты, объединяющие все указанные типы приречных местообитаний, можно свести, в основном, к трем:

1. Здесь господствуют растения ценофобные, т. е. такие виды, которые не выживают в условиях нормального развития ценоза, в условиях задержания поверхности почвы.

2. Почва в подобных местообитаниях обогащена соединениями азота, происходящего за счет перегнивания органического материала, ежегодно приносимого и отлагаемого рекой.

3. Систематическое, из года в год повторяющееся разрушение растительного покрова создает условия более благоприятные для развития однолетних, чем многолетних форм.

У нас на севере, вне условий речной поймы, мы встречаем аналогичное сочетание биологических условий существования лишь в тех местах, где первичный растительный покров уничтожен систематическим воздействием человека. Здесь мы находим:

1. Уничтожение связанности и целостности растительного покрова под влиянием совокупной деятельности человека и сопутствующих ему животных, т. е. создание условий, особенно благоприятных для развития растений-ценофобов.

2. Обогащение почвенного слоя азотом, образующимся от перегнивания всякого рода органических отходов, накопление которых сопутствует местам поселения.

3. Постоянно повторяющееся разрушение растительного покрова, приводящее к созданию условий, более благоприятных для жизни растений с ускоренным циклом развития, т. е. в первую очередь однолетних, а не многолетних.

Эти биологические элементы общности и приводят, видимо, к тому, что видовой список пойменных местообитаний и сорняков, сопровождающих человеческое поселение, имеет много общих названий.

Однако намечающаяся аналогия условий существования отнюдь не должна рассматриваться как тождество.

Как было уже отмечено Энгельбрехтом, не все виды дикорастущих растений попадают в одинаково благоприятные условия при отборе их человеком. В первую очередь будут перенесены виды, представляющие пищевое значение, чьи семена или плоды без потери всхожести могут пройти сквозь пищеварительный тракт человека.

Рассматривая список поемной флоры долины Волхова и сравнивая его со списком мусорных сорняков, господствовавших в культурном слое IX—X вв. Старой Ладogi, мы видим, что при всем сходстве он на месте поселения оказывается значительно обедненным. В его состав вошли почти исключительно виды, имеющие пищевое значение: крапива, глухая крапива, лебеда, курчавый и кислый щавель, мокрица, болотная калужница, птичья греча.

Этноботанические наблюдения подтверждают, что в пережиточной форме пищевое применение всех этих видов сохранилось местами и до наших дней и притом не связано с недостатком продуктов питания, а является как бы определенной пищевой традицией. Вспомним хотя бы крапиву, которую никто не разводит, но которая регулярно появляется на рынках Ленинграда и Москвы в весенние месяцы.

К сожалению, многие археологи до сих пор пренебрегают сбором таких важнейших источников для суждения о пище населения изучаемой ими эпохи, какими являются копролиты, или тех частей культурного слоя, которые служили местами скопления отходов. Поэтому сейчас приходится в большей степени опираться на этноботанические па-

раллели, чем на непосредственно документирующие историю археологические находки.

Современные взгляды на эволюцию растительных организмов показывают, что постановка растения в новые, более благоприятные условия существования приводит к появлению таких признаков изменчивости, которые в противном случае могли оставаться невыраженными. В то же время наблюдения показывают, что на участках, где первичный растительный покров нарушен, получают возможность селиться такие близкие между собой формы, которые в ненарушенных условиях оказываются экологически разобщенными между собою. Происходящие при этом скрещивания расшатывают наследственную консервативность видов и усиливают способность их к изменениям.

Таким путем, вне всякого сознательного вмешательства со стороны человека, в результате образования новых условий существования, как следствия совместной жизни многих людей на ограниченной территории, создаются условия, благоприятствующие произвольному возникновению новых форм, которые не существовали и не могли существовать в окружающей, не затронутой деятельностью человека природе.

Многолетние эксперименты по искусственному воспроизведению борьбы за существование (в дарвиновском понимании этого термина), которые производил академик В. Н. Сукачев, показывают, что близкие между собою формы рудеральных сорняков могут быстро и нацело вытеснить друг друга. Вполне логично предположить, что возникшие на местообитаниях новые формы, сопутствующие деятельности человека и лучше приспособленные к этим новым условиям существования, могут на данных участках вытеснить исходные формы, как менее приспособленные. В результате длительно действовавшего отбора новообразовавшиеся формы могут начать господствовать на мусорных местообитаниях, а по своим признакам они уже не будут тождественными с исходными формами, развивающимися в неизменной деятельности человека природе.

Видовой состав рудеральных сорняков культурного слоя IX—X вв. из Старой Ладogi представляет большой интерес тем, что он свидетельствует, во-первых, об отсутствии в его составе видов, чуждых незатронутой деятельностью человека местообитаниям в окружающей природе, и, во-вторых, — об отсутствии морфологических различий между формами рудеральных местообитаний IX—X вв. и теми, которые в настоящее время развиваются в условиях, не измененных человеком. Между тем, в настоящее время среди рудеральных сорняков Старой Ладogi господствуют виды, вовсе не встречающиеся на местообитаниях, не измененных человеком, а среди видов, принадлежащих местной флоре, можно наметить некоторые отличия между формами мусорных и «диких» местообитаний.

Исследуемый культурный слой Старой Ладogi хронологически является очень поздним. Но извлеченные из него остатки сорняков не дают никаких указаний на то, что соответствующие виды пришли на данное место откуда-то издалека. Объяснить видовой состав сорной флоры Старой Ладogi при помощи пользующейся в настоящее время такой большой популярностью за границей гипотезы «культурных потоков» Е. Верта никак не удастся. Ладoga IX—X вв. стояла, как сказано, на одном из самых торных путей Восточной Европы. Для растений полевой культуры Верт вводит поправку в том смысле, что недостаточно простого перенесения новой культуры в новые районы (речь идет, разумеется, лишь об областях, климатически соответствующих одна другой), необходимо еще, чтобы население новой области уже располагало «идеей возделывания» данного растения. В отношении рудеральных сорняков не может ставиться вопрос о предсуществовании какой-либо «идеи». Если растения данной экологической группы были занесены, то они должны были вырасти с равным успехом и в IX—X и

в XIX—XX вв. В случае же, если мы их не встречаем в IX—X вв., а наоборот, встречаем в массовом развитии тысячелетием позже, то это может говорить лишь о том, что сперва они вообще не были сюда занесены, а появились лишь впоследствии. Исходный же состав рудеральных сорняков комплектовался из видов, искони свойственных местной флоре.

Этот факт должен быть достаточно оценен и при попытках решения вопроса о происхождении древнейших культурных растений, возникавших на грани между эпохой собирательства и возделывания. Даже бессознательное воздействие человека на окружающие природные условия оказывается достаточно могущественным, чтобы привести к образованию форм, не существовавших вне этого воздействия. И одновременно, образование под влиянием человека новых, хозяйственно ценных форм неизбежно приводило к возникновению новых отношений между явлениями окружающей природы и человеком. Лишь сочетание в единой картине этих двух противоположных процессов, как этапов единого эволюционного процесса, может послужить ключом к пониманию отдельных фактов из жизни растительного покрова, окружавшего человека в далеком прошлом.

В. А. Петров

Лаборатория консервации и реставрации
документов Академии Наук СССР

СВЕДЕНИЯ О СТАРОЙ ЛАДОГЕ В ДРЕВНЕСЕВЕРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ¹

I

В дополнение к археологическим исследованиям в Старой Ладоге и в Приладожье, вскрывшим множество ценнейшего материала для всестороннего изучения как самой Ладоги — одного из древнейших русских городов, так и примыкающей к ней территории, в настоящей статье даются в переводе письменные известия о Ладогe, содержащиеся в древнесеверной литературе. Ими пользовался еще Н. Е. Бранденбург в своей вышедшей в 1896 г. капитальной работе «Старая Ладога» (стр. 12—15), но совершенно не критически: он начинал с легендарных саг, принимая их известия как древнейшие, а затем уже переходил к тем сагам, с которых по-настоящему следовало бы начать как с источников, несравненно более надежных с исторической точки зрения. Такая трактовка этих известий о Ладогe создавала ложное впечатление, будто они восходят к далекой древности, между тем как в действительности наиболее раннее упоминание Ладоги в сагах относится к концу X в., иначе говоря — залаздывает не менее, чем на столетие, по сравнению с тем временем, когда Ладога уже существовала и, несомненно, была известна и скандинавам как местный центр, повидимому, более старый, чем Новгород, хотя и не достигший в дальнейшем такого развития и значения, как он.

К ладожским преданиям восходит тот вариант легенды о призвании князей, который известен в целом ряде списков «Повести временных лет» и согласно которому Рюрик княжил сначала в Ладогe, построенной всеми тремя братьями вместе, а уже позднее перешел в Новгород. По мнению А. А. Шахматова ² и М. Д. Приселкова ³, этот вариант внесен в редакцию «Повести временных лет» в 1118 г. Причина его внесения до сих пор остается не вполне ясной.

¹ Доклад в секторе дофеодальной и феодальной Восточной Европы, 14. IV. 1941. Это был последний доклад Елены Александровны, погибшей в ноябре 1941 г. в осажденном Ленинграде. *Ред.*

² Повесть временных лет, т. I, 1916, предисл., стр. VI—VII.

³ История русского летописания XI—XV вв., 1940, стр. 44 и 80;

Во всяком случае, он дает Ладоге первенство над Новгородом с хронологической точки зрения не без основания, и едва ли объясняется простым сочинительством. Ни о каком ладожском летописании, подобном новгородскому, мы не знаем. Но устные исторические предания местного характера там несомненно были; фрагмент их можно предполагать в рассматриваемом здесь варианте летописной легенды о призвании. Возможно, что какой-то северный (вероятно — шведский) Рюрик-Нгоегекг в IX или X в. был тем или иным образом связан с Ладогой и вошел в местные предания, что его же впоследствии летописец снабдил двумя братьями, извлек из-за моря по приглашению, посадил в Новгороде и произвел в родоначальники княжеской династии Рюриковичей. Реакцией на всю эту позднейшую летописную комбинацию и является тот вид, в котором ладожское предание появляется перед нами в составе «Повести временных лет» в редакции 1118 г.: Рюрик сидел в Новгороде, но еще до того — в Ладого. Можно думать, что отправка Рюрика в Новгород после Ладого — результат литературной обработки ладожского предания с целью согласовать его с уже вошедшей в летопись легендой о призвании, по которой Рюрик начинает свою карьеру с Новгорода: первоначальное ладожское предание скорее всего вовсе не говорило о Новгороде, а носило чисто местный характер.

В нашей научной литературе нет полной общей сводки летописных известий о Ладого, но те, которые содержатся в древнейших летописных сводах, во всяком случае, хорошо известны всем историкам, занимающимся древней Русью. О ранней Ладого наши летописцы, как мы знаем, сообщают сравнительно немного. Северные известия кое в чем дополняют их и не лишены интереса, хотя не дают, к сожалению, сколько-нибудь широко развернутой картины для конца X в. — первой проловины XI в., т. е. для времени, в пределах которого они вообще что-нибудь знают о Ладого. Называют они ее *Aldeigjuborg*; в песне одного скальда X в. мы находим *Aldeigja*. Упоминают они о ней реже, чем о Новгороде (*Hólmgarðr*), а к середине XI в. она уже исчезает с их страниц. Восходящие к XII—XIII вв. исландские географические сочинения уже не знают Ладого в числе русских городов, так же и исландские анналы, составление которых относится к концу XIII и к XIV вв.

Известия исторических саг приведены здесь в дословном переводе с подлинного текста; кратким пересказом заменены места, не относящиеся к сведениям о Ладого, но тем не менее необходимые для сохранения общего контекста. Сведения легендарных саг даны вообще только в виде общей сводки, в которой подведены итоги того, что они знают о Ладого; при этом отмечены те исторические элементы, наличие которых в них можно установить. Ввиду того, что самые источники, с которыми мы здесь имеем дело, мало известны в нашем научном обиходе, а если известны, то в устарелой и некритической трактовке, как, например, у Н. Е. Бранденбурга, — даю предварительные краткие сведения о них и об отдельных авторах, с указанием применяемых мною сокращений.

Bandadrápa — см. *Eyjólfir dāðaskald*.

Eyjólfir dāðaskald — исландский скальд X в., был в дружине норвежского ярла Эйрика, сына Хакона, между 1000 и 1012 гг., т. е. после похода Эйрика на Ладого. Поэма Эйольфа *Bandadrápa* сохранилась в отрывках. Эйольф основывался в ней на рассказах дружины Эйрика о его походах; от воспевания этих разбойничьих подвигов и происходит, вероятно, прозвище Эйольфа «*dāðaskald*» (*dāð* — дело, подвиг).

Eym. — *Eymundar saga*, сага об Эймунде, сохранившаяся в единственном списке конца XIV в., в большом компилятивном своде саг *Flateyjarbok*, составленном в Исландии (изд. 1862 г., т. II, стр. 118—

134). Настоящее заглавие ее не сага, а повесть об Эймунде, Eymundar pattr. Такие отдельные повести, pættir, вводились в состав больших саг и сводов. В указанном своде Еум. включена в распространенную редакцию саги об Олафе святом; первоначально она несомненно была самостоятельной сагой. Источники и генезис ее до сих пор не исследованы. Среди древне-северной Rossica она является наиболее интересной для русского историка.

Fask. — Fagrskinna, свод саг о норвежских конунгах с легендарных времен до 70-х годов XII в., составленных, как полагают, исландцем в Норвегии между 1220 и 1240 гг. Старший список относится ко второй половине XIII в. (не позднее 1263 г.). По своему положению среди целого ряда однотипных сводов саг Fask. близка к старшей их группе, более ранней, чем Hkr. Пользуется письменными и устными источниками, в числе вторых — песни скальдов. Изд. F. Jonsson, 1902—1903 гг.

Hkr. — Heimskringla, см. Snorri Sturluson.

Orkn. — Orkneyinga Saga, сага об оркнейских ярлах X—XII вв., составленная, вероятно, исландцем, духовным лицом, между 1200 и 1220 гг.; наиболее ранние списки — конца XIII в. Повидимому, ее знал Snorri (ссылается в Hkr. на Jarla saga, сагу о ярлах) или же пользовался общим с нею источником из той более ранней группы сводов саг, к которой относится Fask. Отношение Orkn. и Hkr. — вопрос спорный: существует мнение, что Orkn. пользовалась трудом Snorri; некоторые же исследователи полагают, наоборот, что Snorri использовал древнейшую и лучшую часть Orkn., с начала этой саги и до 1064 г.; в нее, следовательно, входит и наш отрывок из Orkn. Ввиду неясности соотношения этих двух памятников, ссылка на сагу о Магнусе, сыне Олафа (Магнусе Добром), которую мы находим в Orkn., может относиться не к Hkr., в состав которой входит сага о Магнусе, а к тому общему источнику, которым пользовалась и Hkr., и Orkn. (изд. G. Vigfusson, Icelandic sagas, т. 1, 1887).

Snorri Sturluson — Snorri сын Стурлы, выдающийся исландский историк (1178—1241), написавший около 1230 г. свод саг о норвежских конунгах под заглавием Heimskringla (изд. Jónsson, т. I—III, 1893—1900). Старший список Hkr. — середины XIII в. Hkr. блестяще завершает собою целый ряд сводов саг такого же содержания. Имеет общие источники с Fask., но эта последняя независима от нее. Наряду с письменными источниками, Snorri широко пользовался и устными — песнями скальдов и местными преданиями, дружинными и народными, прежде всего — норвежскими, а отчасти и шведскими, поскольку ездил однажды в Швецию.¹

Прежде чем приводить первое достоверное известие о Ладоге в сагах, сообщающее о нападении на нее в 997 г. норвежского ярла Эйрика, сына Хакона, надо сказать несколько слов о самом Эйрике. Сын знаменитого в истории Норвегии X в. областного вождя Хакона из рода ярлов из Hlaðir (нын. Lade, близ Трондъема), Эйрик родился около 964 г. После гибели ярла Хакона в борьбе с норвежским конунгом Олафом, сыном Трюггви, в 995 г., Эйрик вместе со своим младшим братом Свейном и целой группой родичей и дружинников бежал в Швецию, а затем ушел в морские походы и вернулся в Норвегию лишь после того, как в 1000 г. Олаф, сын Трюггви, погиб в борьбе с образовавшейся против него скандинавской коалицией, в которую входили Свейн Датский, Олаф Шведский (будущий тесть Ярослава Мудрого) и сам Эйрик. По разделу Норвегии между по-

¹ Об этом исландском авторе появилось недавно совершенно сенсационное сообщение, согласно которому он посетил Литву и упоминает о Вильнюс (Историч. журн. 1941, № 2, стр. 43). В действительности Snorri не только никогда не был в Литве, но и едва ли имел какое-нибудь представление о том, что это за страна.

бедителями Олафа, сына Трюггви, сыновьям ярла Хакона досталось западное побережье этой страны; кроме того, они сохранили за собой старое наследие их рода — владения в Трондъемской области и господствующее положение в этом крае. Эйрик участвовал в завоевании Англии Кнудом Датским, сыном Свейна (Кнудом Великим), и умер там около 1024 г.

995. Fask., стр. 106—107, гл. 20.

Эйрик ушел на восток в Швецию (Svíaríki) к Олафу, конунгу шведов (Svíá Konung), и долго пробыл там в большой чести и воевал во многих местах на востоке, как говорит Торд, сын Кольбейна.

Ссылка на исландского скальда Торда, сына Кольбейна, который с 1007 г. был в дружине ярла Эйрика, расходится с цитируемыми тут же строфами одной из поэм Торда в честь Эйрика: Торд говорит о том, что Эйрик искал помощи и совета у шведского конунга, но о его походах на восток не упоминает.

997. Fask., стр. 136—137, гл. 24. Об Эйрике ярле, сыне Хакона, после гибели Олафа, сына Трюггви.¹

После того пошел он на восток в Гардарики на Вальдамара Старого и много воевал в его земле; он разрушил Альдейгьюборг и взял там много добра, и еще дальше проник он на восток в Гарды, ходил войной, жег города и крепости, а бонды бежали со своим имуществом в леса.

По дальнейшему изложению Fask., Эйрик возвращается в Балтийское море и совершает еще несколько разбойничьих подвигов. Первый из них имел место «в осень ту»; следовательно, Fask. представляет себе ладожский поход как предпринятый летом.² Fask. ссылается здесь на поэму Vandræðsкальда Эйольфа, но не цитирует ее, а в заключение обзора деятельности своего героя в годы скитаний говорит следующее.

В то время воевал Эйрик ярл больше всего в Гардарики, во владениях Вальдамара конунга, когда Олаф, сын Трюггви, был конунгом в Норвегии, и делал он это из мести и ненависти к Олафу конунгу и вражды после гибели Хакона, отца своего.

Небольшой рассказ Fask. о ладожском походе Эйрика, как мы видим, не особенно богат конкретными данными. Термины, которыми обозначены места, подвергшиеся нападению — borg, город, в значении укрепленного города, и kastali, от лат. castellum, отдельное укрепление, крепость, замок — довольно обычны в сагах, независимо от страны, где происходит действие. Бонды (социальный термин, обозначающий в скандинавских языках широкие массы свободного сельского населения), спасающиеся в лесах со своим имуществом, со своею ношей, как буквально выражается Fask., — картина, возможная в рассказе о любом разбойничьем набеге, на любой территории. Ладога и Приладожье — крайний восточный предел походов Эйрика. Но мотивировка набега на Приладожье неправдоподобна; она скорее всего надумана автором Fask., чтобы ввести этот факт в общий ход политических событий и взаимоотношений этого времени. Олаф, сын Трюггви, по сагам, действительно жил в юности на Руси у князя Владимира (конунга Вальдамара), но нет никаких указаний на какое-нибудь дальнейшее участие Владимира в делах этого норвежского княжича, а, следовательно, нет оснований думать, что Эйрик мог видеть в русском князе союзника Олафа и тем самым — своего личного врага. Нападение на Ладогу это просто очередное, направленное на восток предприятие викинга, «морского конунга», каким стал

¹ Содержание этой главы Fask. несколько шире, чем указано в ее заголовке: в нее входит ретроспективный обзор событий в жизни Эйрика, имевших место еще до смерти Олафа, сына Трюггви, т. е. до 1000 г.

² Т. е. после целого ряда походов и битв на Балтийском море и его побережьях о чем говорится непосредственно перед сообщением о ладожском походе Эйрика.

Эйрик после 995 г. В области северно- и восточноевропейских политических отношений конца X в. этот факт скорее можно рассматривать в некоторой связи с русско-шведскими отношениями.

Сведения о тех событиях из жизни Эйрика, которые составляют, так сказать, обрамление его ладожского похода, в Fask. изложены, как мы видим, довольно сбивчиво, с повторениями, может быть, в результате соединения нескольких источников, сообщавших об Эйрике. Эти же события подробнее, а главное — более последовательно и четко, представлены в Нкг. По ее словам, Эйрик, бежавший в 995 г. в Швецию, нашел там поддержку со стороны шведского конунга Олафа и базу для своих разбойничьих морских походов. Побывав в Балтийском море на Готланде и у вендского побережья (Нкг. I, стр. 414—416, сага об Олафе, сыне Трюггви, гл. 89), Эйрик возвращается в Швецию, с чего и начинается в Нкг. рассказ о ладожском походе.

Нкг. I, стр. 416—419, сага об Олафе, сыне Трюггви, гл. 90. Поход Эйрика на восток.

Эйрик ярл поплыл осенью обратно в Швецию (Svíþjóð) и пробыл там зиму. А весной снарядил он свою рать и поплыл на восток. А когда он пришел в землю Вальдамара конунга, стал он грабить и убивать людей и жечь повсюду, где проходил, и опустошил землю ту. Он подошел к Альдейгьюборгу и осаждал его, пока не взял город тот, убил там много народа, а крепость ту всю разрушил и сжег. И после того далеко ходил он с боевым щитом¹ по Гардарики; так говорится в Bándadrápa: «воин пошел после того² опустошать мечом землю Вальдамара; буря меча³ усилилась после того как ты, гроза мужей, разрушил Альдейгью; мы это знаем верно; жестокой была та война между мужами; ты пришел на восток в Гарды». Эйрик ярл пробыл в этом походе всего пять лет,⁴ а когда он ушел из Гардарики, пошел он с боевым щитом по всей Aðalsysla⁵ и Eysysla⁶ и захватил он там у датчан четыре корабля викингов и перебил всех, кто там был. Так говорится в Bándadrápa... Эйрик ярл отправился в Данию, после того как пробыл одну зиму в Швеции (Svíaveldi), к Свейну... конунгу данов... Эйрик ярл проводил зиму в Дании, а иногда в Швеции, а лето — в походе.

В рассказе Нкг. в Ладоге различается обитаемая часть ее, обозначаемая термином staðr, и крепость — borg, судя по сообщению о сожжении ее — деревянная. Как и где было расположено и то и другое, остается, к сожалению, неясным. При раскопках земляного городища в Старой Ладоге никаких следов пожара, которые можно было бы отнести за счет набега 997 г., пока не обнаружено.

В изложении Нкг. четко выделяется связь Эйрика с Швецией, с конунгом Олафом. Возможно, что в ладожском походе Эйрика участвовали и шведские викинги. Шел он в Ладогу, очевидно, тем же морским путем, каким обычно ходили на Русь из средней Швеции: из оз. Меларн по шведским шхерам в Балтийское море, в Финский залив и по Неве — в Ладожское озеро. Спрашивается, насколько можно судить о русско-шведских отношениях того времени на основании тех связей с Швецией, которые сложились у Эйрика? В общем ходе событий в скандинавских странах союз Олафа Шведского с Эйриком имел свои причины, независимые от отношений Олафа с Русью. Но несмотря на это, можно полагать, что Олаф, не будучи в то время в открытой вражде с Владимиром, не имел и ос-

¹ Т. е. ходил войной.

² После того, как разбойничал у Вендского побережья.

³ Война.

⁴ Подразумеваются все перечисленные в Нкг. походы Эйрика за время от 995 до 1000 г.

⁵ Западное побережье Эстонии или, как полагают некоторые ученые, Курляндия.

⁶ Остров Эзель, эстонское Saaremaa.

нований препятствовать нападению своего предприимчивого гостя на Приладожье. Аналогичное положение создалось много лет спустя, по хронологии, устанавливаемой для Нкг. — в 1016 г.: брату Эйрика Свейну пришлось вторично бежать со своей дружиной из Норвегии после поражения, нанесенного ему норвежским конунгом Олафом, сыном Харальда (Олафом Святым, 1015—1030). В Швеции он снова нашел приют у Олафа Шведского и готовность поддержать его против его норвежских врагов, а пока, очевидно, чтобы время не пропадало даром, он отправился летом того же 1016 г. в поход на восток, в Гардарики, где и умер осенью, когда собирался возвращаться. Дружина его вернулась в Швецию. Так говорит Нкг. (т. II, стр. 78—79, сага об Олафе Святом, гл. 54 и 55); знают об этом походе также Fask. (стр. 154) и некоторые другие источники.

На какую же территорию древней Руси был направлен этот новый набег северных викингов? Нкг. говорит неопределенно о «востоке» и «Гардарики»; Fask. сообщает, что начало осени застало Свейна в Карелии (Kirjalaland), откуда он отправился «вверх в Гардарики» (urr í Garðaríki) с боевым щитом. Это — «вверх» (urr) в смысле направления обозначает «вверх по реке» или «в глубь страны от морского берега».¹ В связи с упоминанием о Карелии здесь можно думать о Ладожском озере и впадающих в него реках, прежде всего — о Волхове и, конечно, о расположенной на нем Ладоге. Очень вероятно, таким образом, что и в этом известии перед нами еще одна страничка из истории Ладоги и Приладожья.

Из рассматриваемых здесь сообщений саг можно сделать вывод, что ни Эйрик, ни Свейн не имели намерения и возможности укрепиться на территории, подвергшейся их набегу, и ограничились лишь грабежом и добычей, которая была нужна им для того, чтобы прокормиться с дружиной, пока они были на положении беглецов со своей родины. Их походы были лишь сезонными летними предприятиями викингов; ни о каком сколько-нибудь прочном завоевании тут говорить не приходится. Ни малейшего намека на какие-нибудь скандинавские поселения в крае, подвергшемся набегам Эйрика и Свейна, мы здесь также не находим, а этим лишний раз опровергается гипотеза о скандинавских колониях в Ладоге и Приладожье.

Несколько позднее похода Свейна, по Нкг. — в 1019 г., Ярослав Мудрый отправил послов к Олафу Шведскому и сватался через них к его дочери Ингигерд; Олаф изъявил свое согласие (Нкг, II, стр. 176). Можно думать, что набег 1016 г. был одной из причин, побудивших Ярослава заключить союз с Олафом для предотвращения возможных в дальнейшем агрессивных действий, которые, как и раньше, в 997 г., предпринимались если и не самим Олафом, то покровительствуемыми им его друзьями и гостями; Свейн к тому же был женат на старшей дочери Олафа, Хольмфрид (Нкг. I, стр. 457—458, 1000).

Что касается сведений о ярле Эйрике в исландских сагах, то многие исследователи считают источником их особую, не дошедшую до нас, норвежскую родовую сагу о ярлах из Hlaðir, главным героем которой был именно Эйрик; Fask., по крайней мере, прямо ссылается в одном месте на сагу о нем (стр. 105). К этим норвежским преданиям восходят, очевидно, и сведения о Ладоге, дошедшие до нас в приведенных здесь текстах. Если допустить, что Fask. написана раньше Нкг., в 20-х гг. XIII в., то возникает вопрос о зависимости Нкг. от нее. Вопросу этому недавно была посвящена часть большого текстологического исследования о сагах о норвежских конунгах до Нкг.

¹ Текст, очень близкий к Fask., мы находим в этом рассказе в так называемой легендарной редакции саги об Олафе Святом (гл. 27, стр. 21, изд. 1849 г.), составление которой датируют временем около 1240 г.

включительно.¹ Автор исследования не касается интересующих нас в данном случае известий, но в целом ряде других мест, касающихся Эйрика и Свейна, он считает Нкг. независимой от Fask. Сравнение приведенных здесь отрывков показывает, что фактических расхождений между Fask. и Нкг. нет. Изложение Нкг. более цельно и последовательно; в него введена строфа скальда Эйольфа о Ладоге (Aldeigja), очевидно, известная и составителю Fask., но не цитируемая им; и, наконец (что для нас имеет особый интерес), Нкг. четко выделяет отношения Эйрика и Свейна к Олафу Шведскому, на основании которых можно, как мы уже видели, строить некоторые предположения относительно русско-шведских отношений того времени. Таким образом, если в число общих источников Fask. и Нкг. входила особая сага об Эйрике, то автор Нкг. использовал и обработал ее самостоятельно. Fask., со своей стороны, упоминая о Карелии в своем рассказе о походе Свейна, дает нам возможность полагать, что той частью Гардарики, куда отправился вслед затем Свейн, является именно Приладожье и, вероятно, сама Ладога как важный стратегический пункт и экономический центр в этом крае.

II

Следующее в хронологическом порядке после 997 г. упоминание о Ладоге в сагах мы находим в саге исландского монаха Одда об Олафе, сыне Трюггви. Написанная в конце XII или в начале XIII в. на латинском языке, сага Одда дошла до нас в трех древнесеверных переводах и редакциях; из них от третьего, где и упоминается Aldeigjuborg, сохранился лишь конец (упсальский список середины XIII в., по языку и письму — норвежский). Но говорить о хронологии здесь можно лишь очень условно, так как эта часть саги, касающаяся конца жизни ее героя, — сплошная легенда. Дата смерти Олафа, сына Трюггви, твердо установлена — 1000 г.; к этой дате и приурочен явно вымышленный рассказ, которого мы здесь коснемся. Олаф погиб в бою близ одного из датских островов, но сага Одда на этом не останавливается и излагает целую легенду о спасении Олафа его друзьями и о дальнейшей его жизни: здесь мы находим поездку в Рим, на следующее лето — «в Гарды на восток», т. е. на Русь (по упсальскому списку — с зимовкой в Ладоге), а затем — в Грецию и в Палестину, в Иерусалим, где Олаф уходит в монастырь. Другие две редакции саги Одда об Олафе также знают эту версию о конце жизни Олафа, но поездку именно на Русь и пребывание в Ладоге мы находим только в упсальском списке. Легенду о спасении Олафа знал и Снорри, но высказывается по этому поводу в своей Нкг. весьма сдержанно и осторожно (Нкг. I, стр. 455).

Элемент церковной житийной легенды, характерный вообще для Одда в его повествовании об Олафе, как христианине и христианизаторе Норвегии, выступает здесь совершенно явно. В отношении тематики это — вариант довольно распространенной средневековой легенды о герое, который не умер и не погиб в роковом для него бою, а скрылся или спасся; его с тех пор видели, и он рано или поздно вернется.²

Это «иное сказание» о конце жизни Олафа и его источник у Одда пока еще мало исследованы. Нас интересует в данном случае вопрос о том, почему здесь появляется Ладога? Скорее можно было

¹ B. Adalbjarnarson. Om de norske kongers sagaer, Skrifter utg. av det Norske Videnskaps Akademi i Oslo II, histfil. kl. 1936, № 4, стр. 173—227.

² А. Н. Веселовский. Опыты по истории развития христианской легенды, II и III, Легенда о возвращающемся и скрывающемся императоре, ЖМНП, 1875, май, стр. 48—130. А. Н. Веселовский склоняется в пользу книжно-литературного, а не фольклорного, происхождения этого мотива.

бы ожидать, что сага отправит своего героя в Новгород (Hölmgardr), как в более известный в сагах русский город на пути «из варяг в греки», а «из грек» — в Палестину, куда в конечном счете, и требовалось доставить Олафа. Но сага Одда не знает по имени вообще ни одного русского города, кроме Ладоги, и то в одном только упсальском списке. Трудно сказать, введена ли Ладога в текст саги самим Оддом или тем переводчиком и редактором, которому принадлежит дошедшая до нас в упсальском списке редакция. Правдоподобнее, пожалуй, второе. Тот, кто это сделал, во всяком случае, отдавал себе отчет в значении Ладоги на великом водном пути, который вел на юг. Что это вставлено в рассказ о паломничестве Олафа в Палестину, легко объясняется тем, что скандинавы долго ездили туда через Русь и Византию, днепровско-черноморским путем, добираясь до Днепра по Волхову и Ловати или по Западной Двине. Летняя поездка на Русь с остановкой в Ладоге сильно отзывается историчностью, подлинной обстановкой поездок эпохи викингов. Если упоминание о Ладоге и не восходит здесь к старой легендарной традиции, сложившейся еще до Одда и использованной им, а вставлено при переводе и переработке его труда, вероятно, в течение первых десятилетий XIII в., то сделано это весьма удачно. Для пущего правдоподобия обзор апокрифического существования Олафа после 1000 г. распределен здесь по годам, как это делается в исторических сагах в тех случаях, когда они дают обзор следовавших друг за другом событий. Но это лишь литературный прием; чертой исторической действительности в этом рассказе является упоминание о Ладоге.

III

Приступая к известиям Нкг. о Ладоге при Ярославе Мудром, мы возвращаемся от легенды к истории, к русско-шведским отношениям времени Ярослава. Дело идет о браке его с Ингигерд, дочерью Олафа Шведского. Ингигерд была сначала обручена с Олафом Норвежским (Олафом Святым), но ее отец не ладил с этим своим западным соседом, почему и предпочел принять предложение брака дочери с Ярославом, от которого, как мы уже знаем, в 1019 г. приходили с этой целью послы; на следующий год, весной 1020 г., они явились снова.

1020 г., Нкг. II, стр. 180—182, сага об Олафе Святом, гл. 93.

Олаф поговорил об этом деле с Ингигерд и говорит, что желает ее брака с Ярислейфом-конунгом. Она отвечает: «если выходить мне замуж за Ярислейфа-конунга, то я хочу, — говорит она, — в свадебный дар¹ Альдейгьюборг и то ярлство (jarlsriki), которое к нему относится». И послы гардские (gerzkir) согласились на это от имени конунга своего. Тогда сказала Ингигерд: «если ехать мне на восток в Гардарики, то я хочу выбрать в Швеции (Svíaveldi) мужа, которого считаю самым пригодным для того, чтобы ехать со мной; хочу также поставить условие, чтобы на востоке у него было не менее почетное звание, чем здесь, и нисколько не меньше прав и почета, чем здесь». На это согласился конунг, а также и послы; дал конунг обещание и послы также. Тогда спросил конунг Ингигерд, кто тот муж в его земле, которого она хочет выбрать себе в спутники. Она отвечает: «тот муж — Рогнвальд-ярл, сын Ульфа, родич мой».

Олаф согласился отпустить Рогнвальда с миром, но с условием, что тот не будет показываться ему на глаза, пока он, Олаф, правит Швецией. Крепкая неприязнь его к Рогнвальду объясняется тем, что этот гаутландский ярл² был в большой дружбе с Олафом Норвеж-

¹ Tilgjof — подарок, получаемый невестой от жениха.

² Гаутланд — нын. Вестерйётланд в Швеции.

ским. Снарядив дружину и корабли, Рогнвальд присоединился к Ингигерд в назначенном ею месте для совместного отъезда на Русь.

«Отправились они все вместе летом на восток, в Гардарики. Тогда вышла Ингигерд замуж за Ярислейфа-конунга. Сыновьями их были Вальдамар, Виссивальд, Хольти Смелый. Ингигерд княгиня дала Рогнвальду ярлу Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему принадлежит. Пробыл Рогнвальд ярл там долго и был знаменитым мужем. Сыновьями Рогнвальда ярла и Ингибьорг¹ были Ульф ярл и Эйлиф».

О Рогнвальде в Ладогe говорит и Еум., в которой он действует заодно с княгиней Ингигерд, но роль его в изложенных в этой саге событиях сравнительно незначительна. По окончании борьбы Ярослава с братьями (Бурислафом — Святополком и Вартилафом — Брячиславом Полоцким, оказавшимся в саге также его братом, а не племянником) было между прочим решено, что «Рогнвальд ярл будет держать Альдейгьюборг как держал до сих пор (II, стр. 133, сага об Олафе Святом, гл. 105)». Несколько далее (стр. 134) находим еще некоторые сведения о Рогнвальде: «Рогнвальд сын Ульфа был ярлом в Альдейгьюборге. Они с Ингигерд княгиней были дети сестер.² Он был вождь великий и обязан данью Ярислейфу конунгу и дожил до старости. И когда святой Олаф сын Харальда был в Гардарики, был он у Рогнвальда сына Ульфа, и была между ними величайшая дружба».

Приведенные здесь сведения саг о Ладогe сходятся с нашей летописью в том, что в этом городе с примыкающей к нему территорией нет своего князя, в противоположность Новгороду, Полоцку и другим. После легенды о Рюрике, как о ладожском князе, Ладога уже не появляется на страницах летописи в том обороте городов и волостей, в том распределении их между князьями, которое так хорошо знакомо нам по летописи со всеми его последствиями. Известия саг о Ладогe, как мы видим, очень фрагментарны, очень неполны, но тем не менее несколько освещают ее историю в XI в., хотя бы в отношении места, занимаемого ею в империи Рюриковичей при Ярославе Мудром. Она подчинена новгородскому князю; там сидят его ставленники, по сагам — скандинавы, вожди его наемной дружины; административные функции их охарактеризованы сбором дани. Возможно, что «держали» Ладогу иной раз и русские воеводы, но вполне допустимо, что при Ярославе в его ладожской дружине скандинавский элемент преобладал. То обстоятельство, что Ярослав охотно согласился посадить Рогнвальда в важном окраинном пункте, каким являлась Ладога, и в дальнейшем, судя по сагам, продолжал благоволить к нему, показывает, что, несмотря на брак с дочерью Олафа Шведского, Ярослав в своей скандинавской политике действовал независимо от симпатий и антипатий своего тестя: выдвигая Рогнвальда, он тем самым оказывал почет и покровительство, если не открытому противнику Олафа, то во всяком случае одному из тех, кто — выразимся живописным языком русской летописи — «молвяху во здоровье» Олафу Норвежскому, врагу одноименного шведского конунга.³

¹ Жена Рогнвальда — сестра норвежского конунга Олафа, сына Триугви.

² Т. е. двоюродные брат и сестра, у которых матери — родные сестры между собой; по другим генеалогическим данным Рогнвальд приходился княгине Ингигерд двоюродным дядей.

³ Иначе объясняет русско-шведские отношения 1016—1020 гг. шведский историк Н. S c h ü s k (Svenska folkets historia, т. I, вып. I, 1914, стр. 237—238). Указывая на то, что в 1015 и в 1019 гг. (по «Повести временных лет» — в 1018 г.) Ярослав нанимал варягов для борьбы сначала с Владимиром, а затем со Святополком, Schück полагает, что эту военную силу он получал от Олафа Шведского, на дочери которого женился в 1020 г., и что Свейн, сын Хакона, в 1016 г. был послан Олафом на помощь Ярославу. За это Ярослав уступил Олафу Ладогу. Олаф отправил туда ярла Рогнвальда, сына

Fask. стр. 218.

«У Ярислейфа конунга всегда было много норманнов¹ и шведских мужей. А когда умер Рогнвальд ярл, сын Ульфа, и ту землю взял Эйлиф ярл, у него тоже было много норманнов, и он давал им жалование по договору. Это ярлство давалось для того, чтобы ярл тот защищал землю конунга от язычников. Ярислейф конунг поставил Харальда вторым вождем² над своей дружиной и давал жалование всем его мужам».

В 1029 г. Олаф Святой, после неудач, испытанных им в борьбе с норвежскими областными вождями, восставшими против него, бежал на Русь; в 1030 г. он уже снова вернулся в Норвегию, где и погиб в бою с ними в том же году. Харальд, о котором говорит здесь Fask., — его младший брат, впоследствии конунг Норвегии (1046—1066). После поражения и гибели Олафа Харальд бежал вместе с другими норвежскими дружинниками своего брата на Русь, где нашел, как и сам Олаф незадолго до того, радушный прием у Ярослава Мудрого. По саге об Эймунде, Рогнвальд, сын Ульфа, был еще жив, когда Олаф приехал к Ярославу; умер, он, повидимому, в 1030 г., так как Fask. к этому времени уже говорит о его сыне Эйлифе как о его преемнике. О совместной военной деятельности Эйлифа и Харальда на Руси свидетельствует исландский скальд Тьодольф, сын Арнора, которого цитируют Fask. и Нкг; в одной строфе, приведенной в Нкг. (т. III, стр. 76), он говорит о походе с участием этих двух варягов, от которого худо пришлось Laesum (дат. мн. от им. мн. Laesir), как полагают исследователи — ляхам. Из «Повести временных лет» мы знаем, что в 1031 г. Ярослав и Мстислав совершили удачный поход на Польшу. Тьодольф не был сам на Руси с Харальдом; он стал его дружинным скальдом в 40-х гг. XI в. Поэма, от которой сохранился лишь отрывок об Эйлифе и Харальде, сочинена им, вероятно, в 50-х или 60-х гг. XI в.

В приведенном здесь тексте Fask. самое название «Aldeigjuborg» не упоминается.³ Но дело идет несомненно о Ладоге; «та земля», которую дали Эйлифу сыну Рогнвальда, — территория, тянувшая к этому городу. Тот небольшой отрывок из истории Ладоги в XI в., который дает нам рассматриваемый здесь текст Fask., освещает ее односторонне, только с точки зрения судеб служилых норманнов на Ру-

Ульфа, чтобы этот сторонник Олафа Норвежского был подальше от шведско-норвежской границы, где его присутствие было весьма нежелательно для шведского конунга. Начнем с того, что нанимать в Швеции варягов можно было и без прямого содействия конунга Швеции: далеко не все они состояли в его распоряжении и, так сказать, у него на учете. Далее, саги единогласно говорят о походе Свейна в 1016 г. как о его личном предприятии (что не исключает, конечно, как и в отношении похода его брата Эйрика в 997 г., возможного участия в этом деле также и шведского элемента), и в их изложении оно рисуется в совершенно ином свете, чем представляет себе Schück. Каким образом этот автор вычитал из саг уступку Ладоги Олафу Шведскому, остается непонятным: соответственные тексты, как мы видим, не содержат ни малейших указаний ни на это, ни на водворение Рогнвальда в Ладоге как на совершившееся по воле того же Олафа. Цитируемые мною здесь источники не знают о борьбе Ярослава с Владимиром, о ней говорит только сага об Эймунде. Эта борьба не затрагивала Приладожье; военные силы Ярослава, его внимание и интересы были сосредоточены на иной территории. Тем более благоприятны были условия для нападения на приладожскую окраину Русской земли. Дошедшие до нас сведения обо всех этих событиях действительно требуют какого-то истолкования в связи с тем, что делалось в это же время на Руси, но попытка Schück'a восстановить их смысл и значение представляется неубедительной и противоречит показаниям первоисточников.

¹ Термин «норманны» здесь следует понимать как «норвежцы», а не «скандинавы вообще».

² Первым был Эйлиф, сын Рогнвальда.

³ Несколькo выше (стр. 157—158) Fask. сообщает о том, что Рогнвальд, сын Ульфа, родня княгини Ингигерд, находился в Гардарики, а также о дружбе его с Олафом Норвежским, но о том, что он сидел именно в Ладоге, не говорит.

си.¹ Ладога представляется здесь военным пунктом, где сидят последовательно два шведских дружинных вождя, отец и сын. Организация наемной военной службы находится в руках Эйлифа, очевидно, по поручению Ярослава. На земельные владения, связанные с этой деятельностью, нет никаких указаний. Ладожским воеводам-норманнам доставалась, вероятно, кроме установленного жалования, часть дани, которую они были обязаны давать Ярославу, и, несомненно, военная добыча. Что представляли собою те неопределенные «язычники», от которых должны были оборонять Ладогу скандинавские наемники русского князя? Финские племена Приладожья едва ли были особенно агрессивны; если и случались их нападения на Ладогу, то в общем отношения с ними сводились скорее к набегам на них со стороны русско-варяжской дружины и взятию с них дани. Надо полагать, что у автора Fask. не было вполне ясного представления о том, о чем он говорит. По своей неопределенности это место несколько напоминает те многочисленные походы на язычников и оборону Гардарики от них, которые монах Одд приписывает Олафу, сыну Трюггви, в бытность его на Руси при Владимире. Одд здесь обходится одними общими фразами, доказывающими, что он не имел точных сведений о тех войнах, которые вел Владимир в это время. При всей туманности понятий авторов саг о южной Руси и ее истории, они все-таки что-то знали о происходившей там в X—XI вв. борьбе с печенегами и половцами; возможно, что Fask. переносит представление о ней на север, подобно тому как Еум., наоборот, превращает печенегов, союзников Святополка в его борьбе с Ярославом, в бьярмов, более известных на скандинавском севере. Оборона Ладоги при помощи скандинавских наемников могла понадобиться в случае нападения на нее скандинавских же викингов. В сагах нет указаний на такие события в описываемое здесь время; возможность их, если и была в значительной мере отстранена благодаря дружественным отношениям Ярослава Мудрого с его скандинавскими соседями, то все-таки не исключена вовсе.

V

Значение Ладоги как важного пункта на пути из Новгорода в Балтийское море отражается в рассказах Нкг. и Огкп. о поездке на Русь нескольких норвежских вождей в 1034 г. по следующему поводу. Олаф Святой, уезжая с Руси в 1030 г., оставил на попечении Ярослава и Ингигерд своего малолетнего сына Магнуса. В силу изменившихся политических обстоятельств прежние враги Олафа решили поставить его сына конунгом в Норвегии и с этой целью ездили к Ярославу. Весною 1034 г. они прибыли в Швецию, где сели на корабль и поплыли, по словам Нкг., «летом на восток в Гардарики, пришли осенью в Альдейгьюборг. Отправили они тогда послов вверх² в Хольмгард к Ярислейфу конунгу...» (Нкг., II, стр. 529, сага об Олафе Святом, гл. 251).

Узнав о цели их приезда, Ярослав вызвал их самих к себе в Новгород, предоставив им мир и безопасность (gríð) для их поездки. Договорившись с ними, он отпустил с ними Магнуса, которого они и увезли в 1035 г. «Магнус сын Олафа пустился в путь после иола³ с востока из Хольмгарда вниз в Альдейгьюборг; принялись они снаряжать свои корабли, как только лед вскрылся весной... Магнус конунг

¹ В одном из списков Fask. с этого текста начинается новая глава, носящая заголовок «Здесь говорится о Ярислейфе конунге».

² Т. е. вверх по Волхову.

³ Иол, Jól — языческий зимний праздник, в христианскую эпоху совпадающий с рождеством.

держал путь с востока весной в Швецию (Svíþjóð), з Сигтуну» (Нкг., III, стр. 3—4, сага о Магнусе Добром, гл. I).

Несколько иначе излагает эти события Огкп., вводя в них новое лицо — Рогнвальда, сына оркнейского ярла Бруси. Будучи специально посвящена истории оркнейских ярлов (норвежцев по происхождению), эта сага больше интересуется Рогнвальдом, сыном Бруси, чем Fask. и Нкг. Рогнвальд был сторонником Олафа Святого, ездил с ним на Русь в 1029 г., вернулся в Норвегию в 1030 г., а после поражения и гибели Олафа в том же году вторично попал на Русь уже вместе с братом Олафа, Харальдом. Fask. и Нкг. ничего не говорят о том, что делал там Рогнвальд; по Огкп., он вступил в дружину Ярослава, оставался в ней после того, как Харальд вскоре уехал в Византию и пользовался большим почетом и уважением; летом он участвовал в обороне страны (landvörn), а зиму проводил в Хольмгарде.

Летние походы и зимовка в каком-нибудь центре, являющемся базой, — общая схема деятельности викингов, их обычная программа, независимо от того, действуют ли они по своей инициативе или в качестве военных наемников. Что касается Новгорода (Хольмгарда), как места пребывания Рогнвальда на Руси, то, как мы видим из переведенного ниже отрывка из Огкп., норвежцы, приехавшие в 1034 г. на Русь за Магнусом, встречают Рогнвальда не в Новгороде, а в Ладоге. Вернее всего, что он был связан именно с этой последней, и что в том общем очерке деятельности Рогнвальда на Руси, который дает нам Огкп., сказалась некоторая схематичность: если речь идет о Руси, то для саги, при отсутствии более точных и конкретных сведений, привычнее всего говорить о Хольмгарде, как о наиболее известном в древне-северной литературе русском городе. Какое положение занимал в 1034 г. в Ладоге наш выходец с далеких атлантических островов, занесенный судьбою на Русь — на это определенных указаний нет. Главою ладожской дружины был в это время, как мы уже знаем, сын другого Рогнвальда, Эйлиф (о нем знает и Огкп.); в ее среде Рогнвальд, сын Бруси, был, вероятно, лицом второстепенным по сравнению с Эйлифом. Исландский скальд Арнор, сын Торда, близкий к оркнейским ярлам, говорит в своей поэме, цитируемой в Огкп., о десяти битвах, в которых участвовал Рогнвальд, сын Бруси, в бытность свою на Руси. За это время (с 1030—1031 и до 1035 г.) у Ярослава, по летописи, не было войн с соседями за исключением уже упомянутого выше польского похода 1031 г.; участие в нем Рогнвальда вполне правдоподобно, а «десять битв» являются, очевидно, у Арнора амплификацией того, что он слышал в дружине Рогнвальда о его пребывании у Ярослава; сам Арнор с ним на Руси не был.

Огкп., стр. 37—38.

«Когда они¹... приехали за Магнусом, сыном Олафа, на восток в Гардарики, встретились они с Рогнвальдом в Альдейгьюборге... Присит Эйнар,² чтобы он³ собрался с ними в путь вверх в Хольмгард и поддержал их дело перед Ярислейфом конунгом; и Рогнвальд соглашается на это. Тогда нанимают они себе лошадей в Альдейгьюборг⁴ и едут вверх в Хольмгард и отправляются там к Ярислейфу конунгу».

Переговоры норвежцев с Ярославом при содействии Рогнвальда заканчиваются тем, что русский князь дает свое согласие отпустить с ними Магнуса.

«Пробыли они в Хольмгарде, пока не прошел июль; тогда отпра-

¹ Норвежцы, приехавшие за Магнусом, сыном Олафа.

² Один из норвежских вождей, попавший на Русь уже не впервые: саги указывают на его участие в походе Свейна, сына Хакона, в 1016 г.

³ Т. е. Рогнвальд.

⁴ Дело происходит, очевидно уже после прекращения навигации по Волхову.

вились вниз в Альдейгьюборг и достали себе там корабли. Уехали они с востока, как только лед вскрылся весной; собрался тогда Рогнвальд, сын Бруси, в путь с конунгом». Поехали они сначала в Швецию (Svírþjóð), как говорится в саге о Магнусе конунге, а оттуда в Ямтланд¹ и дальше с востока через Кьоль в Верадаль». ²

VI

С таким же значением, как и в рассказе о Магнусе, сыне Олафа, появляется Ладога и в кратком известии об отъезде из Руси в 1043 г. Харальда Норвежского с женой, дочерью Ярослава Мудрого, Елизаветой, на которой он женился после того, как побывал в Византии и в Сицилии. Проведя зиму у Ярослава, «весной собрался он в путь из Хольмгарда и отправился в Альдейгьюборг; там достал себе корабль и поплыл с востока летом, повернул прежде всего к Швеции (Svírþjóð) и стал держать путь к Сигтуне (Hkr. III, стр. 99, сага о Харальде *harðráði*, гл. 17)».

За теми очень немногими и беглыми штрихами, которыми очерчена Ладога в этих двух последних известиях, можно тем не менее представить себе некоторые черты экономического быта ладожского населения, связанные с оживленным судоходством по Волхову, с сообщением между Ладогой и Новгородом. В Ладоге путники пересаживаются на корабли, предназначенные для морского плавания, снаряжают их, снабжаются всем необходимым. Скальд Арнор упоминает о русских снастях на корабле Магнуса, сына Олафа. Все это, вероятно, изготовлялось на месте ладожскими ремесленниками и запасалось ко времени начала навигации для сбыта скандинавским мореходам. Судя, ходившие по Балтийскому морю и по Волхову между Ладогой и Новгородом, были, очевидно, не однотипны, что предполагает известную дифференциацию ремесленного труда по их снаряжению и ремонту. Возможно, что дальнейшие археологические исследования в Старой Ладоге вскроют какие-нибудь следы местного ремесла, остатки мастерских и т. п. Различные виды труда, связанные с движением по Волхову, известны нам довольно подробно для более позднего времени, когда ганзейские купцы ходили со своими товарами по Волхову через Ладогу (перегрузка товаров, работа местных лоцманов и грузчиков и т. п.); то же самое можно предполагать и для XI в.

На известии об отъезде Харальда в 1043 г. кончаются сведения исторических саг о Ладоге. Она неоднократно появляется на страницах сказочно-романтических саг — литературы, процветавшей на скандинавском Севере в XIII—XIV вв. и дошедшей до нас по большей части в списках еще позднее этого времени. Эти саги представляют себе *Aldeigjuborg* как укрепленный город, центр целой области в Гардарики, лежащий на пути из этой страны в Швецию, на реке, названия которой не приводят. Один раз встречается в них древнейшая форма скандинавского названия Ладоги — *Aldeigja*, известная нам в поэме скальда Эйольфа в X в.; здесь она введена в прозаический текст.

Эти исландские саги составлены значительно позднее тех, с которыми мы познакомились выше, в такой период, когда русско-скандинавские связи были уже далеко не так тесны, как в эпоху викингов (и отчасти еще в XII в.), а если и поддерживались, то приобрели, в силу изменившихся исторических условий, совершенно иной характер. Для составителей исландских саг удобно было переносить всякого рода фантастические приключения в страну, которая уже представлялась им чужой и далекой. Тем не менее, как мы видим из сделанной выше краткой сводки, в которой общие понятия о Ладоге суммиро-

¹ Пограничная с Норвегией область в северной Швеции.

² Обычный путь из северной Швеции в район нынешнего Трондьема.

ваны на основании нескольких саг такого типа, эти общие понятия довольно точны, особенно если учесть, что в подобных сагах следы исторического предания обычно неустойчивы и легко поглощаются вымыслом, занимательной фабулой и т. п.; Новгород (Хольмгард) как русский город оказывается в них значительно более обезличенным и бесцветным.

В скандинавской научно-исследовательской литературе было уже отмечено, что в сагах рассматриваемой здесь группы большое значение имеет шведский элемент, причем это выражается не только в произвольном перенесении действия в Швецию, на восточную окраину скандинавской территории вообще, но и в том, что в этих сагах использованы и переработаны подлинные шведские предания.¹ Не за счет ли этого шведского литературного элемента следует отнести и то обстоятельство, что в изображении сказочных саг Ладога выглядит сравнительно неплохо? Именно в Швеции знакомство с Ладогой не прервалось на эпохе викингов, а продолжалось в течение следующих за нею веков. По нашей летописи, этот русский город неоднократно принимал на себя удары со стороны уже иной по своим целям и по своему характеру шведской агрессии, направленной на территорию Великого Новгорода, и ладожане деятельно участвовали в обороне этой последней. Непрерывность ладожской традиции у шведов, т. е. сохранение сведений о Ладоге и о ее значении как русского города, поддерживалась, конечно, также и благодаря торговле Готланда с Новгородом в ганзейские времена, но в рассматриваемых нами сагах эта сторона не отразилась. Набеги на восток, заканчивающиеся нападением на *Aldeigjuborg* — стилизация под эпоху викингов, являющаяся излюбленным литературным приемом в сагах такого рода, но в данном случае за ним кроется, может быть, то зерно исторической правды, которое обычно очень трудно извлечь из этих текстов.

Фрагментом исторических воспоминаний о жене Ярослава Мудрого, которую хорошо знают исторические исландские саги (в особенности Нкг.), является в сказочных сагах имя дочери альдейгьюборгского конунга Ингигерд, прекрасной и мудрой, как полагается быть сказочной принцессе; но даже и эта шаблонная характеристика является, может быть, отражением исторического образа умной и энергичной княгини Ингигерд. Возможно, что и вариант «Ингибьорг» — не случайный, поскольку это имя носила жена ладожского ставленника Ярослава, Рогнвальда, сына Ульфа, мать его сына и преемника, Эйлифа.

Как бы ни были мало надежны эти саги как исторический источник, в них есть еще одна, не лишенная интереса, подробность, которую можно отнести за счет исторической действительности, а не фантастических вымыслов и комбинаций, столь характерных для этой романтической и приключенческой литературы. Я имею в виду сообщение Ладоги с Бьярмаландом. Где бы ни помещать страну бьярмов — в низовьях Северной Двины или, как полагает теперь большинство исследователей, также и на Кольском полуострове, в маршруте Альдейгьюборг — Бьярмаланд можно видеть отражение подлинного пути, при этом более позднего, чем эпоха викингов, и проложенного не ими, а карелами и новгородцами, из северного Приладожья по Онеге и Северной Двине к Белому морю. Саги более ранние его не знают; для эпохи описываемых нами событий им известен только северный морской путь в Бьярмаланд по Ледовитому океану мимо Норд-капа и по Белому морю.

Что касается самих названий «Ладога» и «*Aldeigja*» (ср. средне-нижне-немецкое *Aldachen*, *Aldagen* в ганзейских актах), то финский филолог J. Mikkola считает их финскими по происхождению и восста-

¹ B. N e r m a n. *Studier öfver Sväriges hedna litteratur*, 1913, стр. 36 сл.

навливают первоначальную их форму как Alodejogi; alode, aloe обозначает то, что находится в низине, отсюда северно-русское (олонецкое) алодь — открытое озеро, обширное водное пространство: jogi, joki — река.¹

Е. А. Рыдзевская

РАСКОПКИ В НОВГОРОДЕ В 1940 ГОДУ

В 1940 г. продолжались археологические работы в новгородском Кремле и на Ярославовом дворище.

Работы на Ярославовом дворище велись с целью разрешения ряда вопросов, связанных с первым русским водопроводом, открытым в 1938 г. А. В. Арциховским около Николо-Дворищенского собора и мной в том же году около церкви Жен-мироносиц.²

На небольшом участке между древними сооружениями — церквами Прокопия и Жен-мироносиц — нами был обнаружен смотровый колодец с входившей и выходившей деревянной трубой. Этот смотровой колодец отличается от открытого в 1938 г. смотрового колодца и труб самотечного водопровода. Время его сооружения — не ранее XV в.³

Кремль по письменным данным представляется более древним пунктом, чем Ярославово дворище. В 989 г. на его территории сооружен первый деревянный собор, сгоревший в 1045 г. В 1044 г. князь Владимир строит здесь новую крепость: «заложи Новгород и сдела его». Этот текст, по всей вероятности, датирует возникновение названия Новый город — Новгород. В 1045—1050 гг. здесь, на новом месте, строится грандиозный каменный Софийский собор, а на месте сгоревшей деревянной Софии в 1167—1173 г. «Садко богатый» строит каменную церковь Бориса и Глеба.

Раскопки 1940 г. в Кремле имели задачей:

1. Отыскать место и найти остатки деревянного Софийского собора.

2. Выяснить, почему деревянный Софийский собор был построен на месте, которое позже оказалось «в каменном городе Детинце», и установить, не был ли этот пункт заселен до постройки Софии.

3. Найти каменный Борисоглебский собор, который «поставил Сотко богатой» на месте сгоревшей дубовой Софии, и исследовать погребение на нем.

Последней темой явилось разрешение вопросов, связанных с топографией Кремля.

Под 1146 г. I Новгородская летопись сообщает о постройке четырех церквей, в том числе «Бориса Глеба в граде». Несомненно, что здесь речь идет о постройке деревянной церкви, вскоре, повидимому, сгоревшей, так как под 1167 г. сообщается о строительстве Садко Сытиничем каменного Борисоглебского собора, освященного в 1173 г. В сообщении I Новгородской летописи под 1262 г. мы находим единственное общее указание на архитектуру и отделку постройки: «горзда бо бяша и лепа». Борисоглебский собор упоминается и в «уставе

¹ I. M i k k o l a. Ladoga — Laatokka, Journ. de La Société finno-oug., т. XXIII, 1906. В качестве дополнительной топонимической справки можно отметить, что местные названия «Ладоба» и «Ладобино» встречаются, начиная с писцовых книг XVI в. и кончая списками населенных мест XIX в., в верхнем Поволжье (б. Тверская и Владимирская губ.), а западнее — в районе Гдова и в БССР.

² А. А. Строков. Отчет о раскопках древнерусского водопровода, Новг. историч. сборн., вып. VI, 1939.

³ А. А. Строков. Раскопки на Ярославовом дворе, Новг. историч. сборн., вып. VIII, 1940.

Ярослава князя о мостех»: «в городня ворота до Пискупли уличи, с Пруской до Бориса Глеба мостити».¹ Помимо письменных сообщений, до нас дошли два изображения собора: одно на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия»² и другое — на омофоре патриарха Никона.³

На Знаменском, на Михайловском и на Флоро-Лаврском изображениях Борисоглебского собора нет. Утверждения В. С. Передольского, что собор показан на Знаменском и Михайловском планах, ошибочны.⁴ На омофоре патриарха Никона Борисоглебский собор изображен одnogлавым, с позакомарным покрытием, помещен он около Борисоглебской башни, ныне не существующей. На Хутынской иконе⁵ Борисоглебский собор, помещенный в южной части Кремля, отличается своей огромной величиной от других зданий, даже от Софии; он определяется по фресковому изображению Бориса и Глеба⁶ на его западной стене. Собор имеет две главы: одна большая, расположенная в центре перекрытия собора, состоящего из кокошников; другая — небольшая главка, находящаяся в юго-западном углу. Может быть, эта главка стояла над башней с ходом на хоры так же, как в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и в соборе Антониева монастыря. На западной стене Борисоглебского собора отмечен большой дверной проем и здесь же изображены пристройки. С южной и северной стороны собора показаны две боковые апсиды с целью наглядности изображения, поскольку восточная стена церкви не видна.

Указанные изображения в известной мере отвечают действительности (например, величина собора), но они относятся к XVII в. и рисуют Борисоглебский собор уже в перестроенном виде, поэтому по ним нельзя судить о его первоначальных формах.

Существенен вопрос о времени разрушения Борисоглебского собора. П. Л. Гусев считал, что постройка была разобрана вскоре после 1611 года.⁷ Макарий делает более осторожный вывод: «после шведского разорения» собор за ветхостью был разобран.⁸ В. С. Передольский, не прибегая ни к каким ссылкам, говорит, что церковь «пала от ветхости в конце XVIII в.».⁹ Л. А. Мацулевич в работе «Храмы детинца»¹⁰ первоначально определял время разрушения собора «не позже первой половины XVIII в.». Во второй статье, специально посвященной этому вопросу, Л. А. Мацулевич, на основе использования дополни-

¹ ПСРЛ XV, 1863, стр. 304. Это с достаточной убедительностью показывает неправдоподобность датировки Устава о мостах первой половиной XI в. (напр. Барсов. Русская историческая география. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Сборник, подготовленный к печати Г. Е. Кочиным).

² П. Л. Гусев. Новгород XVI в. по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия», СПб., 1900. Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, 1860, ч. I, стр. 435.

³ Л. А. Мацулевич. Храмы Детинца на неизданном плане Новгорода, Сб. Новг. общ. люб. древн., вып. III, 1910.

П. Л. Гусев. Новгородский Детинец по изображению на иконе Михайловской церкви, СПб., 1913, стр. 40.

Макарий, Ук. соч., ч. II, стр. 331.

П. И. Соловьев. Новгородский Софийский собор, Зап. Археол. общ., т. IX, 1865.

А. И. Конкордин. Описание новгородского кафедрального Софийского собора, Новгород, 1901.

⁴ В. С. Передольский. Новгородские древности, Новгород, 1898, стр. 144.

⁵ П. Л. Гусев. Новгород XVI века.

⁶ И. И. Срезневский. Сказания о святых Борисе и Глебе, Сильвестровский список XIV века, СПб. 1860.

⁷ П. Л. Гусев. Новгородский Детинец, СПб. 1913, стр. 40.

⁸ Макарий. Ук. соч.

⁹ В. С. Передольский. Ук. соч., стр. 144.

¹⁰ Сб. Новг. общ. люб. древностей, вып. III, Новгород, 1910, стр. 4.

тельных источников, пришел к иному и совершенно правильному выводу, считая временем разрушения собора вторую половину XVII в.¹

Местоположение Борисоглебского собора устанавливается по изображению его на Хутынской иконе и на омофоре Никона, а также по летописным и другим письменным данным. Он стоял в южной части Кремля около Борисоглебской башни, не дошедшей до нашего времени и разрушенной в XIX в. (на планах 1778² и 1816 гг.³ она значится).

Поиски собора неоднократно предпринимались, но они не приводили ни к каким результатам. Считали, что собор находился к юго-востоку от сохранившейся ц. Андрея Стратилата. Примерно на этом же месте были начаты и наши раскопки. Здесь был обнаружен каменный фундамент большого амбара, выстроенного в конце XVII или начале XVIII в.; амбар нанесен на план 1778 г., на котором еще значится и Борисоглебская башня. По найденному амбару мы точно установили и местонахождение башни. При расширении раскопа, на северо-восток от ц. Андрея Стратилата, была обнаружена в первом слое (огородная земля) кладка апсид здания Борисоглебского собора. Место, где стоял собор, представляет собой большой склон, образовавшийся, как это выяснено раскопками, в результате его развала и разборки. Этот склон и отвлекал археологов от поисков собора именно на этом месте. Раскопки охватили площадь к северо-востоку от ц. Андрея Стратилата — около 800 кв. м (секторы I и II), где предполагалось раскрыть собор с примыкающими кладбищами, и более 300 кв. м к юго-востоку от той же церкви (сектор III); таким образом, общая площадь раскопа составила более 1100 кв. м. При разбивке площади мы считали необходимым вскрыть не только собор, но и прилегающие к нему деревянные сооружения; раскопки с самого начала были рассчитаны на дальнейшее расширение этой площади в течение последующих лет.

Собор разрушился во второй половине XVII в., а в конце XVII или в XVIII в. некоторые части фундамента были выбраны для строительных целей и засыпаны. Выборка бута велась прямо по линии стены. Тем не менее, в процессе исследования этих частей стен нам удалось установить места пилястр и их размеры.

Развалины Борисоглебского собора перекрыты глазным образом напластованиями, связанными с разновременными перестройками собора (за исключением III сектора с южной стороны собора, где идут различные деревянные сооружения).

В первом слое, состоящем из огородной земли и навала, как уже сказано, были обнаружены верхние части сохранившихся стен северной и центральной апсид (рис. 29).

Второй слой (от 73—85 см до 100—114 см), состоявший из строительного мусора (крупный плитняк, целый и битый кирпич и штукатурка), образовался в результате разрушения и разборки Борисоглебского собора во второй половине XVII века. Расчисткой установлено, что его южная стена упала плашмя (развал стены охватывал площадь по линии падения до 30 м). Кирпич этого слоя относится к XII и XV в. Первый — от нижних, второй — от верхних частей здания (перестройка архиепископа Евфимия в 1441 г.). На участке, примыкавшем с запада к III сектору, была расчищена часть рухнувшего свода; другие части здания были, повидимому, разобраны.

У северной стены ц. Андрея Стратилата обнаружена кладка нижней части южной стены Борисоглебского собора. Оказалось, что северная стена Андрея Стратилата была поставлена на основании южной

¹ Л. А. М а ц у л е в и ч. О времени разрушения Борисоглебской церкви в новгородском Детинце, Новгородская церковная старина. Труды Новг. церк. археол. общ., вып. I, Новгород, 1914, стр. 188.

² План хранится в архиве УНГМ.

³ М. В. М у р а в ь е в. О современном состоянии новгородского Детинца. Сб. Новг. общ. люб. древн. вып. III, 1910,

стены собора. Стены ц. Андрея Стратилата сложены из кирпича конца XVII или начала XVIII в. Таким образом, церковь Андрея Стратилата, считавшаяся «однодневной» постройкой XIV в., является на деле памятником XVII в. Более ранние упоминания о ней источников, повидимому, относятся к более древней, может быть, деревянной церкви. Около ц. Андрея Стратилата было расчищено несколько погребений XVII—XIX вв. К востоку от центральной апсиды собора лежал навал из больших валунных камней, вероятно связанный с заготовкой материала для перестройки кремлевской стены. В северо-западной части раскопа найдено 8 больших шаров из известкового камня.

Рис. 29. Новгород. Апсиды Борисоглебского собора. Раскопки 1940 г.

Наиболее интересны в описываемом слое находки вкладных каменных крестов и резной капители. Капитель, найденная в западной части собора, сделана из известняка, украшена растительным орнаментом, в средней части с прямоугольным вырезом для скрепляющего стержня; в ее верхней части несколько углубленный желобок. Наличие капители и большого количества каменных крестов, вставлявшихся в стены с внешней стороны, свидетельствуют об украшении собора и подтверждают летописное известие 1262 г., что постройка «горазда бо бяша и лепа».

Строительный материал собора (известняк, кирпич и валунный камень) весь местный. Известняк происходит с побережья Ильменя. Красный известняк («ракушник»), в отличие от светлого, серого и темного, помимо употребления его в кладке, широко использовался как минеральная краска. Залежи валунного камня, крупного и мелкого, расположены в окрестностях Новгорода по ручьям и оврагам. Кирпич, встречающийся в кладке отдельными рядами, служивший лишь для скрепления известковой плиты, сделан из местной гончарной глины, мощные залежи которой находятся под Новгородом.

Третий слой состоял из горелого деревянного пола, лежавшего на кирпичной вымостке. В некоторых местах кирпичная вымостка перемешивалась с битой плитой. В центральной апсиде расчищены обгорелые толстые половые балки и плахи; последние встречены и в других уча-

стках. Горелый слой (до 20 см) прослежен как внутри собора, так и около его внешних стен. Пожар собора, повидимому, относится ко времени шведской интервенции начала XVII в., что подтверждается и вещевым материалом.

На различных глубинах залегания третьего слоя были расчищены надгробные плиты и погребения (северное, восточное и южное кладбища, примыкавшие к собору). В северном кладбище обнаружен каменный прямоугольный саркофаг, составленный из пяти отдельных плит; в массивной нижней плите по бокам выдолблена бороздка для укладки боковых и поперечных стенок. Саркофаг был нарушен, в нем находились три черепа и отдельные кости. Все надгробные плиты южного кладбища и саркофаг, составленный из плит, были разбиты при падении южной стены собора.

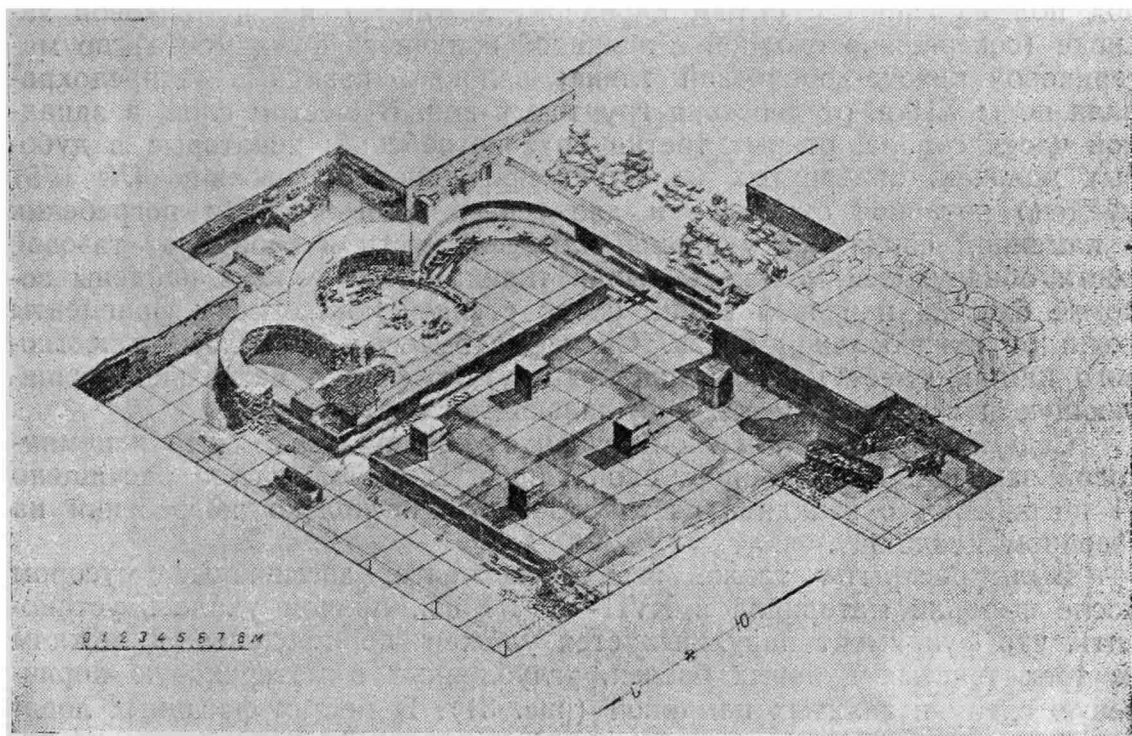

Рис. 30. Новгород. Борисоглебский собор. Раскопки 1940 г. (аксонометрия).

В юго-западном углу собора расчищена кладка, образующая нижнюю часть еще не выясненной небольшой пристройки со следами сгоревшего пола; она может быть связана с входом на хоры (рис. 30). Здесь же расчищены более поздние погребения кладбища Андреевской церкви.

Из находок внутри собора представляет значительный интерес вислая круглая печать XVI в. с надписью: ПЕЧАТ | ИЕЛОЗАР | Я ИЛЕНАР | БХОВИЧ, и на обороте: ТИОУ | НАКН | ЗЯВЕ | ЛИКО | ГО.

Четвертый слой светлокорицевого цвета (до 137—150 см), состоящий из мелкого строительного мусора с включением фрагментов фресок и битой штукатурки, относится к ремонтным работам XV в. В центральной апсиде раскрыты остатки епископского места с примыкающими к нему боковыми сидениями, сделанными из плит и кирпича. В этом же IV слое, в западной части собора, расчищен первый ярус погребений и большое количество погребений в северном и восточном кладбищах; представляют интерес два саркофага, выложенные из кирпича (погребен. № 122, 128).

Из находок отметим печать Новгорода Великого с изображением грифона в профиль, повернутого вправо; длинный хвост со стилизованным завитком на конце поднят вверх, левая передняя лапа с выпу-

ценными когтями поднята; на обороте сильно стершаяся надпись: ПЕЧАТЬ | ВЕЛИКОГО | НОВГОРОДА. Такие же две печати найдены нами в раскопках 1939 г. Сейчас точно установлено, что считавшаяся печатью Новгорода Великого печать с изображением вечевого степеня и посоха была введена в XVI в. Иваном IV.¹ Работа в четвертом слое значительно затруднилась почвенными водами.

Пятый слой состоит из известковой заливки (2—4 см) на подстилке (до 20 см) из песка и гравия, привезенных с берега Волхова для поднятия уровня пола.

Внутри собора, в западной части, обнаружен второй ярус погребений; одно — в саркофаге из составных плит, внутри саркофага деревянный гроб с костяком; здесь же (в кв. И-17) найдена крышка от другого каменного саркофага.

Шестой слой, кирпично-коричневого цвета, представлял подстилку под пол из глины с битым кирпичом, лежащую на цемянковой заливке (совершенно сходной с заливкой валунного фундамента) по материковой красно-коричневой глине; заливка, повидимому, предохраняла полы XII в. от действия грунтовых вод. В шестом слое, в западной части собора, открыт третий ярус погребений; некоторые в дубовых колодах, обвернутых берестой; при одном погребении (№ 155) найдено янтарное ожерелье и две серьги. При женском погребении в каменном саркофаге у правой плечевой кости и справа от тазовой кости обнаружены мелкие обрывки ткани; около головы найдены золотые блески парчевой ткани; около ступней обнаружены фрагменты кожи от погребальной обуви. Саркофаг вытесан из целого известкового камня, имеет прямоугольно-вытянутую форму, несколько расширяющуюся в средней части и суживающуюся по концам.

Седьмой и последний слой связан с уровнем фундамента и цемянковой заливки, под ней шли слои глины. В седьмом слое расчищено 11 погребений в западной части собора и несколько погребений на северном кладбище.

Были раскрыты также рвы фундамента, засыпанные мусором после выборки материала в XVII—XVIII вв., причем удалось установить, что фундамент наружных стен уложен по продольным лежням из трех толстых дубовых бревен, углубленных в материковую коричневую глину и залитых цемянкой (рис. 31). В местах фасадных лопаток выпущены наружу на их толщину в полдерева поперечины из дубовых бревен, в южной апсиде лежни перекрещиваются в соединениях. Укладка лежней под подошву фундамента производилась, повидимому, с целью избежания деформации стен при неравномерной их осадке. Над лежнями на высоту до 1 м велась кладка фундамента из булыжных камней, с проливкой через два ряда цемянкой (от 8 до 10 см), далее шла кладка стен из плиты и кирпича.

Борисоглебский собор сходен с княжескими сооружениями — Георгиевским собором Юрьева монастыря и Никольским собором на Ярославовом дворе, но больше их. Его план представляет собой вытянутый прямоугольник с тремя апсидами; своды и арки поддерживались шестью столбами; боковые фасады членились сильно выступающими лопатками на четыре деления каждый. Весьма симптоматичен самый факт постройки подобного храма Садко Сытиничем на территории Кремля.

Из отдельных вещей, найденных в различных слоях, представляют интерес кусочки парчевой и шелковой ткани; фрагменты кожи и кожаной обуви; кольца, перстни, серьги и нашивные бляшки, сделанные из различного металла; янтарные бусы сердцевидной формы и в форме плоских квадратиков; стеклянные браслеты и бусы; нагруд-

¹ Н. Г. Порфиридов. Очерки памятников новгородской сфрагистики, Новг. ист. сборн., № 8. 1940.

ные крестики и образки; бронзовые бубенчатые пуговицы, пряжки, гребни; орнаментированные медные, бронзовые и железные пластинки; железные цепи, проволока, гвозди; большое количество фрагментов глиняной посуды; остатки рыбьей кости, зерна ржи, обычно находящиеся под деревянными гробами; железные ножи; каменные и шиферные пряслица. Особо интересна вислая круглая свинцовая

Рис. 31. Новгород. Борисоглебский собор. Дубовые лежни, заложённые под фундамент южной стены собора.

печать (кв. Ж-4, гл. 1.59 м) с изображением на лицевой стороне богородицы типа «знаменья» с поднятыми руками; на груди — младенец в крещатом нимбе; на обороте — восьмиконечный крест на прямоугольном постаменте.

В слое XV в. внутри собора найден осколок тонкого матового, чуть пожелтевшего стекла, один край округлый со слегка выпуклым рубчиком. Форма стекла дает основание считать его остатком оконного стекла, которым остеклялись рамы, аналогичные сохранившимся деревянным оконницам собора Антония Римлянина.

Из многочисленных погребений в западной части собора и на кладбищах, примыкавших к собору, остановимся лишь на пяти по-

гребениях в соборе, четыре из которых имели богато украшенные головные повязки-диадемы. Под полом XII века вскрыто двенадцать погребений, из них пять (в том числе два погребения с диадемами) лежали на южной продольной линии внутреннего ленточного фундамента, кладка которого была несколько нарушена при их захоронении.

Погребение № 282. В гробнице, составленной из плит, находилась долбленая дубовая колода (дл. — 1.85 м, шир. — 0.42 и 0.40 м) с крышкой, покрытой берестой. Костяк (дл. 1.55 м) лежал на спине, головой на запад. Руки согнуты в локтях, правая — на середине груди кистью к подбородку, левая — на середине таза. Под раздавленным черепом положен обломок плиты.

На обломках черепа и вокруг него было найдено много мелких серебряных, позолоченных, нашивных, штампованных бляшек разной формы и камней; 2 круглых прорезных бляшки с внутренними перегородками в виде завитков, диам. 4 см; 3 овальных бляшки с овальным же отверстием в середине для вставки камней, размером 1.5×1 см; 8 цельных круглых бляшек с круглыми отверстиями в середине для камней и 4 обломка; одна бляшка имеет в середине камень; диам. бляшек 1.4 см; одна овальная гладкая бляшка разм. 1×1.5 см; 7 круглых гладких бляшек диам. 1 см; 17 бляшек квадратной формы, из них 3 фрагмента, размер бляшек 0.8 см; 2 бляшки в форме полумесяца размером 1.1×0.4 см; 34 бляшки полусферической формы размером 0.5 см; 4 фигурных прорезных бляшки в форме двух треугольников, соединенных вершинами, из них одна половинка, размер 1.8×1.2 см; 16 обломков бляшек разной формы; 11 камней прозрачных, овальной формы, выпуклых, размером от 0.9×0.6 см до 1×0.8 см; 12 камней прозрачных овальной формы, плоских, из них 5 камней имеют следы розовой эмали, размер 0.9×0.8 см; один камень прозрачный, выпуклый, соединен из двух с прокладкой розовой эмали, размер 0.9×0.8 см; 10 камней овальной формы, потемневших, размер 0.8×0.9 см до 1.3×1 см; 2 фрагмента пастовой бусины белого цвета.

При расчистке погребения № 285 на черепе и около него найдены серебряные позолоченные бляшки: 4 круглых, сквозных, филигранных бляшки с узким ободком, снизу подложен тонкий серебряный позолоченный листок, орнамент в виде растительных разводов, диам. 1.3 см; 4 бляшки миндалевидной формы с миндалевидным отверстием в середине, из них 2 фрагмента размером от 1.8×1 см до 1.6×0.7 см; 15 бляшек квадратных, из них 4 обломка размером 0.8×0.8 см; 2 квадратные бляшки с круглым отверстием в середине размером 0.5 см; 3 фрагмента круглой прорезной бляшки с внутренними перегородками в виде завитков; 15 фрагментов фигурных прямоугольных прорезных бляшек; 31 обломок неопределенных бляшек; 3 камня круглых, прозрачных, выпуклых, из них 2 камня соединены между собой прокладкой розовой эмали, диам. 0.8 и 0.9 см, 15 камней и стеклышек миндалевидной формы розоватого, синего, зеленого и темного цвета, из них один обломок размером от 1.8×0.8 см до 0.7×0.4 см; 2 камня темного цвета овальной формы. Очисткой черепа из погребения № 285 выяснено, что на черепе имеются темные отпечатки в тех местах, где к ткани были прикреплены бляшки. На лбу выше надбровных дуг идет черная полоса, повидимому, образовавшаяся от миндалевидных бляшек, нашитых в ряд, на повязке; выше на середине лба была круглая большая бляшка, прорезная, от которой найден отдельный обломок, по бокам ее отчетливо видны места двух круглых филигранных бляшек; вторая найденная пара этих бляшек должна была лежать по бокам первой. На боковых сторонах черепа украшение заканчивалось большими прямоугольными прорезными бляшками, след левой из которых виден ясно. По-

добные же наборы от диадем найдены в погребениях №№ 286 и 275. Все бляшки от четырех диадем имели специальные отверстия для нашивки на материю.

Украшения диадем представляют значительный интерес и в дальнейшем будут нами тщательно изучены с привлечением дополнительного материала, после чего, в окончательной публикации, о них можно будет высказаться более определенно. Пока мы даем предварительный опыт реконструкции диадемы (рис. 32). Она сделана на основе топографии находок, в частности, на основе отмеченных выше темных отпечатков бляшек на черепе и с использованием изображений диадем в фресковой живописи XII в.

Весьма вероятно, что погребения, обнаруженные под полами XII в., в том числе и погребения с диадемами, принадлежат семье строителя храма Садко Сытинича. Для разрешения этого вопроса должны много дать материалы антропологического исследования.

А. А. Строков

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В НОВГОРОДСКИХ ПЯТИНАХ

В 1938 г. мною была начата работа по изучению сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода.

Обоснование необходимости и возможности проведения такой работы и основные выводы по результатам археологических разведок 1938 и 1939 гг. мною опубликованы,¹ поэтому я на этих вопросах остановлюсь очень кратко, уделив главное внимание результатам археологических работ 1940 г. с привлечением данных письменных источников.

В настоящее время широко развернулись работы по археологическому изучению феодального города, облик которого все более и более вырисовывается перед нами. Но как выглядела крестьянская

¹ Труды Гос. Исторического Музея, вып. XI, 1940. Краткие сообщения ИИМК, вып. V.

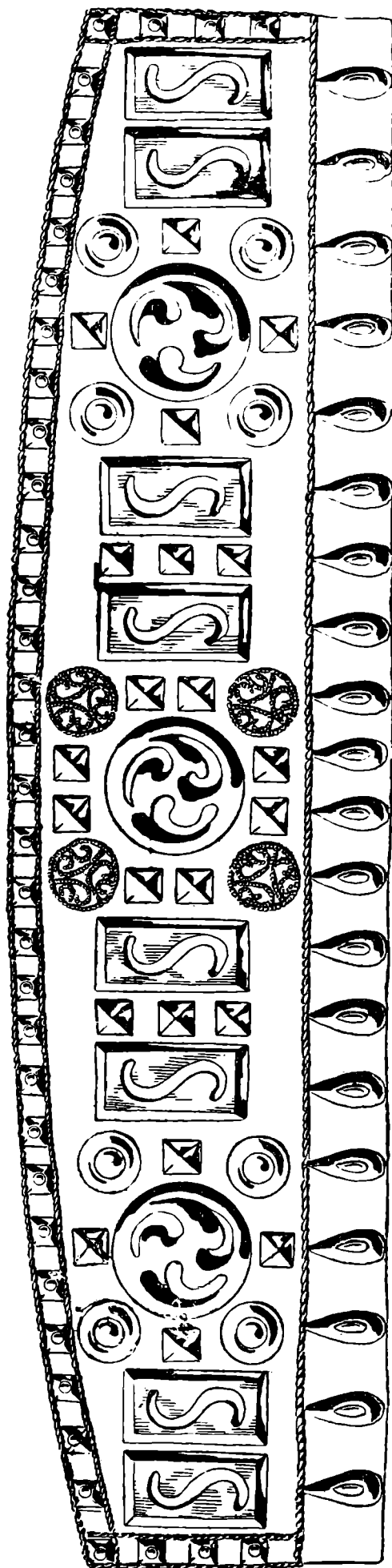

Рис. 32. Новгород. Реконструкция диадемы из погребения в Борисоглебском соборе.

деревня или владельческое поселение XII—XV вв.? Был ли на Руси феодальный замок (укрепленная боярская усадьба)? На этот вопрос историческая наука пока не дает ответа. В письменных источниках до XV в. по этому вопросу нет сведений, а для XV в. они недостаточны.

Единственную возможность восстановить картину прошлого дают археологические исследования сельских поселений — городищ и селищ.

Особенно интересным представляется изучение поселений самих феодалов — боярских и монастырских усадеб или «больших дворов» (по терминологии новгородских писцовых книг), являвшихся центрами феодальных вотчин. Изучение топографии этих поселений, планировки усадеб, жилищ, укреплений, сельскохозяйственного и ремесленного производства и быта является ближайшей и непосредственной задачей археологического исследования.

Территория бывших новгородских пятин для начала изучения этих памятников представляется наиболее удобной. Данные новгородских писцовых книг в сочетании с археологическим материалом дают исследователю прекрасные возможности для изучения сельских феодальных поселений. Накопленный таким образом материал может явиться отправным для изучения сельских поселений и в других областях феодальной Руси. Изучение материала новгородских писцовых книг позволило сделать интересные наблюдения относительно географического размещения феодальных усадеб.

Наиболее полные сведения для XV в. имеются по трем пятинам: Деревской, Вотской и Шелонской. По Бежецкой и Обонежской пятинам от этого времени сохранились лишь отрывочные сведения, поэтому имеющиеся данные по этим пятинам не являются показательными.¹

В XV в. в новгородских пятинах известны две группы владельческих поселений: новгородских владельцев-бояр, а также монастырей и московских помещиков.

Несмотря на сравнительно короткий срок московского господства в новгородских землях, облик владельческих поселений в массе своей заметно изменился. Так, например, в Деревской пятине более двух третей владельческих дворов новгородцев находилось в крупных по своим размерам поселениях, в то время как владельческие дворы московских помещиков в подавляющем большинстве состояли только из одного владельческого двора.

Сельские поселения в пятинах Великого Новгорода имели различные названия: село, сельцо, деревня, погост, городище. Эти названия появились в результате сложного исторического процесса. В XV в. под каждым из этих названий скрывались далеко не однородные по своему характеру поселения.

Владельческие поселения распределялись по трем пятинам — Деревской, Вотской и Шелонской — следующим образом:

Пятины	Сел	Селищ	Деревень	Погостов	Городищ	Всего
Деревская	6	83	139	10	2	240
Вотская	33	94	82	2	—	211
Шелонская	1	11	62	10	—	84

Владельческие поселения, как правило, располагались по берегам рек и озер — удобных путей сообщения для того времени, поэтому

¹ Чтобы восполнить этот пробел хотя бы частично, был использован, — правда, с большой осторожностью, — материал писцовых книг XVI в.

число их по отдельным погостам было различно. Так, в Вотской пятине, в Каргальском погосте, расположенном по берегу Финского залива и р. Луге, где находились богатые рыболовные угодья и добывалась руда, насчитывалось 17 владельческих поселений, в то время как в погосте Егорьевском-Лусском было 2 владельческих поселения, в Дмитровском-Гдитцком — 2 и т. д.

Владельческие поселения Шелонской пятины отличались своими размерами. В дер. Озерцы на р. Плюсе, принадлежавшей боярину Луке Федоровичу, были 2 боярских двора, церковь, 4 двора церковнослужителей и 6 дворов «людских».¹ На погосте Илеменском, принадлежавшем Воскресенскому монастырю, был двор монастырский, церковь, 4 двора церковнослужителей, 3 двора пашенных крестьян и 6 дворов непашенных крестьян.²

В 1938—1940 гг. мною было обследовано в пределах бывш. Деревской пятины 5 городищ: Березовецкое, Молвотицкое, Стерженское, Бельковское и Городецкое, и 5 селищ: Березовецкое, Стерженское, Заручьевское, Гусевское и Рудневское и одно селище — Ракома в пределах Шелонской пятины.

Степень ознакомления с каждым из этих памятников различна. На городищах Березовецком и Стерженском были произведены раскопки. Большинство найденных памятников вполне совпадает с местами поселений, перечисленных в новгородских писцовых книгах. Три селища: Гусево (находится в 2—2½ км от городища Молвотицы), Заручьевское (у дер. Заручьевка на восточном берегу оз. Стерж) и Рудневское (берег р. Каменки — притока Полы) лишь обследованы. Прослежен культурный слой, собран подъемный материал — славянская керамика, сделанная на ручном гончарном круге.

Селище Березовецкое (около городища Березовец), Стерженское (в 2 км от городища Стерж) и Ракомское (в 7 км от Новгорода на Волхове) были обследованы путем шурфовки. Культурный слой Березовецкого и Стерженского селищ дал керамику XV—XVI вв.

Особенный интерес представляет Ракомское селище. Село Ракома известно по летописи с XI в. как резиденция новгородского князя Ярослава. Культурный слой этого селища, достигающий 1 м, дал лепную славянскую керамику курганного типа и более позднюю, до XVI в. Кроме того, обнаружены остатки какого-то очага, определить который не представилось пока возможным из-за малого размера шурфа (1 × 1 м).

Наиболее интересные результаты дало обследование городищ. Бельковское и Городецкое городища расположены на восточном берегу оз. Стерж, на расстоянии 3 км одно от другого; первое у дер. Бельки, второе у дер. Городец. Оба городища находились в пределах волости Стерж, принадлежавшей в XV в. новгородскому Аркажскому монастырю.

Бельковское городище сильно разрушено. Наиболее хорошо сохранилась его северо-западная часть, обращенная к оз. Стерж. Здесь склоны его круты и высоки, достигая 5 м. Культурный слой городища (20—40 см) дал славянскую керамику, сделанную на ручном гончарном круге.

Городецкое городище расположено на холмистом восточном берегу оз. Стерж, у дер. Городец. Северо-западные и западные склоны городища, обращенные к оз. Стерж, прекрасно сохранились. Они очень круты и высоки, достигая 9 м. В других частях склоны ниже, вследствие распашки. В плане городище имеет яйцевидную форму и по своим размерам невелико (18 × 37 м). Заложенный на площадке городища шурф (разм. 1 × 1 м) обнаружил культурный слой

¹ НПК, т. IV, стр. 102.

² НПК, т. V, стр. 163.

в 25—40 см, давший славянскую лепную и сделанную на гончарном круге, но грубую керамику.

Незначительные размеры городища, а также упоминания о нем в писцовой книге 1495 г. дают основание предполагать, что здесь когда-то был владельческий двор мелкого собственника, потерявшего затем свою самостоятельность и на правах рядового крестьянского поселения вошедший в состав новгородского Аркажского монастыря. В этом отношении памятник представляет особенный интерес для исследования.

Городище Молвотицы (Ленинградская область), расположенное на берегу речки Шеберихи, притоке Полы, принадлежало новгородскому владыке. Оно представляет высокий холм с очень крутыми склонами (12.5 м) и горизонтальной площадкой. В плане городище имеет форму неправильного треугольника. Культурный слой городища (прослеженный по обрыву склона) залегает в три горизонта на глубину более 1 м. Он дал керамику XI—XVI вв.

Городище Березовец являлось феодальной усадьбой новгородской посадницы Марфы Борецкой. Оно расположено на восточном берегу Березовского залива оз. Селигер, представляет собой высокий холм с крутыми скатами высотой до 9—14 м и горизонтальной площадкой. В плане городище имеет яйцевидную форму. Раскопки на площадке у восточного склона (вся площадка занята кладбищем), по которому проходит въезд, показали, что по краю площадки городища проходил вал, сооруженный из крупных валунов, глины и песка, креплёных деревом. Изучение конструкции вала и находки в культурном слое (бронзовый браслет XIV в. и др.), на котором этот вал покоился, доказывают, что вал был сооружен в новгородское время. Владельческий двор Борецкой возник здесь на месте более раннего поселения, о чем говорят находки славянской лепной и курганного типа керамики.

Стерженское городище (местное название — «Городок») расположено на северном берегу оз. Стерж при впадении в него Волги. В писцовой книге 1495 г. Городок не упоминается. Видимо, он прекратил свое существование как поселение до 80-х годов XV в., т. е. до составления первой описи новгородских владений. Городок находится на небольшом холмистом мысу, соединяясь небольшим перешейком с материковым холмом, по которому проходит въезд на городище. Городок представляет собой высокий холм с крутыми склонами-скатами в 6.5—7.5 м высотой и горизонтальной площадкой размером в 1790 кв. м. В плане Городок имеет яйцевидную форму.

На площадке Городка, близ въезда, был заложен раскоп первоначально в 40 кв. м, расширенный впоследствии до 148 кв. м. Культурный слой начинается с современной поверхности Городка. В пахотной земле черного цвета встречается много фрагментов керамики, костей животных и углей. Глубина залегания культурного слоя колеблется от 1 до 0.2 м. В северной части раскопа культурный слой расщепляется на три горизонта, вследствие двухкратной подсыпки земли для укрепления склонов и расширения площадки Городка. Во всех горизонтах культурного слоя найдена дославянская керамика вместе со славянской, лепной, сделанной на ручном гончарном круге, свидетельствующая о том, что подсыпка была сделана в новгородское время.

По краю площадки Городка раскопками обнаружен вал (стена), сложенный из крупных и более мелких валунов и глины. Все это креплено вдоль лежащим деревом, направление которого хорошо прослеживается. Ширина вала на вскрытой вершине от 1 до 1.5 м, у подножья — 2—2.5 м; высота с наружной стороны — 1.5—2 м. Вал покоится на культурном слое, в котором одновременно с лепной

керамикой встречается много керамики XIII—XV вв., что свидетельствует о сооружении вала в новгородское время.

Кроме вала, раскопками вскрыты шесть ям; в четырех из них оказались остатки разрушенных очагов. Очаги расположены очень близко один к другому на расстоянии 0.5—1 м; около них нет следов остатков жилищ. Это дает основание говорить о том, что здесь мы имеем дело с очагами производственного характера.

Форма очажных ям различна. Яма № 1 состоит из двух смежных частей: круглой ямы (диам. 1.25 м), в которой находился разрушенный очаг, и продолговатой ямы, служившей подходом к очагу. Здесь хорошо сохранились две каменные ступеньки. В круглой яме при расчистке камней со следами обжига найдены куски обугленного дерева, глиняной обмазки, металлического шлака и много углей, бронзовый витой браслет XII в., шиферное пряслице, медный бубенчик, два височных перстнеобразных кольца и другие предметы.

Яма № 2 (на расстоянии 0.5 м от ямы № 1) сохранила остатки очага круглой формы. При расчистке найдены перстень бронзовый, железный нож, бронзовая проволока и керамика, сделанная преимущественно на ручном гончарном круге.

Особенный интерес представляет яма № 6. Здесь оказались остатки разрушенного кузнечного горна. К круглой, но сильно деформированной яме, диаметром около 2 м, примыкает узкое длинное углубление. Возможно, что оно было устроено для подведения мехов к горну. При расчистке горна оказалось, что часть одной из его стенок сохранилась. Она была выложена камнем и покрыта толстым слоем обожженной глины. Середина ямы была заполнена камнями, кусками обугленного дерева, глиняной обмазки и шлака. При расчистке найдены 11 целых криц, не считая мелких обломков; керамика, сделанная на ручном гончарном круге; перстень бронзовый, аналогичный найденному в очаге № 2; железные ножи; обрубленные пластинки железа со следами проковки и другие предметы.

Наличие нескольких очагов производственного характера у городищенского вала, близ въезда, вполне объяснимо. В новгородских писцовых книгах имеются указания на то, что вокруг крупновладельческих дворов размещались дворы ремесленников: кузнецов, сапожников, гончаров, плотников и др.

Найденный при раскопках материал хорошо распределяется по времени и характеру. Имеются вещи, относящиеся к дославянской эпохе: нож железный серповидный, датируемый концом первого тысячелетия до н. э.; игла костяная, острие костяное и др. Вместе с тем найдена сетчатая керамика. Все это свидетельствует о том, что на месте стерженского городка поселение существовало с древнейших времен.

Из вещей славянской культуры найдены предметы украшений: браслеты, перстни, лунница, височные кольца, бубенчик, пряжка. Один из браслетов, витой из пластинки, датируется, по аналогии с браслетом петербургских курганов, не ранее XIV в. Кроме того, найдены орудия труда: топор древосечный, долото, стамеска, кресало, тесло; оружие: топор боевой, наконечник копья (железный), наконечник стрелы; предметы домашнего обихода и др. Особенно интересна коллекция славянской керамики (лепной и сделанной на ручном гончарном круге), дающая возможность проследить развитие форм сосудов и точнее датировать памятники.

Археологический материал показывает, что стерженский Городок прекратил свое существование как поселение в конце XIV или в первой половине XV в., что совпадает и с данными письменных источников.

Археологическое изучение поселений феодальной деревни только что начато. Полученный материал еще не дает основания для разре-

шения многих поставленных вопросов, но и теперь уже можно сказать, что феодальные усадьбы в некоторых случаях были хорошо укреплены и по своему существу вряд ли отличались от западноевропейских феодальных замков.

Работа по изучению сельских феодальных поселений должна быть продолжена со всей настойчивостью.

С. А. Тараканова

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ БОГОЛЮБОВСКОГО ДВОРЦА

I

Изучение владими́ро-суздальского зодчества, развернувшееся за последние годы, имеет не только узкий историко-архитектурный интерес, но связано с значительно более широкими и сложными историко-культурными вопросами жизни домонгольской Руси в целом и северо-востока в особенности. Самый подъем политического могущества Владимиро-Суздальской Руси во второй половине XII в., идущий под знаком борьбы с феодальным дроблением, заканчивающийся разгромом Киева в 1169 г. и фактическим превращением Владимира в политический центр древней Руси — явление чрезвычайно знаменательное и глубоко прогрессивное, находящее себе параллель лишь на противоположном конце русской земли — в Галицкой державе Осмомысла и Даниила. Именно с этим процессом, сопряженным с острой политической борьбой, связан быстрый расцвет весьма своеобразного зодчества северо-восточной Руси и Галича. На фоне прочной киево-византийской художественной и технической традиции, характерной для областных архитектурных школ XII в., именно в этих передовых феодальных областях получает развитие белокаменное строительство, включающее в репертуар своих форм ярко выраженные романские декоративные приемы. Складывается впечатление, что именно прогрессивность общественного развития Галича и Владимира вызвала отход от привычных киево-византийских художественных норм и обращение к искусству Западной Европы, черты которого, в сочетании с доминирующими русскими тенденциями, создают в итоге своеобразие архитектуры Галича и Владимира, которое позволило охарактеризовать ее как «русский вариант романского стиля».¹ Не менее значительна та роль, которую сыграло владимирское художественное наследие в формировании искусства Москвы и Твери, двух соперничавших центров объединявшейся Руси XIII—XV вв., а затем и в сложении русского национального зодчества XV—XVI вв.² Таким образом, вопросы истории владими́ро-суздальской архитектуры неразрывно связываются с историей тех объединительных тенденций, которые родились еще в XII—XIII вв. и вновь ожили в борьбе с монгольским владычеством.

Кульминационным пунктом развития владими́ро-суздальского зодчества является строительство Андрея Боголюбского, создающее в обстановке напряженной политической борьбы такие мировые шедевры искусства, как ц. Покрова на Нерли и Успенский собор во Владимире.

В составе памятников андреевского строительства 1158—1165 гг. особый интерес представляет комплекс дворцовых построек в Боголюбове, от которого сохранились лишь известные «полаты Боголюбского» — лестничная башня с переходом на хоры дворцового собора, разрушенного и перестроенного в середине XVIII в. Однако после А. А. Потапова, попытавшегося представить реконструкцию дворцово-

¹ D. Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit, Berlin, 1932.

² Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское наследие в русском зодчестве, Архитектура СССР, 1940, № 2.

го комплекса,¹ этот вопрос не поднимался снова ни разу; неясным представлялся и характер укреплений Боголюбова.

Постройка этого княжеского города при выходе Нерльской магистрали в Клязьму, существенно затрагивавшая интересы старо-боярских центров — Ростова и в особенности Суздаля, была важным мероприятием княжеской политики. Характерно умолчание местного летописания об этом событии; не случайно и то, что в цикле «чудес» иконы Владимирской богородицы важное место занимает сюжет с остановкой коней на нерльском устье: основание города получало санкцию свыше.² Все это едва ли может содействовать представлению о Боголюбове как «пригородной даче» князя, как думали некоторые исследователи. Напротив, текст Ипатьевской летописи подчеркивает, что князь построил «собе город камен»,³ т. е. новый укрепленный княжеский город-замок, сопоставляемый летописцем с киевским Вышгородом.

Раскопки в Боголюбове, начатые по плану Кабинета истории архитектуры ВАХ и продолженные затем по плану ИИМК (1934—1939 гг.), хотя и были ограничены по своей площади, однако дали результаты исключительного интереса.⁴ В 1934—1935 гг. были раскрыты белокаменные фундаменты южной замковой башни и начато исследование собора, обнаружившее полную сохранность в его основании стен собора XII в.⁵ Последующими работами 1937—1938 гг. были открыты фундаменты северного крыла переходов, связывавших лестничную башню с дворцом, подвергнута раскопке треть внутренней площади собора, открыт восьмиколонный киворий на дворцовой площади. Наконец, в 1939 г. установлен факт соединения южным крылом переходов собора с замковой южной башней.⁶ Самый дворец был уничтожен построенным на его месте в начале XIX в. зданием келий, однако отдельные фрагменты постройки, найденные при разведках, убеждают, что и он был каменным. Таким образом, раскопки 1934—1939 гг. принесли совершенно новые факты, позволяющие на их основе поставить вопрос о реконструкции первоначального облика Боголюбовского замка и дворца в том виде, как он вышел из рук построивших его зодчих.

Замковые укрепления состояли, как теперь ясно, из каменных и земляных оборонительных сооружений. Белокаменные башни, повидимому, располагались на южной линии замка над обрывом к Клязьме, где найдены остатки одной из них, находившейся в непосредственном соседстве и связи с дворцовым комплексом. С других сторон шли земляные валы, образовавшие довольно правильный четырехугольник замковой территории; где-то на их линии находились каменные ворота,⁷ вероятно в какой-то мере близкие владимирским Золотым.

Внутри замковых стен и располагался дворец, слагающийся из ряда частей, объединенных в весьма своеобразном ансамбле.

II

Центральным звеном комплекса был дворцовый собор; он полностью сохранил, как показали раскопки, древний план и части стен.

¹ А. А. П о т а п о в. Очерки др.-рус. гражд. архитектуры, Древности, Тр. МАО, XIX, табл. V.

² Сказание о чудесах Владимирской иконы божьей матери, с предисл. В. О. Ключевского, изд. ОЛДП. СПб., 1878.

³ Ипат. лет., 1175 г.

⁴ Кратко излагая здесь фактическую сторону раскопок, поскольку сведения о них уже сообщены нами в печати, мы останавливаемся в данной статье преимущественно на вопросах, связанных с реконструкцией дворцового комплекса.

⁵ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 96—100. Следы южной башни были обнаружены в 1925 г. Г. Ф. Корзухиной.

⁶ Н. Н. В о р о н и н. Замок Андрея Боголюбского, Архитектура СССР, 1939, № 11.

⁷ А. В и н о г р а д о в. История Успенского собора во Владимире, В., 2 изд. Прил., стр. 71 (Летописец владимирского Успенского собора).

Часть северной стены, удержанная при падении храма примыкавшим к нему переходом, сохранилась на большую высоту; здесь уцелел фрагмент колончатого пояса и дверь на хоры, отчетливо определяющие уровень последних, а также и уровень горизонтального членения фасадов храма. В определении высотных масштабов собора, при наличии указанных сохранившихся частей, помогают цифровые данные, сообщаемые в летописи монастыря, составленной игуменом Аристархом,¹ и пропорции других храмов, построенных Боголюбским. В обработке фасадов отметим своеобразие пилястр с боковыми полуколонками, завершаемыми на уровне аркатуры капителями; оковку золоченой медью косяков западного портала, выходившего на дворцовую площадь. Судя по составу резных камней (женские и львиные маски, листовенные капители) и указанию Аристарха на «точное подобие» Боголюбовского собора церкви Покрова на Нерли, система размещения рельефов собора повторяла схему декорации Покрова на Нерли. Невыясненным остается вопрос о «притворе» собора, упоминаемом летописью,² который, повидимому, примыкал к западному фасаду и был открытым с тремя арками на столбах.

Гораздо сложнее вопросы, связанные с внутренним пространством храма (рис. 33). Наличие мощных круглых колонн, увенчанных, по словам Аристарха, «изрядными карнизами и коронами», при подтянутости хор и обычной системе поддерживающих своды арок, ставило совершенно не имеющий прецедентов вопрос о способах сочетания колонны с крестовиной пят арок и характере капители. Так как восточная пара колонн поднималась, не прерываясь никакой горизонталью, до сводов храма, где и завершалась капителями, было совершенно очевидным, что и западная пара колонн должна была сохранять целостность ствола при прохождении через хоры и также завершаться капителями. Для последних были приняты формы и пропорции обычных в андреевском строительстве листовенных капителей, причем поражает и может вызывать сомнение лишь их масштаб, продиктованный диаметром колонны. Опора арок хор на колонну могла быть осуществлена двумя путями: введением плиты или кольцевого четвертного вала, которые доводили бы сечение опоры до необходимого размера, определяемого сечением арок в уровне пят. Выше тело колонны выступает из поверхности торцовых частей сводов хор, обеспечивая впечатление цельности ствола, необходимое для связи с восточной парой колонн.

Описанное решение внутреннего пространства храма характеризуется определенным снижением его дифференцированности: колонны, при подтянутости хор, сообщали помещению для молящихся в известной мере характер залы. Эта особенность дворцового собора может быть объяснена его особым назначением обслуживать сравнительно узкий круг населения дворца, причем отпадала необходимость в нарочитом подчеркивании контраста полутемного подхорного пространства и залитых светом княжеских хор. Эта характерная для храмов XII в. антитеза в парадном дворцовом соборе была предельно смягчена. Возможно, что в этой же связи с равным вниманием и пышностью решена была и внутренняя отделка всего храма; декоративный эффект нижнего пола из толстых плит меди, сверкавшей, по словам летописца, подобно золоту, вполне соответствовал красоте пола хор из цветных майоликовых плиток с их зеркальной поверхностью, игравшей бликами солнца и свечей. Фресковая роспись, обилие драгоценной утвари и тканей довершали общий эффект торжественного и пышного княжеского храма, поражавшего сознание

¹ Летопись Боголюбова монастыря с 1158 по 1770 г., составленная по монастырским актам и записям настоятелем оной обители и г. Аристархом в 1767—69 гг. ЧОИДР, 1878, кн. 1.

² ПСРЛ, II, стр. 591.

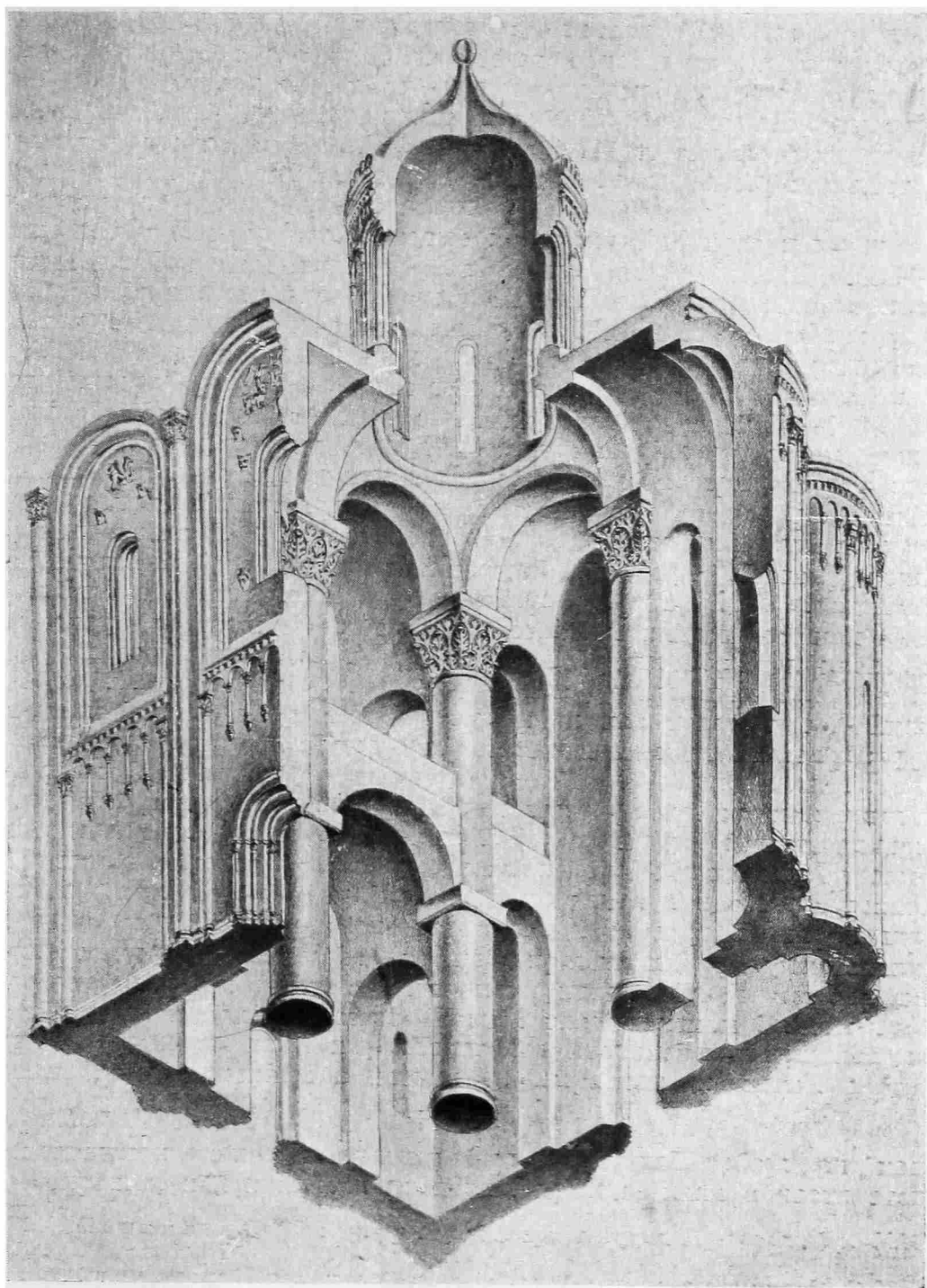

Рис. 33. Боголюбово. Дворцовый собор (реконструкция).

видевших его людей. Рассказ летописи о том, что князь Андрей не упускал случая показать послам или гостям, посещавшим его резиденцию, свой сказочно-богатый и прекрасный собор,¹ — свидетельствует о действенности и актуальности напряженного строительства Боголюбского в общей системе его политических мероприятий, направленных на борьбу за укрепление власти владимирского княжого дома.

III

Дверь во втором этаже северного фасада лестничной башни, заложенная в позднейшее время кирпичом, позволяла и раньше пред-

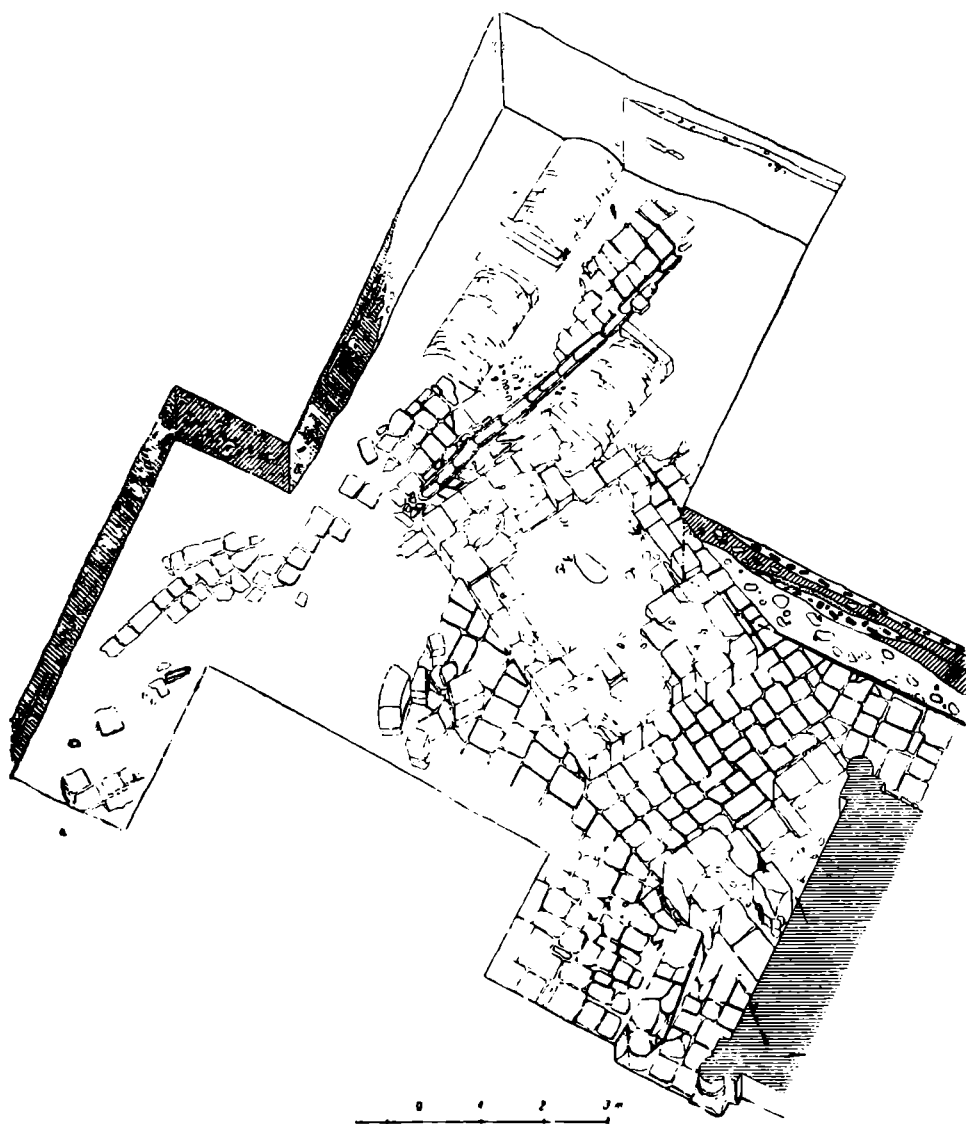

Рис. 34. Боголюбово. Северный переход дворца (аксонометрия).

полагать, что сюда примыкал переход, связывавший башню с княжеским дворцом. Эта мысль и была выражена в реконструкции А. А. Потапова,² представившего в ней висячий деревянный мостик с перилами, упирившийся во второй этаж бревенчатого здания дворца. Эта реконструкция не встретила возражений в литературе и была молчаливо принята как правильная.

Однако уже первый исследователь истории Боголюбова города В. Доброхотов сделал указание на вероятность каменных переходов

¹ ПСРЛ, II, стр. 591.

А. А. П о т а п о в. Ук. соч.

на арках, аналогичных переходу от башни к собору.¹ Это тонкое наблюдение, забытое последующими авторами, подтверждалось характерной особенностью западного фасада башни, на котором введен второй ярус колончатого пояса, как бы предназначенный связать аркатуру перехода на хоры с аналогичной аркатурой северного крыла переходов.² Наконец, в местной печати имелись указания, что при постройке на месте предполагаемого дворца корпуса монастырских келий были встречены его белокаменные фундаменты.³

Указанные данные имеют решающее значение для реконструкции северного крыла переходов. Открытые раскопками цокольные части последних (рис. 34) шли под углом к башне, образуя живописный излом западного фасада комплекса. Узкий, повидимому, пешеходный пролет располагался рядом с башней. Далее к северу открыт массивный полый внутри пилон, использовавшийся, может быть, для помещения дворцовой стражи, охранявшей вход на лестничную башню. Во внутреннее помещение пилона вводила дверь в восточной стене, оформленная резным архивольтом, фрагмент которого был найден рядом с дверью. Из наличия помещения внутри пилона следует необходимость его освещения, которое решено в нашей реконструкции щелевидным окном на западном фасаде пилона. Для реконструкции последнего существенен найденный здесь профилированный камень слепой арки, окованный золоченой медью и создающий по радиусу с длиной пилона. Наличие здесь слепой арки, конечно, не случайно: она была введена, подобно второму ярусу пояса на башне, для связи арок пешеходного пролета и второго пролета, более широкого, проездного, располагавшегося, несомненно, с северной стороны пилона. Эта последняя арка, возможно, опиралась уже на стену дворцового здания, от которого не сохранилось ничего, кроме отдельных декоративных деталей (стенная полуколонка, поливные плитки, обломок колонки аркатурного пояса — найденные к северу от корпуса келий). Таким образом, нижний этаж перехода рисуется в виде аркады, образованной двумя арочными пролетами и слепой аркой пилона. Характер верхнего этажа вполне определяется сохранившимся переходом на хоры и найденными при раскопках обломками колонок пояса: это была крытая галерея с колончатым поясом на фасаде и майоликовым полом внутри, от которого найдены разноцветные поливные плитки.

В оформлении фасадов перехода были применены рельефы и круглые скульптуры (голова собаки), размещение которых документально не восстановимо, чем и вызвано их отсутствие в нашей реконструкции (рис. 36). Возможно, что круглые скульптуры помещались в нишах по бокам пролетов, как это делали, например, романские зодчие. Кроме резной декорации, была применена оковка деталей золоченой медью и фресковая орнаментальная роспись арочных перекрытий пролетов.

Северный переход примыкал к зданию дворца, которое, судя по приведенным выше данным, было оформлено в той же декоративной системе, которая устанавливается как для собора, так и для переходов.

Вполне аналогично северному южное крыло переходов, к раскопкам которого привели наблюдения над рядом миниатюр и предположение о вероятности симметричной северной лестничной башни. Эти предварительные соображения полностью оправдались. К югу от собора были открыты почти начисто разрушенные основания южных переходов (рис. 35). Рядом с собором шел широкий проход, ограни-

¹ В. Доброхотов. Древний Боголюбов город, М., 1852, стр. 27.

² Ф. Рихтер. Памятники др.-русс. зодч. табл. XXXV.

³ Я. Протопопов. Ложница Андрея Боголюбского в Боголюбском монастыре, Влад. губ. вед., 1840, № 27.

ченный с юга продолговатым пилоном, далее — узкий сквозной проход, над которым, судя по конфигурации кладок фундамента, стояла вторая лестничная башня, замыкающая с юга симметричный по своей композиции центр ансамбля. Несмотря на полное разрушение поздними могилами дальнейших остатков к югу от башни, не подлежит

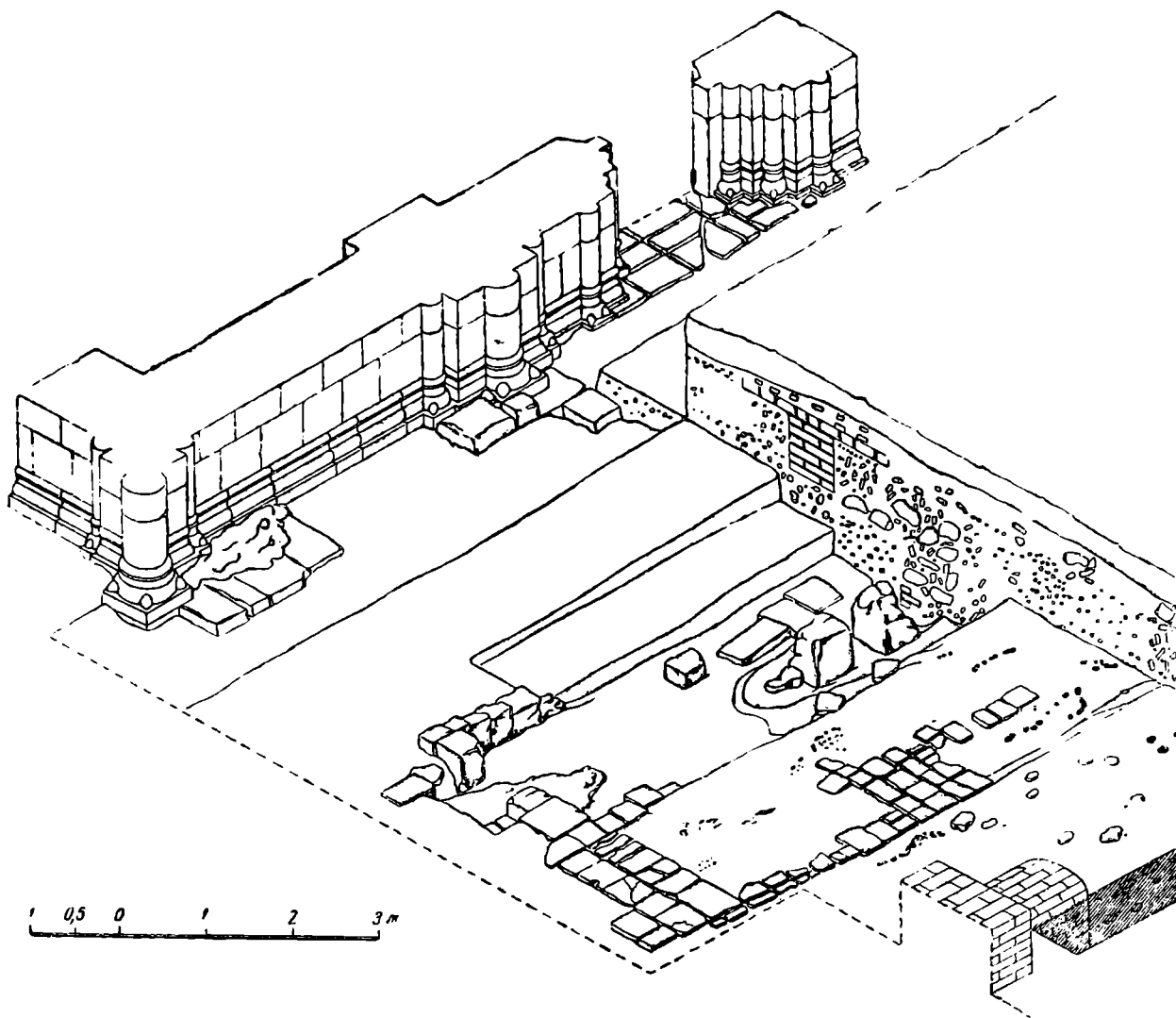

Рис. 35. Боголюбово. Южный переход дворца (аксонометрия).

сомнению, что сюда продолжалась аркада переходов, шедшая, как и северная аркада, под углом и соединявшая всю анфиладу переходов с южной башней замковых укреплений.

Таковы основные вопросы, связанные с документальной реконструкцией Боголюбовского дворцового комплекса.

Особой аргументации требует ответ на вопрос о характере перекрытия лестничных башен, решенного в нашей реконструкции в форме пирамидальных шатров (рис. 36).

IV

Над существующей лестничной башней в XVIII в. была надстроена шатровая колокольня. Предполагалось, что древняя кладка башни кончалась горизонтальной линией накладки над закомарами.¹ Как показали исследования кладок, эта часть современна колокольне и представляет собой кирпичную заделку пазух закомар. Таким образом, белокаменная башня завершалась первоначально полукругами закомар. Ее свод, про-

¹ См. реконструкцию А. А. Потапова.

битый во время надстройки колокольни, не имеет никаких следов старых проемов; он был глухим, следовательно, никакого третьего этажа башня не имела. Эти обстоятельства подрывают в корне реконструкцию Потапова, механически пересадившего на боголюбовскую башню третий

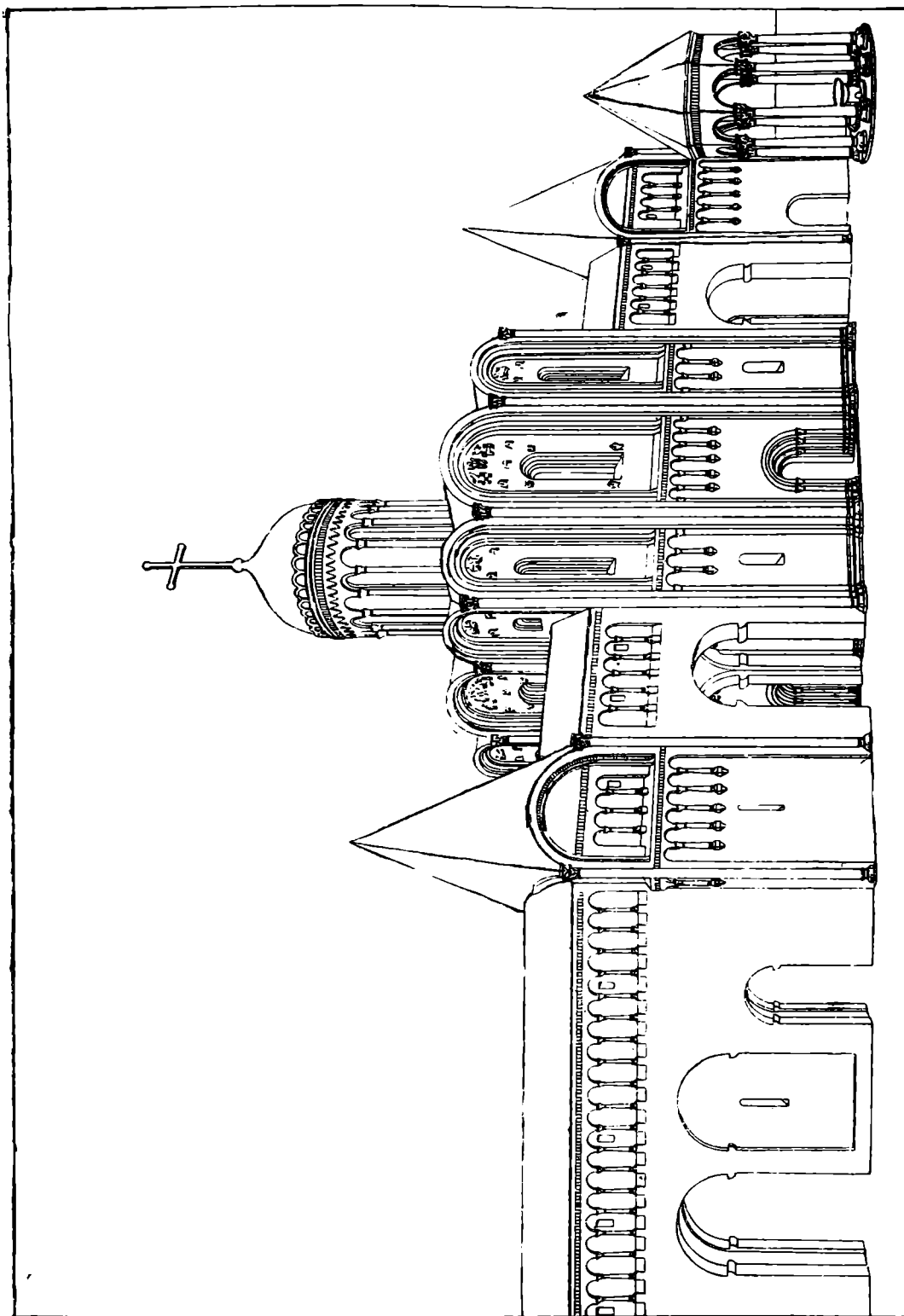

Рис. 36. Боголюбозо. Дворец (реконструкция).

этаж — верх здания, изображенного в фресках лестницы Киево-Софийского собора. Помимо этого, исторически немыслима реконструкция башни явно романского облика на основе византийской по своему характеру архитектуры Софийских фресок, передающих к тому же последнюю вполне условно.

Н. А. Артлебен был прав, полагая, что речь может идти лишь о

характере «вышки», завершавшей башенный «столп». ¹ Постановка над ним глухой, т. е. фальшивой церковной главы, как это можно было бы предполагать по аналогии с лестничными башнями новгородских храмов, явно нелепа: новгородские башни — это церковные входы, здесь же башни имеют ярко выраженный гражданский характер по своей функции входов во дворец и на переходы вообще.

Существеннейшее значение имеет само имя северной башни в языке XII века: она неизменно именуется «сенями» или «восходным столпом». ² «Сени» в составе древнерусского хоромного комплекса являются его центральной частью, что вполне ясно аргументируется как летописными текстами, ³ так и рядом ранних миниатюр. ⁴ В составе княжеского двора XI—XII вв. сени играют весьма важную роль, наследуя функции гридниц, служа местом политических совещаний князя, торжественных обедов, своего рода «тронным залом» (в сенях Галицкого дворца стоял княжеский «стол»). Это значение сеней, повидимому, и определяло их особое оформление, выделявшее и подчеркивавшее эту часть в составе хором.

И. Е. Забелиным была убедительно показана связь сеней с «теремом» или теремной вышкой. ⁵ Терем определял облик комплекса (например, «теремный двор» Ольги). ⁶ Показательна в этом смысле миниатюра Кенигсбергской летописи, изображающая казнь древлянских послов на «теремном дворе». ⁷ Ольга, по тексту, «сediaше в тереме»; иллюстратор рисует высокую столпообразную постройку, завершенную пирамидальным шатром. Термины «сени» и «терем» порой применяются в равнозначном смысле: таковы «сени» и «терем» у Успенского собора во Владимире — две башни при его западных углах, ⁸ таков терем-башня черниговского Спаса с едва ли случайной позднейшей конической кровлей; аналогичная лестничная башня Киево-Софийского собора реконструируется с изначальным шатровым верхом. ⁹ Едва ли также случайно то, что позднейшая шатровая колокольня так хорошо вяжется с боголюбовской башней.

Ряд памятников живописи и миниатюры подтверждает догадку о шатровом верхе сеней теремной башни. В Тверском Амартоле (ок. 1294 г.), миниатюры которого изобилуют шатровыми покрытиями, любопытна интерпретация текста о том, как пророк Иеремия спрятал сокровища храма «в пещере глубокой»; переводчик последние слова заменил: «в тереме высоком», который и изобразил миниатюрист. И. Д. Мансветов справедливо сопоставил эту подробность с текстом 1185 г. о пожаре Успенского собора, в котором говорится, что «терем» — башня собора служил местом хранения храмовых сокровищ. ¹⁰ Далее автор приходит к заключению, что «теремом» называлось поме-

¹ Н. А. Артлебен. Древности Суздальско-владимирской области.... Владимир, 1880, стр. 49.

² ПСРЛ, I, стр. 57; II, стр. 585—589.

³ См., напр., рассказ о варягах-мучениках в Ипат. лет. (983 г.), там же рассказ об убийстве Игоря (1147 г.) и в особенности описание дворца Галицких князей (1152 г.). Сводка у В. Ф. Ржиги (Очерки по истории быта домонгольской Руси, Труды ГИМ, вып. 5, М., 1929).

⁴ Напр., Кенигсбергская лет. в миниатюре, иллюстрирующей текст о варягах-мучениках; миниатюра жития Бориса и Глеба, изображающая «проимание сеней» при выносе тела кн. Владимира.

⁵ И. Е. Забелин. Черты самобытности в древнерусском зодчестве, М., 1900, стр. 49.

⁶ Ср. также «теремец» под Киевом, отождествляемый Н. Петровым с загородным княжеским дворцом, Историко-топогр. очерки Киева, стр. 74.

⁷ Кенигсбергская летопись, Изд. ОЛДП, лист 28 об.

⁸ ПСРЛ, I, изд. 2, стр. 392.

⁹ Я. И. Смирнов. Рисунки Киева 1651 г., Труды XIII арх. съезда, т. II, табл. IX, рис. I. — S. H. Cross and K. I. Conant. The earliest mediaeval churches of Kiev, Speculum, 1936, October, табл. VI.

¹⁰ И. Д. Мансветов. Художественные и бытовые данные в славянском списке летописи Г. Амартола, Труды V Арх. съезда, стр. 166.

шение в верхнем этаже дома, устроенное в виде столпа или башни с шатровым верхом». ¹ Можно думать, что здание типа боголюбовской башни с шатровым верхом изображает заставка из псалтири 1296 г., писанной писцом Захарией на Волоце для княгини Марии. ² На иконе Покрова XIV в. из суздальского Покровского монастыря (хранится в ГТГ) в архитектурном стаффаже присутствует высокая башня с коническим остроконечным верхом ³; наличие шатрообразного перекрытия в иконе Покрова, праздника, установленного при Андрее Боголюбском, ⁴ особенно выразительно. Эти данные дополняются рядом фактов, свидетельствующих, что «теремец» — «сень» (алтарный киворий), как и киворий на дворцовой площади в Боголюбове, характеризовались пирамидальным шатровым завершением.

Изложенное показывает, что шатровый верх в XII—XIII вв. и позже прочно ассоциировался с представлением о тереме-сенях, отражая, несомненно, реальное положение вещей.

Шатровое завершение боголюбовских башен-сений нам представляется закономерным и с другой стороны. Попытка определить родину романских зодчих, работавших у Боголюбского, приводит нас в область Рейна. Для архитектуры этих областей характерна любовь к введению в композицию храма башен с пирамидальными верхами. ⁵ В этом романское зодчество находило общие точки соприкосновения с древнерусским, и Боголюбовский ансамбль в этом смысле особенно убедителен.

Предположения, высказывавшиеся некоторыми товарищами, с которыми нам приходилось обсуждать эту тему, о покрытии башни купольным верхом, нам представляются неправомерными. Купольный верх противоречит и не согласуется с двускатными перекрытиями переходов, а, самое главное, башня-сени, игравшая столь значительную роль в композиции древнерусских хором, при купольном перекрытии совершенно теряется в однообразной горизонтали переходов. Последние именно по сторонам башен имели излом, уходя от линии собора и башен; башни имели, таким образом, важнейшее значение и в чисто архитектурном замысле ансамбля. Все это убеждает в правильности нашего решения — шатрового верха, выделяющего башни из системы переходов и превращающего их в то же время как бы в масштабный порог, акцентирующий высоту здания собора.

Возражение, что шатры выпадают из общего характера владимиросуздальского зодчества, в котором господствует полуциркульная форма (купол, закомара, аркатура, полуциркульная арка), нам также кажется неубедительным. В Боголюбовском ансамбле не менее характерна горизонталь (переходы). Кроме того, нельзя забывать, что в составе этого комплекса мы не имеем важнейшего звена — самого здания дворца, в покрытиях которого мы в праве ожидать те же излюбленные остроконечные кровли, составлявшие столь характерную принадлежность «теремов-сений» и определявшие лицо древнерусского хорового комплекса.

Н. Н. Воронин

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

Изучение физического типа исторических личностей далекого прошлого, помогающее нам восстановить их образ, является одним из элементов исторического исследования. Многие индивидуальные черты

¹ И. Д. Мансветов. Ук. соч., стр. 168.

² В. Бутковский. История русского орнамента с X по XVI ст. по древним рукописям, М., 1870, т. I, табл. 33.

³ И. Грабарь. Андрей Рублев. Вопросы реставрации, в. I, табл. к стр. 52.

⁴ Сергей. Андрей-юродивый и праздник Покрова, М., 1898. — В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря, СПб. 1911, стр. 103—104.

⁵ Флетчер. История архитектуры, в. II, СПб. 1912, стр. 287, 291, 313, 315.

характера личности, привитые воспитанием и окружением, проявляются в конституционных особенностях организма. С другой стороны, антропологическое изучение ряда индивидуумов, генеалогия которых известна, помогает нам изучать передачу признаков по наследству, и с этой стороны накопление таких материалов будет полезно и для биологической науки. Вот причины, по которым мы предпринимаем изучение физического и антропологического типа ряда исторических личностей, живших в далеком прошлом.

В 1935 г. Д. Г. Рохлин¹ и В. С. Майкова-Строганова детально изучили скелет князя Андрея, хранящийся в Историческом музее во Владимире, и путем рентгенологического метода выявили целый ряд конституциональных особенностей этой личности. Ими же была восстановлена и картина убийства Андрея на основании многочисленных следов ранений, затронувших и кости.

В настоящей заметке мы поэтому даем только антропологическую характеристику черепа, которая не была сделана в свое время и которая может пролить свет на предпринятую М. М. Герасимовым реконструкцию лица Андрея по его черепу.

Приводим некоторые измерительные и описательные данные, характеризующие череп:

Горизонтальная окружность черепа	534 мм	Альвеолярный угол	59°
Продольный диаметр	194	Угол спинки носа над горизонталью	55°
Поперечный »	140 »	Угол спинки носа над линией профиля	27°
Высотный » (Ba—B)	131 »	Угол ветви нижней челюсти » подбородка	125° 56°
Высотный » (Po—B)	120 »	Ламбдоиниальный угол	89°
Биаурикулярный диаметр .	127 »	Опистоиниальный угол .	163°
Наименьший лобный диаметр	97	Ламбдо-опистоиниальный угол .	111°
Наибольшая ширина лобной кости	114 »	Черепной указатель	72.2
Длина основания черепа .	108 »	Высотно-продольный указатель (от базиона)	67.5
» » лица .	107	Высотно-продольный указатель (от пориона)	59.2
Скуловой диаметр	131 »	Высотно-поперечный указатель (от базиона)	93.5
Ширина средней части лица	92 »	Высотно-поперечный указатель (от пориона)	82.1
Внутренняя биорбитальная ширина	97	Лобно-теменной указатель	69.3
Межорбитальная ширина .	20 »	Лобно-скуловой » .	74.0
Полная высота лица	125 »	Лицевой указатель морфологический	95.4
Верхняя » »	72 »	Лицевой указатель верхний	55.0
Высота носа	56 »	Челюстно-скуловой .	76.3
Ширина »	28 »	Вертикально-краниофациальный	55.0
Высота переносья над внутренней биорбитальной линией	21 »	Носовой указатель	50.0
Высота переносья над максиллофронтальной линией . .	7.2 »	Указатель высоты корня носа к биорбитальной линии . .	21.7
Высота носовых костей (по Woo)	4.6 »	Указатель высоты корня носа к межорбитальной линии .	36.0
Ширина орбиты	43 »	Указатель высоты спинки носа	57.5
Высота »	33 »	Орбитный указатель .	76.7
Длина нёба	52	Указатель ширины нёба	69.2
Ширина » .	36	Емкость черепа (по Пирсону)	1499 см ³
Бигониальный диаметр	100		
Длина нижней челюсти	121		
Высота подбородка .	33 »		
Угол профиля лба	75°		
» » лица	82°		
» » средней части лица .	87°		

¹ Д. Г. Рохлин и В. С. Майкова-Строганова. Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского, Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10.

Из этих данных видно, что череп Андрея относится к длинным и низким, с средневысоким узким лицом, со значительно выступающим длинным и очень широким носом. К этому надо прибавить очень покатый лоб (3) со среднеразвитым надбровьем (2) и глабеллой, выступающей ниже среднего (2—3). Выступление скул слабое (1), собачья ямка углубленная (2—3).

Носовые кости выемчатые, очень широкие у корня, с вогнутым профилем. Носовое отверстие грушевидной формы с заостренным нижним краем и нижесреднего развитым носовым шипом (2—3). Орбиты небольшие, низкие. Отмечается довольно значительное выступание альвеолярного края верхней челюсти.

Что касается черепной коробки, то сверху она имеет пентагоноидную форму, сзади же — прямоугольную, благодаря сильно выступающим теменным буграм. Затылок округлый, несколько уплощенный в области обелиона, со слабо выступающей над общим уровнем чешуей. Общий рельеф черепа выражен хорошо. Облитерация швов наступила только в области обелиона и в боковых частях венечного шва. Зубы сохранились хорошо, стертость их коронок средняя. Кариозных зубов не отмечается.

По черепу возраст субъекта можно было бы определить в 45—50 лет. Однако неопровержимые доказательства показывают, что перед нами действительно скелет Андрея Боголюбского, убитого в возрасте около 63—64 лет. Это несоответствие Д. Г. Рохлин объясняет конституциональным гипертиреозом, сопровождающимся явлениями субгениализма.¹

Расовый тип черепа в целом вполне может быть охарактеризован как северный, близкий к курганным славянским. Однако он имеет особенности, говорящие о несомненном монголоидном влиянии. Эти особенности заключаются в строении носовых костей — очень широких у своего основания и имеющих вогнутый профиль. Нос характеризуется большой шириной, благодаря которой череп, несмотря на большую длину носа, стоит на границе широконосости. Небольшое развитие переднего носового шипа указывает, что при своих больших размерах, нос, в целом, выступал слабо.

Изложенные данные находятся в соответствии с летописными сообщениями о том, что мать Андрея была половчанка, а половцы как раз характеризуются монголоидным расовым типом.

Приведенные антропологические материалы, в совокупности с опубликованными ранее данными рентгенологического обследования, дают возможность очень конкретно представить и изобразить физический тип Андрея Боголюбского.

В. В. Гинзбург

(Институт этнографии АН СССР)

Работая в течение последнего времени над проблемой восстановления лица по черепу и добившись определенных результатов в этом направлении, я счел возможным приступить к реконструкции физического облика исторических деятелей. Так в 1939—40 гг. мною был восстановлен облик Ярослава Мудрого, а в 1941 г. — Андрея Боголюбского. Последней работе (рис. 37) и посвящено настоящее сообщение.

Владимирский князь Андрей Боголюбский пал жертвой старобоярского заговора: в 1175 г. он был убит в своем Боголюбовском дворце (на 63-м году жизни) в зените политического могущества и еще полный физической силы.

¹ Д. Г. Рохлин и В. С. Майкова-Строганова. Ук. соч., стр. 158.

Рис. 37. Андрей Боголюбский.

Скелет Андрея Боголюбского находился сначала во владимирском Успенском соборе (с начала XVIII в. Андрей был объявлен святым), а после Великой Октябрьской социалистической революции хранился во Владимирском музее. Рентгенологическое изучение костей, осуществленное в 1935 г. Д. Г. Рохлиным и В. С. Майковой, подтвердило не только подлинность скелета Андрея Боголюбского, но и дополнило летописные данные об обстоятельствах его смерти. Исследователи с большим мастерством и изяществом рисуют перед нами облик человека, умершего более семисот лет тому назад. Моей работе непосредственно предшествовало антропологическое изучение черепа Андрея Боголюбского, выполненное В. В. Гинзбургом, давшим его антропологическую характеристику.

Полное отсутствие каких-либо иконографических материалов и только довольно общие и к тому же противоречивые характеристики Андрея Боголюбского со стороны его патологических качеств и действий, а не со стороны его внешности — делало задачу восстановления облика крайне трудной и ответственной. Естественно, что при осуществлении этой задачи я исходил из опыта своих предшествующих работ и предпринял ряд специальных контрольных опытов путем восстановления лица недавно умерших людей, зафиксированных фотографически. Результат оправдал и даже превысил мои ожидания. При сличении изготовленных мною голов и ранее снятых фотографий во всех случаях было видно портретное (индивидуальное) сходство.¹

В настоящем кратком сообщении, посвященном только портрету Андрея Боголюбского, я касаюсь лишь основных моментов процесса реконструкции, отмечая только опорные пункты построения лица с тем, чтобы предложенная реконструкция рассматривалась не как проявление интуиции и фантазии, а как вполне конкретный и реальный образ, основанный на документальных данных (показаниях черепа с учетом исторических сведений).

Весь процесс восстановления делится на следующие этапы:

1. Анализ черепа, вернее его структурных антропологических данных.
2. Графическое (предварительное) разрешение реконструкции.
3. Воспроизведение структурной схемы головы.
4. Завершение работы над бюстом с учетом исторических данных.

Первые три этапа целиком строятся на материалах, полученных в результате конкретного изучения подлинного черепа и в силу этого, естественно, являются областью науки. Четвертый завершающий этап является в значительной степени уделом искусства: исследователь превращается в скульптора. В зависимости от правильности понимания исторической перспективы, чувства такта и меры, научная документальная схема, основанная на данных 1—3 стадий работы, может быть либо подчеркнута, либо совершенно сведена на-нет. Таким образом, в реконструкции облика следует различать два момента: научное освоение и подготовка документальной маски и процесс чисто художественного, творческого освоения материала, т. е. придание схеме лица подлинности живого образа. Так как исследование черепа для целей реконструкции лица имеет некоторую специфику, отличающую его от чисто анатомо-антропологического анализа, необходимо дать краткое описание последнего.

Череп Андрея Боголюбского дошел до нас в прекрасной сохранности. По своей форме череп имеет удлинённые пропорции, свод его крышеобразен и низок, лоб сильно покат, со слабым надбровием. Лицо средней длины. Орбиты округло продолговаты, они относительно узкие, с острыми краями вверху и с боков. Орбитарный скуловой гребень выражен слабо, он уплощен и аморфен. Скуловая кость мало

¹ Эти материалы будут мной опубликованы в специальной статье, посвященной проблеме восстановления лица по черепу.

профилирована, она простого рисунка, со средне выраженной собачьей ямкой. Нос — удлинённых пропорций и по отношению к покату лбу сильно выступает. Межглазничное расстояние широкое, свод носовых костей округло широк, носовые кости с вогнуто волнистой спинкой удлинены и расширяются в верхней части. Орбиты при рассмотрении в профиль поражают сильным выступом нижнего края вперед. Такая постановка глазниц, связанная со слабой профилировкой скуловых и широким сводом носовых частей придает сильную монголоидность всему лицу. Носовое отверстие широкое, оно спокойно очерчено и имеет правильную грушевидную форму; несмотря на его сравнительно тонкие стенки, края его заглажены на всем протяжении. Подносовой шип невелик, носовая перегородка развита средне, слегка вогнута в правую сторону. Нижний конец носовых костей имеет глубоко выемчатую форму. Зубы образуют широкую правильную дугу. Альвеолярный край верхней челюсти относительно prognaten, нижняя челюсть с сильным подбородком резко выступает вперед, тем самым компенсируя prognatность верхней челюсти; прикус зубов — правильный. Общее впечатление от черепа, что он европеоиден и имеет определенное тяготение к северославянским формам. Но лицевой скелет, особенно в верхней части (орбиты и нос), имеет несомненный элемент монголоидности.

Остановимся на характере некоторых деталей в строении лица Андрея Боголюбского, опираясь на специфические особенности лицевой части черепа. Выше была описана форма орбит и их постановка по отношению к плоскости лица. Эти данные, равно как и утолщенные края орбит, свидетельствуют о сильном выступе глазных яблок вперед, что в связи с широким межглазничным расстоянием придает яркий монголоидный характер всему лицу, который еще более подчеркивается некоторым нависанием верхнего века, связанного с отсутствием надбровья. Форма грушевидного отверстия и общий характер костей основы носа дают право реконструировать широкий тупой нос удлинённых пропорций с относительно широкими ноздрями. Мощное выступание нижней челюсти вперед, хотя и компенсируется несколько резкой prognatностью альвеолярной части верхней челюсти, все же свидетельствует о некотором утяжелении нижней губы и доминантном ее положении.

В целях достижения максимальной точности в восстановлении лица по черепу нами была разработана система предварительной графической реконструкции. Для наблюдения над асимметрией лица и черепа, а также за толщиной мягких покровов лица, нами был сделан ряд специальных исследований, именно: изготавливались горизонтальные сечения головы и черепа, помогавшие уловить специфическую для каждого лица асимметрию, обеспечивающую его портретность. Поэтому, прежде чем перейти к воспроизведению лица на подлинном черепе Андрея Боголюбского, нами был изготовлен ряд горизонтальных обводо́в (все обводо́в делались параллельно франкфуртской горизонтали) через следующие точки: 1) середину лобной кости, 2) надбровие, 3) переносицу, 4) максимальную ширину скуловую, 5) подносовой шип, 6) верхний край челюсти, 7) подбородочную борозду, 8) максимальное выступание подбородка.

Таким образом, получился ряд профилей черепа горизонтального сечения. Пользуясь этими обводо́вами, на основании цифрового материала для каждого из них были сделаны отметки толщины облегающей их мягкой ткани. Так была построена схема горизонтальных сечений лица. Затем эти сечения были сведены до естественной композиции черепа и таким, чисто механическим, путем была получена схема лица, обращенного вниз. Отсюда уже нетрудно было это изображение спроецировать на череп. Так графически была построена самая трудная часть лица — нос, глаза и рот en face.

По данным рентгенологического и анатомического исследований, на фоне графического изображения черепа Андрея Боголюбского была сделана схема основных мускулов лица и шеи. На этой же схеме были восстановлены хрящи носа и сагиттальное сечение через всю толщину мягких покровов головы. Все эти схемы дали возможность получить представление об общем характере лица Андрея Боголюбского. Только после тщательной, скрупулезной проверки полученных схем они механически были перенесены на подлинный череп, что легко было достигнуто вылепливанием из плотного воска гребней горизонтального и сагиттального сечений.

После этого череп был укреплен на шее будущего бюста, а пространство между гребнями заполнено пластилином. Так возникла скульптурная схема-маска, точно передающая толщину мягких покровов. На данной стадии полученная скульптурная схема должна рассматриваться как подлинный документ.

Как было сказано, дальнейшая работа над образом в большей степени строится уже на гипотетических данных и, безусловно, является продуктом художественного освоения документальной маски. Для того, чтобы и в окончательной своей работе подойти к подлиннику возможно ближе, я учел весь исторический материал, в чем мне не мало помогли историки. М. И. Артамонов, Н. Н. Воронин, А. В. Арциховский, С. А. Тараканова приняли живейшее участие в моей работе и помогли мне в понимании образа Андрея Боголюбского. Я им многим обязан.

Для воспроизведения одежды мною был использован материал Владимирского музея и ГИМ, в частности все фрагменты тканей, которые, вероятнее всего, происходили из гробницы Андрея Боголюбского.

Учитывая конституционные и этнические особенности данного черепа, при изготовлении волосного покрова на лице и голове я пошел по линии выявления несомненных следов метисации в лице Андрея Боголюбского. Волосы на голове даны слабо волнистыми, а борода и усы несколько монголоидного характера, что как нельзя лучше сочетается с общим типом лица.

Монголоидность в лице Андрея Боголюбского вполне согласуется с данными летописных источников о том, что мать его была дочерью половецкого князя Аепы. Рядом исследователей также была отмечена доминантность монголоидных признаков в случае метисации. Этим и объясняется яркость монголоидных черт в лице князя Андрея.

М. М. Герасимов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ г. СУЗДАЛЯ (1936—1940 гг.)

I

Впервые после раскопок А. С. Уварова в 1851 г.¹ систематические археологические исследования в г. Суздале были начаты в 1936 г.² За пять лет ежегодно производимых Ивановским областным краеведческим музеем исследований под моим руководством в Суздале открыты остатки древнейших жилищ горожан-ремесленников, обнаружены части кирпичного соборного здания периода строительства Владимира Мономаха,³ обследовались кремлевские валы и проводились рекогносцировочные раскопки в «острожной» (торговой) части города, причем было найдено значительное количество разного

¹ А. С п и ц ы н. Владимирские курганы, ИАК, вып. 15, СПб., 1905.

² Археологические исследования в РСФСР в 1934—36 гг. Изд. Ак. Наук СССР, 1941, стр. 90—96.

³ См. ниже статью А. Д. В а р г а н о в а, стр. 99. сл. Подробный отчет будет опубликован в изданиях ИИМК.

рода предметов, характеризующих занятия, быт и культуру населения города, начиная с IX—X вв.¹

В кремле города, по улице Коммуны (территория археологического заповедника), раскопками 1936, 1937, 1939 и 1940 гг. вскрыта площадь в 518 кв. м. На этой площади, в грунте, на глубине 1.35—1.50 м открыты остатки 11 жилищ земляночного типа и 3 жилища в

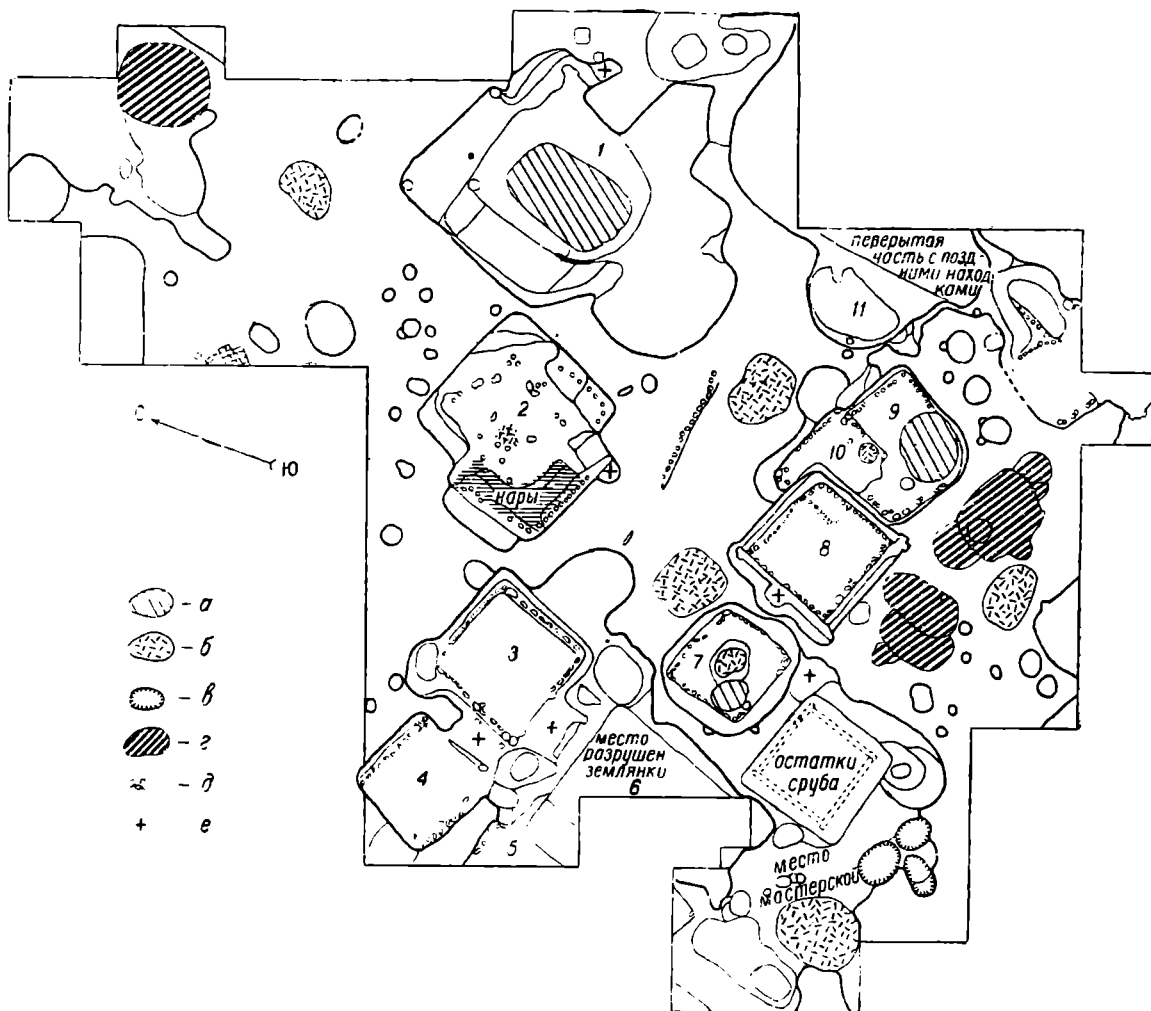

Рис. 38. Суздаль. Сводный план раскопа 1936—40 гг.

а — подпольные ямы, б — очажные ямы и прокол почвы от очагов, в — ямы для хранения запасов, г — подпольные ямы наземных домов, д — ямки от столбов, е — вход в землянку. Цифры обозначают номера землянок.

виде наземных деревянных домов с глинобитными печами и подпольями (рис. 38). Древнейшие жилища Суздаля представляли собой землянки и полужемлянки полукруглой и четырехугольной формы. К первой форме относились две землянки, причем одна изучена полностью (№ 1), другая частично (№ 11). Четырехугольную форму имели 9 землянок (№ 2—10), из них одна (№ 6) оказалась разрушенной поздним строительством дома, от другой (№ 5) была обнаружена только угловая часть. Все землянки по своей конструкции различны.

Землянка № 1 состояла как бы из двух помещений: полукруглого и четырехугольного. Полукруглая часть находилась с юго-западной стороны, имела 4.0×2.4 м и отделялась от остальной части землянки двумя выступами грунта, которые составляли как бы вход в нее, шириной 1.9 м. Стенки землянки имели здесь незначительный наклон и закруглялись у основания. По стенкам, вероятно, шли сидения или

¹ В раскопках участвовали Суздальский музей и в 1939 г. ГИМ.

нары, а в центре находился очаг. На месте очага имелся провал почвы и были обнаружены обожженные камни, угли, зола, а также кости свиньи, чешуя рыбы, обломки глиняной посуды с линейным орнаментом и без него, две глиняные полые цилиндрические ручки от сосудов и пр. Диаметр угольного пятна 0.6 м.

Вторая часть землянки примыкала к первой с северо-восточной стороны и по форме приближалась к четырехугольнику. Размер ее 6×6 м; длина всей землянки равнялась 9 м, средняя глубина пола—1 м. Стенки этой части спускались отвесно, причем по южной и восточной стенкам имелись два, повидимому, глинобитных треугольных выступа-столба, из которых один—южный—был выше материка на 50 см. Очевидно, эти столбы служили для укрепления перекрытий крыши. В центре четырехугольной части находилось подполье в 2.1×3.4 м, глубиной в 1.3 м. Стенки подполья шли покато, суживаясь к центру. В этом же помещении с восточной стороны находился вход в землянку. При зачистке пола землянки и дна подполья были найдены куски медных и железных шлаков, часть рыболовного крючка, железные ножи, тесло, дверные накладки и пробой, костяные проколки, обломки стеклянных браслетов, глиняные полые цилиндрические ручки, поддон горшка, глиняное и шиферное пряслица, фрагменты довольно грубой глиняной посуды, иногда с линейным орнаментом и др. Основная масса кусков меди обнаружена при зачистке подпольной ямы, на дне которой находилось и железное тесло. Покрытие землянки было с юго-западной стороны, вероятно, полукруглое и с северо-восточной стороны над четырехугольным помещением двухскатное. По предварительным данным землянка № 1 может быть датирована X—XI вв.¹

Из шести наиболее полно изученных четырехугольных землянок и полуземлянок каждая имела свои особенности.

Землянка № 2 (рис. 38 и 39) имела более правильную форму, приближающуюся к четырехугольнику. Размер ямы этой землянки 4.6×4.8 м, а внутри она могла иметь 4×4 м, глубина землянки—1.4 м. В юго-западном углу находились нары, огороженные плетнем из часто вбитых в землю кольев, от которых в грунте сохранились ямки. Плетень укреплял отвесные стенки землянки и в других местах. Нары имели ширину около метра и от пола находились на высоте 45—55 см; передняя часть их поддерживалась подпорками, задняя непосредственно лежала на ступеньке материка. По углам землянки три тонких столба поддерживали бревна перекрытия крыши, причем они несколько возвышались над поверхностью земли, а находящиеся на них бревна перекрытия упирались в грунт, несколько отступая от краев землянки. Столбы, поддерживавшие покрытие, находились и в середине землянки. Покрытие, очевидно, было четырехскатное. В центре землянки помещался очаг. На месте очага также имелся провал почвы и на угольном пятне найдены железная крица в виде круга, диаметром 11.5 см и толщиной 4.5 см; стеклянная пронизка, буса глиняная с пестрой поливой; глиняное грузило цилиндрической формы; кусок медного шлака и т. д. Кроме этого, при зачистке пола землянки было найдено медное перстнеобразное височное кольцо, части стеклянных перстня и браслета, костяная игла, фрагмент глиняного сосуда с поливой и т. д. Вход в землянку был с южной стороны; туда спускались по деревянной лесенке. Землянка № 2 более позднего происхождения, чем землянка № 1, и относится, вероятно, к XI—XII вв.

Землянка № 3 имела правильную четырехугольную форму, причем у основания почти отвесных боков грунтовой ямы находились

¹ Основания датировки землянок в данной статье не приводятся и являются предметом особого исследования автора. *Ред.*

лунки со следами стоявших вертикально бревен в виде горбылей, составлявших стены жилого помещения. Плоская часть горбылей была обращена во внутрь, а полукруглая оставалась снаружи. Расстояние между бревенчатой стеной и стенкой ямы плотно забивалось глиной. Обкладка глиной, вероятно, шла и выше, окружая со всех сторон деревянные стены землянки. Внутренний размер ее небольшой, всего 3×3 м, при глубине пола 0.85 м. Тип этого жилища уже более по-

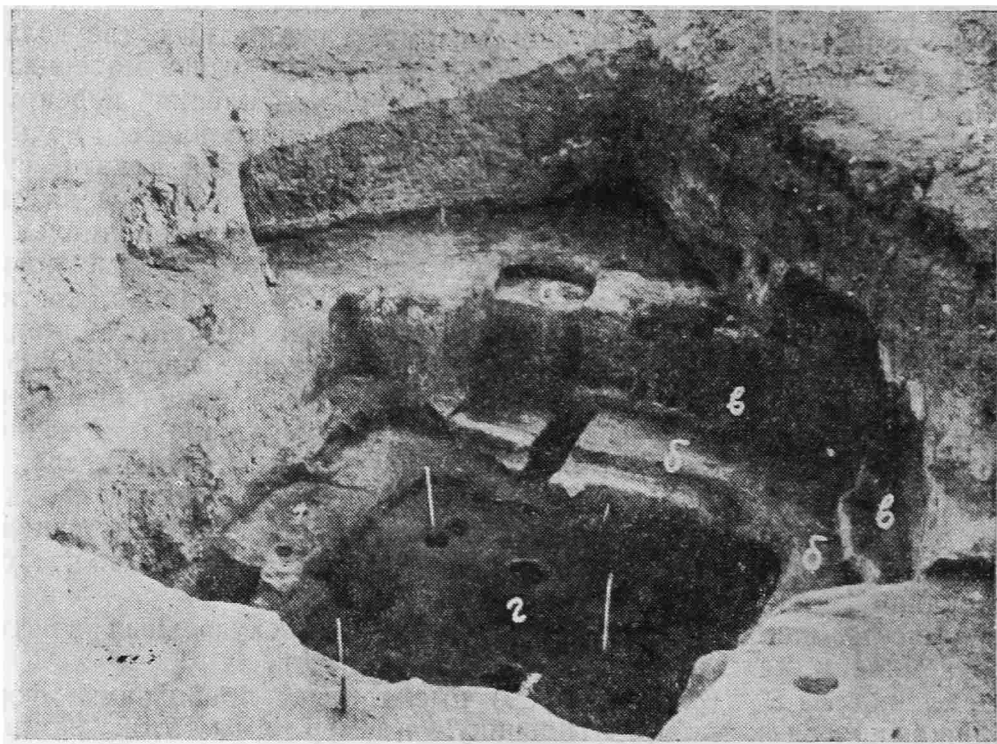

Рис. 39. Суздаль. Землянка № 2 — вид с северной стороны.
а — вход, б — нары, в — остатки плетня, г — очаг.

ходит на полуземлянку, чем на землянку. С южной стороны находился вход шириной около 1.6 м, выдававшийся наружу на один метр. Таким образом, имелись как бы небольшие сени с деревянными ступеньками для спуска. Дверей было уже две: наружная и внутренняя, обе шириной около метра. Посередине землянки, очевидно, находилась печь на деревянном основании, а с западной стороны ее были деревянные полати-голубец. Культурный слой, заполнявший яму полуземлянки № 3, был беден находками. Кроме фрагментов глиняной посуды с линейным орнаментом и без него, обычных для древнерусских слоев, здесь найдены глиняный горшок с клеймом на нижней части стенки в виде круга, разделенного на прямоугольные клетки и медный язычок от пряжки; в верхних слоях — три ножа, железная заклепка и некоторые другие предметы. Эта полуземлянка может быть датирована XIII—XIV вв. и, повидимому, является наиболее поздним из обнаруженных в Суздале жилищ земляночного типа.

К полуземлянке № 3 с западной стороны примыкала полуземлянка № 4. Обе полуземлянки между собой соединялись внутренним проходом шириной 1.6 м и длиной 0.95 м. Эта полуземлянка имела форму правильного четырехугольника. По линии южной и северной отвесных стенок ее также имелись в грунте ямки от жердей и тонких горбылей, составлявших внутренние стенки землянки. По линии восточной и западной стенок следы от столбиков прослеживались только в культурном слое и не были врыты в грунт. Очевидно, эти

стенки были сделаны не так основательно как две другие, на которых, вероятно, и держалось двухскатное покрытие. Жерди и горбыли стояли реже, чем полукруглые бревна стен полуземлянки № 3 и имели менее правильное расположение. Несомненно, и здесь стены с наружной стороны были обложены глиной. Внутренний размер этой полуземлянки 2.3×2.4 м, а пол ее был ниже поверхности всего на 0.5—0.6 м. В культурном слое, заполнявшем яму от полуземлянки № 4, найдено несколько кусков медных и железных шлаков, железная пряжка, часть железной иглы, обломок стеклянного браслета и пр. Наибольший интерес составляют находки фрагментов от двух крупных сосудов красного цвета с вертикальными полосами от лощения и от сосуда с волнистым и линейным орнаментом и с дополнительным отверстием в боку, а также фрагментов горшка высотой 7 см со следами клейма на днище. Один из красных горшков с вертикальным лощением имел, очевидно, высоту 32 см (при диаметре отверстия 22 см), а второй — 15 см. Нахождение посуды, более легкий и менее тщательный вид постройки заставляют предполагать, что данное помещение имело подсобный хозяйственный характер, было выстроено в дополнение к полуземлянке № 3 уже после ее сооружения и относится к тому же времени.

Землянка № 7 имела в грунте яму четырехугольной формы с закругленными углами, размером 3.2×3.2 м. Стенки ямы спускались покато, причем у основания их, на глубине 90 см, находились ямки от вбитых в грунт столбиков-кольев, которые составляли укрепление внутренних стенок землянки. Укрепление из кольев имелось по всем четырем стенкам, за исключением юго-восточного угла, где находился вход. Пространство между кольями и стенками ямы плотно забивалось глиной. Колья и обкладки из глины доходили до покрытия. Покрытие землянки имело, очевидно, четырехскатную форму, приближающуюся к конической. Покрытие упиралось в землю около краев ямы землянки. В центре землянки обнаружены остатки очага, который находился в углублении пола в 60 см. Здесь было найдено скопление обожженных камней, углей, золы и фрагментов глиняной посуды. В юго-западном углу имелись следы ямы овальной формы, диаметром около 1 м и глубиной 75 см. Она, очевидно, служила для хранения запасов. Внутренний размер землянки очень небольшой, всего 2.35×2.25 м. Вход был расположен на южную сторону, во внутрь спускались по деревянной лесенке. Культурный слой, заполнявший яму от землянки, был довольно богат находками, характерными для городских слоев XI—XII вв. Здесь найдены части стеклянных браслетов и перстней, бусы зеленого цвета, фрагменты флаконов из светложелтого крупного стекла, костяной гребень, шиферное пряслице, железные ножи, кованые гвозди, конские удила, медные и железные шлаки, днища горшков с гончарными клеймами, фрагменты глиняных сосудов с линейным орнаментом и др. Землянка № 7, по-видимому, относится к более ранним и может быть датирована XI—XII вв.

Полуземлянка № 8 в основном похожа на полуземлянку № 3. Яма полуземлянки № 8 имела четырехугольную форму в 3.4×3.6 м, причем в середине западной стороны имелся незначительный полукруглый выступ, где, вероятно, находился вход. Особенностью данной полуземлянки является сруб, который, очевидно, опоясывал несколькими венцами нижние части вертикальных бревен стен землянки. С внутренней стороны сруба, в углублении пола шириной 27—30 см, имелись следы от вертикальных столбов, составлявших стену полуземлянки. Все четыре стены состояли из довольно часто поставленных тонких круглых и полукруглых бревен и горбылей, которые, по-видимому, были обмазаны глиной: куски обмазки встречались в культурном слое. Внутренний размер землянки составлял приблизи-

тельно 2.5×2.7 м. Пол на 80 см ниже уровня появления материка. Остатки очага или печи не обнаружены, но, повидимому, печь находилась в юго-восточном углу, справа против входа.

В нижнем культурном слое мощностью 30 см над полом было обнаружено несколько поделок из железа неопределенного назначения, два ножа, три куса железного и медного шлака, части костяных игл и прокол, фаланга с просверленным отверстием, два астрагала с отверстиями для подвешивания, копьевидная подвеска из розового камня к ожерелью, три фрагмента стеклянных браслетов, три обломка днищ с гончарными клеймами и плитка-лешадка с желтой поливой и темной полосой от рисунка. Из фрагментов глиняной посуды с линейным орнаментом было 9%; без орнамента, тонких, с примесью песка — 55%; без орнамента, более грубых, с значительной примесью дресвы — 25%, красных с лощением — 10%. Землянка № 8 может быть датирована XII—XIII вв.

Полуземлянка № 9 также имела яму четырехугольной формы 3.0×3.4 м и глубиной 50 см, без следов сруба, но также с ямками вдоль стен от кольев или столбиков, служивших укреплением стен землянки. В юго-восточном углу находилась яма 1.70×1.95 м и глубиной 2.15 м, служившая для хранения запасов. Эта яма могла быть использована и после уничтожения землянки, когда и была, очевидно, значительно расширена.

Под северо-западным углом полуземлянки № 9 находилась восточная часть землянки № 10, у которой западная половина также оказалась ниже пола полуземлянки № 8. Землянка № 10 имела более вытянутую с запада на восток четырехугольную форму, примерно 2.0×2.8 м; пол ее был на 35 см ниже пола землянки № 9 и на 90 см ниже уровня появления грунта. Вдоль стенок землянки № 10 шли частые ямки от кольев, являвшиеся внутренним креплением стен, а по углам имелись ямы от больших столбов, поддерживавших покрытие. Стенки ямы, очевидно, спускались отвесно. В юго-восточном углу землянки находилась яма очага в 80×75 см, глубиной около 40 см.

Полуземлянка № 9 характеризуется керамикой по преимуществу темной, с большой примесью дресвы. Клеймо на днище гончарного сосуда встречено одно. Из других предметов быта здесь найдены: железные ножи, наконечники стрел, два шиферных пряслица, 19 обломков стеклянных браслетов и несколько поделок из кости.

В землянке № 10 было найдено лишь два обломка стеклянных браслетов и небольшое количество фрагментов керамики того же типа.

Несомненно, обе землянки разновременны: полуземлянка № 9 может относиться к XII—XIII вв., а землянка № 10 — к XI—XII вв. Полуземлянка № 8 была моложе полуземлянки № 9.

Землянки № 5—10 располагались почти по одной линии и составляли целый порядок улицы, которая по отношению к центру имела радиальное положение.

Кроме жилищ земляночного типа, на той же территории в грунте открыты в 1940 г. подпольные ямы деревянных наземных домов с глинобитными печами. Подпольные ямы были круглой, овальной и четырехугольной формы, с полукружьями на противоположных концах. Размеры их — от 4.5 до 5.5 кв. м, а глубина — 0.65—1.10 м. Всего подпольных ям наземных домов обнаружено три. На дне двух из них находились части глинобитных печей. При расчистке культурных напластований, заполнявших подпольные ямы, были обнаружены угли, зола, кости животных, куски обожженной глины от печей, а в одной из ям находилась довольно большая часть глинобитной печи с

¹ Землянки № 9—11 вскрыты в 1939 г. отрядом ГИМ под руководством Л. А. Голубевой.

остатками пода из небольших кирпичиков. Из вещей здесь найдены: ножи курганного типа, брусок для наточки, ключи раннего типа, шиферное пряслице и пряслице из черепка с зеленой поливой, часть глиняного сосуда с цилиндрической полый ручкой, гончарные клейма, фрагменты глиняной посуды с поливой и без поливы красного цвета, несколько обломков стеклянных браслетов, бусы и пр. Подпольные ямы, очевидно, принадлежали наземным деревянным домам XIII—XIV вв.

В том же году, рядом с землянкой № 7, обнаружены, повидимому, остатки мастерской. Здесь, на площади размером около 66 кв. м, частично разрушенной более поздними сооружениями, находились ямы от круглых толстых бревен или плах; овальная яма (подполье) 0.9×1.3 м и глубиной 1.2 м, с остатками мелких кусочков окиси железа; очажная яма 1.9×2.3 м и глубиной 0.45 м, с кусочками кричного железа и шлака, а также ряд других углублений с обломками железных предметов. Мастерская может быть датирована XI—XII вв.

Культурный слой, заполнявший ямы от землянок и подполий, как и вообще нижний слой культурных напластований территории заповедника, содержал находки, характерные для ранних феодальных городищ, начиная с IX—X по XIII—XIV вв. К ним относятся найденные в изобилии обломки глиняной посуды с типичным линейным и волнистым орнаментом; находки лепной керамики были единичны, имеется керамика с поливой желтого и зеленого цвета; днища сосудов с поддонами и разнообразными клеймами, полые глиняные ручки от сосудов, а также железные ножи, стрелы, рыболовные крючки, ключи, замки, огнива, шпорцы с козырьками, медные пряжки, височные кольца, перстни, браслеты, костяные шилья, проколки, псалии, кочедыги, ухвертки, привески-астргалы, гребни, резная пластинка с позолотой, стеклянные бусы, части флаконов светложелтого цвета, шиферные и глиняные пряслица, 3 серебряных слитка в виде рублевых гривен новгородского типа X—XI вв., западноевропейская монета XII—XIII вв. и, наконец, плиткообразные кирпичи, поливные плитки от пола (собора) и много других.

Дальнейшее детальное изучение накопленного материала даст возможность установить более точную дату каждого типа древних жилищ горожан — ремесленников и проследить последовательность развития их формы.

Над нижними слоями, находящимися, примерно, на глубине 0.95—1.50 м от современной поверхности, имелись культурные слои с находками XV—XVII вв. (глубина 0.6—0.95, 1.05 м). И, наконец, на глубине 0.6 м и выше находились слои с предметами XVII—XX вв. В слоях среднего и верхнего горизонта также обнаружены остатки жилых и хозяйственных комплексов, в силу чего стратиграфия нижележащих слоев часто оказывалась нарушенной.

II

Из материалов, связанных с нашими раскопками Суздальского собора,¹ остановимся лишь на вопросе о гробнице, открытой в его южном притворе. Здесь, на глубине 82,5 см, было обнаружено *in situ* несколько тонко тесаных известковых половых плит 20×20 см; на этой же глубине в центральной части собора также была найдена большая известковая каменная плита. Повидимому, те и другие известковые плиты представляют собой пол, относящийся к строительству Юрия Долгорукого 1148 г.

С южной стороны сохранившихся в притворе половых плит обнаружен белокаменный тесаный саркофаг (рис. 40). Саркофаг был по-

¹ Раскопки проводились автором и А. Д. Варгановым.

крыт плитой соответствующей формы, состоящей из двух частей; плита была положена на саркофаг на проливке известкового раствора. Поверхность верхней плиты саркофага находилась на том же уровне, что и остатки пола, относимого нами к XII в.

В саркофаге обнаружено потревоженное мужское погребение. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Левая часть че-

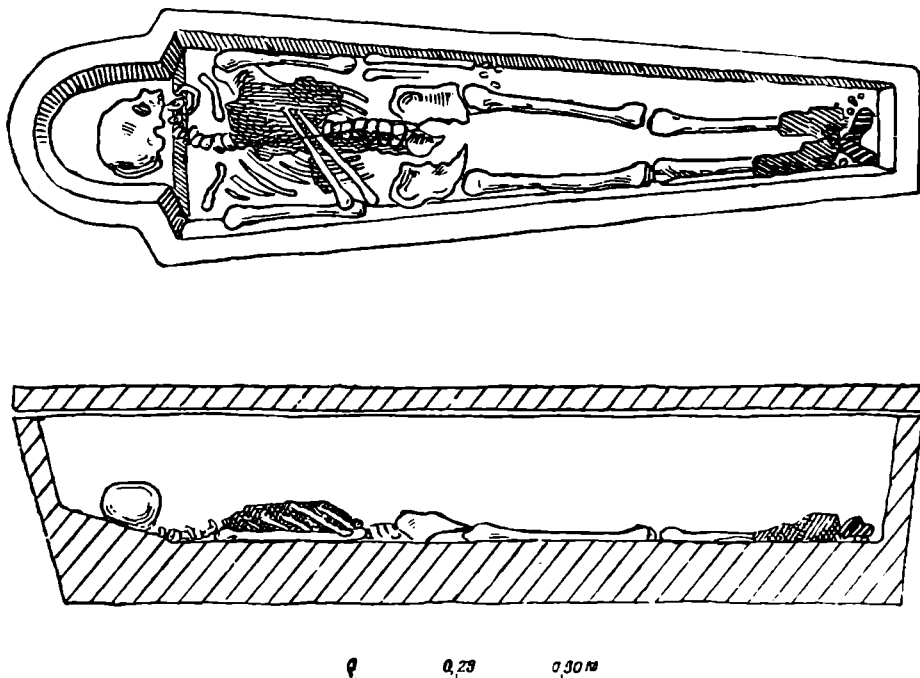

Рис. 40. Суздаль. Гробница князя Святослава Юрьевича.

репа оказалась повернутой налево. Правая рука положена на грудь, левая вытянута вдоль тела. Костяк довольно хорошей сохранности. На костях находились истлевшие части шерстяной редкой ткани коричневого цвета. Ткань имела кайму, от которой сохранились шелковые нити. На ногах имелись остатки кожаной обуви в виде туфель или башмаков. Выше их шла обмотка из шерстяной ткани. Судя по типу саркофага, аналогичный которому был найден Н. Н. Ворониным в Боголюбове и датирован им XII в., а также по нахождению нашего саркофага в полу собора того же времени, следует отнести описанное погребение к XII в. Согласно указанию Лаврентьевской летописи под 1174 г., в Суздальском соборе был погребен сын Юрия Долгорукого — Святослав. Весьма возможно, что данное погребение и принадлежит Святославу Юрьевичу (ум. в 1174 г.).

III

Кроме вышеописанных исследований в г. Суздале, в 1939—1940 гг. проводились рекогносцировочные работы по изучению древних городских оборонительных укреплений и торговой («острожной») части города.¹

Наружное обследование восточных кремлевских валов дает возможность считать, что валы были сооружены в XII в. на культурном слое IX—XI вв. Высота северо-восточного вала от материка до современной вершины 8.6 м, ширина верхней площадки 25 м, угол наклона с наружной стороны равен 40°, а с внутренней — 50°, высота вала от дна рва — 16.5 м, у восточного вала ров имел ширину до 35 м, глубину 3.5 м, а высота самого вала от дна рва до вершины 15.4 м.

¹ Работы проводились Суздальским отрядом экспедиции под руководством А. Д. Варганова.

Во рву находки ранее XVII в. отсутствовали, что объясняется его чисткой. В некоторых местах осыпи вала прослеживалась внутренняя бревенчатая конструкция его крепления.

В «острожной» части города оказался культурный слой мощностью в 0.8 м, с характерными для XII в. находками. Под культурным слоем в материке прослежены три ямы круглой и овальной формы от подполья деревянных наземных домов, аналогичные открытым в 1940 г. в кремле города по ул. Коммуны.

Обследование второго, «острожного», вала показало, что он насыпан на культурном слое XII в. и его сооружение относится к XIII в. Внутренней городни этот вал не имел. Обнаруженные следы частокола из бревен и мелких кольев по гребню вала, по всей вероятности, относятся к началу XVII в. В том же валу, на так называемых «теремках», была открыта «селитренница». Использование вторых суздальских валов в середине XVII в. при селитроварении подтверждается и письменными источниками.

IV

Между южной заставой г. Суздаля и с. Михайлова-Сторона, при впадении в р. Каменку речки Мжары, находится до 150 курганных насыпей. В 1937 г. здесь был раскопан курган высотой 0.80 м и диаметром 6 м. Под насыпью кургана, в могильной яме глубиной 0.65 м, было обнаружено женское погребение. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад с отклонением к югу на 10°, руки были несколько согнуты, фаланги пальцев находились на тазовых костях, длина костяка 1.5 м. При костяке на правой и левой височных костях, вместе с остатками волос, найдены 8 медных проволочных перстнеобразных височных колец, характерных для владимирских курганов XI—XII в. Очевидно, могильник, наряду с более поздними погребениями, имеет и более ранние захоронения. На наличие здесь поздних погребений указывал еще А. С. Уваров; это подтвердилось и раскопанным мной в 1927 г. курганом.

А. Ф. Дубынин

(Иваново)

КЪАРХИТЕКТУРНОЙ ИСТОРИИ СУЗДАЛЬСКОГО СОБОРА (XI—XVII вв.).

Суздальский собор Рождества богородицы является одним из интереснейших, но в то же время и наиболее сложных памятников древнерусского зодчества. Неоднократные перестройки и ремонты за время с XI по XVII в. сильно исказили первоначальный собор, что вызвало противоречивые суждения о нем в научной литературе. В связи с этим, автору пришлось уделить много лет детальному изучению памятника. Основные выводы этой работы и изложены в данной статье.

I

Первым вопросом, естественно, является вопрос о соборе Мономаха (1096—1110 гг.).¹ Раскопками 1938 г. у южной стены собора,² на глубине 2.40 м под слоем заливки из розовой цемянки, была обнаружена стена древнейшей постройки, шедшая почти параллельно стене собора на 0.90 м к югу (рис. 41). Стена толщиной 1.70 м сложена из рядов плиткообразного кирпича (размером 23 × 24; 32 × 23 см), чередующихся с рядами бутового камня на розовой це-

¹ Лавр. лет. под 1222 г.

² Раскопки производились А. Ф. Дубыниным и мной. См. наш отчет за 1938 г.

мянке толщиной 3—4 см; фундамент (глубиной 0.58 м) — из бутового камня с известковой проливкой этого же состава. Стена была подрублена и опрокинута на южную сторону. От обнаруженной стены под фундамент существующего собора отходила перпендикулярно стена, отделявшая нартекс древнего собора. В юго-западном углу на стене был обнаружен фрагмент орнаментальной фрески и остатки пола из

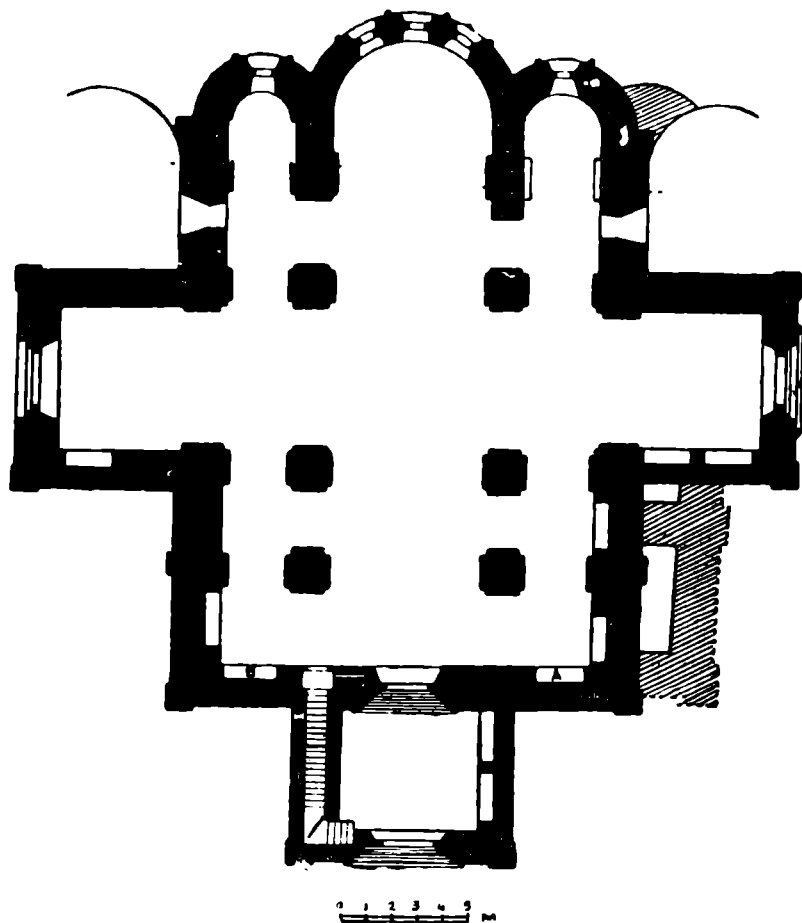

Рис. 41 Суздаль. Рождественский собор. План.

тех же кирпичей, плотно затертых цемянкой. Раскоп, заложенный около южной апсиды, открыл остатки полукруглой апсиды той же кирпичной кладки.

Это пока все, что мы имеем от собора Мономаха; по масштабам он почти равнялся существующему зданию XIII в. Около собора шла мостовая из плиткообразного кирпича, пролитого той же цемянкой. Техника кладки, аналогичная киевской XI—XII вв., позволяет считать первый суздальский собор работой киевских мастеров, вызванных Владимиром Мономахом. Его дата определяется между 1096 г. (пожар в Суздале, в рассказе о котором собор не упомянут)¹ и 1110 г. (укрепление г. Владимира Мономахом).² План обнаруженного собора может быть реконструирован как трехапсидный, шести-столпный (с нартексом), т. е. по типу Печерской церкви в Киеве. На эту зависимость указывает и Печерский патерик, отмечая, что современный Суздальскому Ростовский собор был построен Мономахом по образцу «Великой Печерской церкви».³

¹ Лавр. лет. под 1096 г.

² А. Б у н и н О времени основания г. Владимира на р. Клязьме, М., 1898 г. стр. 12.

³ Патерик Киево-Печерского монастыря, СПб., 1911, стр. 9.

Есть основание считать, что собор Мономаха, по аналогии с собором Печерского монастыря, был посвящен Успению богородицы.¹

II

Фундамент существующего собора в целом, вместе с притворами, в своей нижней части относится к одному времени; он сложен из крупного бутового камня, выровненного по всему периметру двумя рядами плиткообразного кирпича, поверх которого идет кладка из крупных тесаных блоков ноздреватого известняка. При этом кладка южного притвора, в части выше обреза фундамента, не имеет перевязи с кладкой южной стены собора: кладка в притык ясно видна как снаружи, так и внутри собора, а цоколь притвора расходитя по уровню с соборным.

Раскопкой внутри южного притвора был открыт белокаменный саркофаг — повидимому, погребение кн. Святослава Юрьевича (ум. в 1174 г.)² и пол из мелких белокаменных плит на уровне крышки саркофага; в арочном проеме, ведущем в собор, был обнаружен фундамент стены из туфа и плиткообразного кирпича, отделявшей притвор от собора. Растеска этого проема может быть отнесена к XIII в., так как на его простенках обнаружен фрагмент орнаментальной живописи этого времени (полотенца), а в основании — остатки пола из поливных плиток XIII в. В отличие от южного притвора, северный крайне беден по своей отделке, он сближается по своим формам с постройками Юрия Долгорукого (портал без колонок, скромный поребрик); однако под его порталом был обнаружен раскопкой другой портал, состоящий лишь из двух уступов, и цоколь-отлив. Ту же картину прикладки к основному массиву собора представляет алтарная часть; изнутри этот шов ясно различим по линии внутренних лопаток жертвенника³ и диаконика до высоты 2,5 м, где белокаменная кладка перевязывает все части в единое целое (рис. 42).

Эти особенности указывают, что между строительством Мономаха и Георгия Всеволодовича (1222 г.) в истории собора есть промежуточный строительный период.

Печерский патерик, вопреки Лаврентьевской летописи, сообщает, что Суздальский собор был построен не Мономахом, а его сыном Юрием Долгоруким, который, по примеру отца, взял за образец для нового храма тот же Печерский собор.⁴ Это указание Патерика заслуживает полного доверия, так как его автор, епископ владимирский Симон (+ 1226 г.), был современником строительства 1222 г. и хорошо знал прошлое собора. Указание I Новгородской летописи о «великом священии» в 1148 г. церкви богородицы в Суздале новгородским архиепископом Нифонтом⁵ подтверждает данные Патерика. Далее, Лаврентьевская летопись, описывая ремонт Суздальского собора Всеволодом III (1194 г.), отмечает, что здание было покрыто «оловом от верху до комар и до притворов»,⁶ которых у собора Мономаха не могло быть. Это дает некоторое основание относить фундаменты существующего собора, а следовательно, и его план с притворами к строительству Долгорукого в 40-х годах XII в.⁷ Этим объясняются, в частности, и наличие в южном притворе саркофага 1174 г. и архаические (для XIII в.) черты северного притвора, а также отмеченный выше факт

¹ Надпись в росписи Успенской ц. в Суздальском кремле.

² См. выше статью А. Ф. Дубынина.

³ Они, как оказалось по расчистке, представляют как бы остатки стен апсиды (см. рис. 41).

⁴ Патерик, ук. место.

⁵ Новг. I лет. под 1148 г.

⁶ Лавр. лет. под 1194 г.

⁷ Как это предполагала Г. Ф. Корзухина. См. Рязань в сложении архитектурных форм XII в. Сборник аспирантов ГАИМК, 1929.

перекрытия развалин Мономахова собора слоем цемянки. Все притворы отделились от центрального помещения собора стеной с дверными проемами. Покрытые в 1194 г. тяжелой свинцовой кровлей,

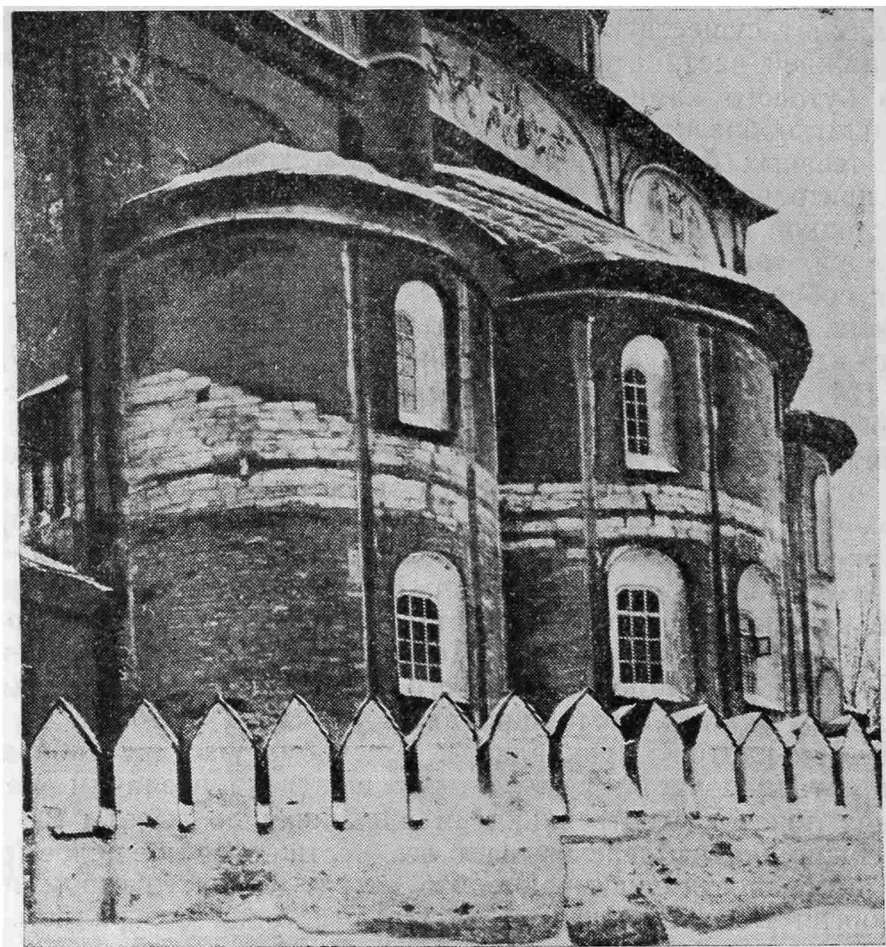

Рис. 42. Суздаль. Рождественский собор. Апсиды.

своды собора 1148 г., повидимому, не выдержали ее тяжести: в 1222 г. «верх его впал бе» (Лавр. лет.). Это и привело к перестройке собора в 1222—1225 гг. кн. Георгием Всеволодовичем.

III

Судя по тексту летописи, после крушения сводов массив собора все же сохранился. По наличию в постройке 1222—1225 гг. вторично использованных материалов (плит туфа, тесаного камня, кирпича) можно заключить о трудностях в снабжении новым однородным строительным материалом. Кирпичный лом от разрушения собора 1096—1148 гг. был использован для забутовки внутренней полости и кладок стен. Кроме того, строители XIII в. изготавливали новый кирпич иных размеров (15×23 , $33 \times 46 \times 9$ см; последний шел для полов); по фактуре он родственен кирпичу из раскопок Н. Н. Воронина собора Княгинина монастыря во Владимире. В постройках Владимира XII в. основным материалом является тесаный белый камень, из туфа кладутся иногда своды. В Суздальском же соборе распределение материала как раз обратное: ноздреватый туф является основным материалом нижней части стен, а тесаный камень — верхних.

Это позволяет предполагать, что строительство XIII в. производилось на старом фундаменте с частичным сохранением стен собора 1148 г.; поэтому перестроенный в 1222—1225 гг. на общем фундаменте 1148 г. южный притвор в частях выше обреза не имеет перевязи с

сохранившейся стеной собора 1148 г. Характерно также, что свод притвора врезается в аркатуру фасада; эту неувязку можно объяснить лишь тем, что фундамент притвора 1148 г., использованный строителями 1222 г., связал их, определив высокую дугу свода, который и перебил аркатуру. В связи с этим мастерам пришлось изменить характер перспективного портала: вместо 8 выступов (как у западных порталов), они сделали на южном лишь 3, так как иначе свод должен был подняться еще выше и совершенно закрыть аркатурный пояс.

Северный притвор пока не доступен обследованию, так как закрыт с боков позднейшими пристройками; по отмеченным выше чертам, сближающим его с зданиями времени Долгорукого (церковь в с. Кидекша, собор в Переяславле — 1152 г.) он, быть может, целиком следует формам предшествующего портала 1148 г.

Западный фасад, в особенности его центральное прясло с притвором, относится к XIII в.; от предыдущих соборов он отличается большим применением нового кирпича. Резные порталы, возможно, вделаны в 1222 г., когда арочные проемы соединили с пространством собора также и боковые притворы.

Приведенные данные показывают, что строительство 1222—1225 гг. началось с разборки упавших сводов и разрушения слабых частей стен, причем вместе с новым был использован вторично старый камень; затем был произведен ремонт сохранных стен и пристройка новых частей на старом фундаменте (отсюда отсутствие перевязи, например, апсид южного притвора); и, наконец, стены выровняли надкладкой тесаным камнем в перевязь; полоса кладки на уровне аркатурного пояса связала здание на середине его высоты.

Собор 1222—1225 гг. имел огромные хоры, занимавшие пространство вплоть до главного поперечного нефа; нами расчищены явные следы подпружных арок, несших своды хор, на обоих парах западных столбов. Под хорами в стенных аркосолиях помещались погребения. В 1940 г. нам удалось обнаружить два новых аркосолия в западной части собора (рис. 41, А и Б); свод обоих выложен из плиткообразного кирпича на чистом известковом растворе; юго-западный аркосолий (А) сохранил орнаментальную роспись XIII в., второй (Б) — орнаментальную розетку XVII в.

Необходимо отметить произведенные в XIII в. работы по укреплению фундамента собора, вызванные явной слабостью фундаментов конца XI в. и 1148 г. Укрепление фундамента собора в 1222—1225 гг. было произведено, как показали раскопки, путем мощной насыпи земли и бута в радиусе 10—30 м от стен собора (рис. 43). Если фундамент собора Мономаха находился под землей всего на 0.53 м, то фундамент здания XIII в. — на 2.80 м.

Таким образом, собор 1222—1225 гг. сохранил план собора 1148 г., за исключением вновь растесанных арок, соединяющих помещение собора с боковыми притворами, и перспективных порталов. Покрытие собора было по законам. Здание завершалось тремя куполами. Вся резьба собора принадлежит 1222—1225 гг.

Отметим в дополнение к характеристике резной декорации собора, известной в литературе, различие убранства северного и главного южного фасада. Над украшением первого работали более посредственные резчики, он вообще значительно беднее. Орнаментальные мотивы пояса южного фасада разнообразнее; особенно пышно обработан южный притвор. Найденный нами рисунок нач. XIX в. позволяет предполагать, что фасад южного притвора, подобно собору в Юрьеве, имел парные резные камни по бокам портала и крупный рельеф над его замком. Отсутствие на этом же рисунке изданного Н. А. Артлебенем окна диаконика с арочным наличником¹ позволяет сомневаться

¹ Атлас к Трудам I археологического съезда.

в его реальности. Рельефы, перебивающие лопатки, находятся на первоначальных местах и не относятся к переделке XVI в.¹ В 1233 г. вместе с росписью собор был «помощен мрамором красным различным»; от этого убранства при раскопках найдены обломки майоликовых плиток (желтого, зеленого, темнокрасного и черного цвета) иногда со знаками мастеров на обороте, а также майоликовые кубики от

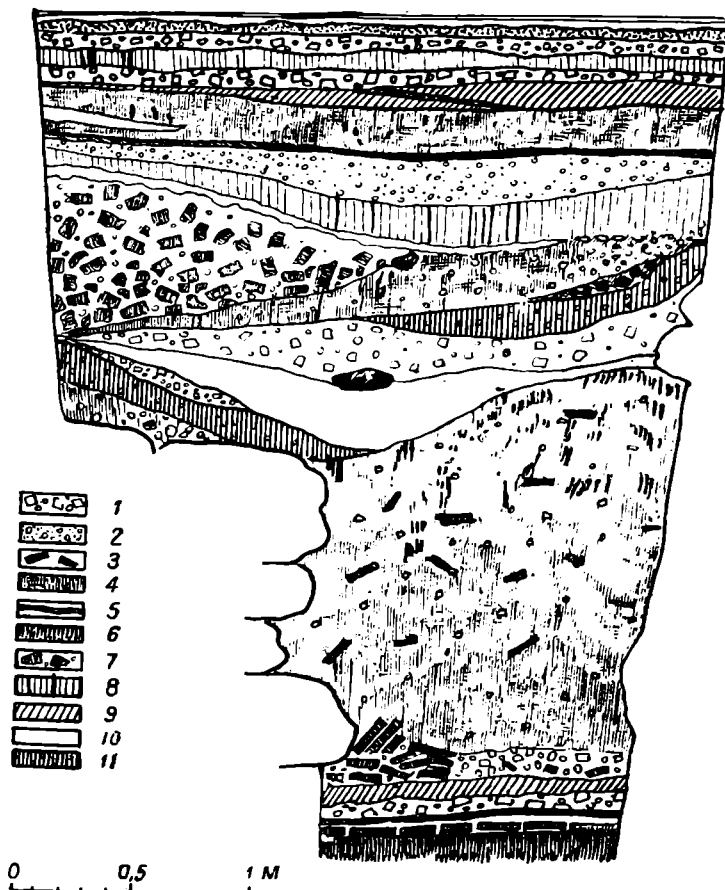

Рис. 43. Суздаль. Рождественский собор. Профиль напластований у стен собора.

1 — щебень, 2 — известь и песок, 3 — кирпич XI в., 4 — темная земля, 5 — прослойка черной земли, 6 — черная сырая земля, 7 — кирпич XVI — XVII вв., 8 — серая земля, 9 — глина, 10 — известь, 11 — серая земля с известью.

наборных мозаичных полов, аналогичные кубикам, найденным при раскопках Н. Н. Ворониным владимирского Детинца и относимым к убранству надвратной церкви.

IV

Особый интерес представляет западный фасад собора (рис. 44). При обследовании этого фасада (в 1934 г.) в его центральном прысле над западным притвором был обнаружен заложенный кирпичом XVII в. дверной проём (шириной 1.90 м). Арка и косяки проема выложены из тонкого плиткообразного кирпича и ноздреватого известняка. Порог выстлан кирпичом и белокаменной плитой, имеющей следы стертости от хождения. Эта дверь вела на хоры собора, упраздненные в XVII в. Дверь выходила в сводчатое помещение второго этажа над западным притвором, который был, таким образом, двухэтажной башней; следы кладки свода этого верхнего этажа сохранились над дверным прое-

¹ Ср. К. К. Романов. Вновь открытые рельефы Суздальского собора, Сообщения ГАИМК, 1931, № 3, стр. 17.

мом. Эта своеобразная черта устройства хода на хоры ставила второй вопрос — каким же образом проникали в верхний этаж притвора?

По аналогии с Боголюбовским комплексом¹ можно было предполагать, что сюда подводили переходы с западной стороны; в связи с этим были сделаны три шурфа, расположенные к западу от собора по его оси. Разведка обнаружила мощную подсыпку (до 2.80 м) XIII в.

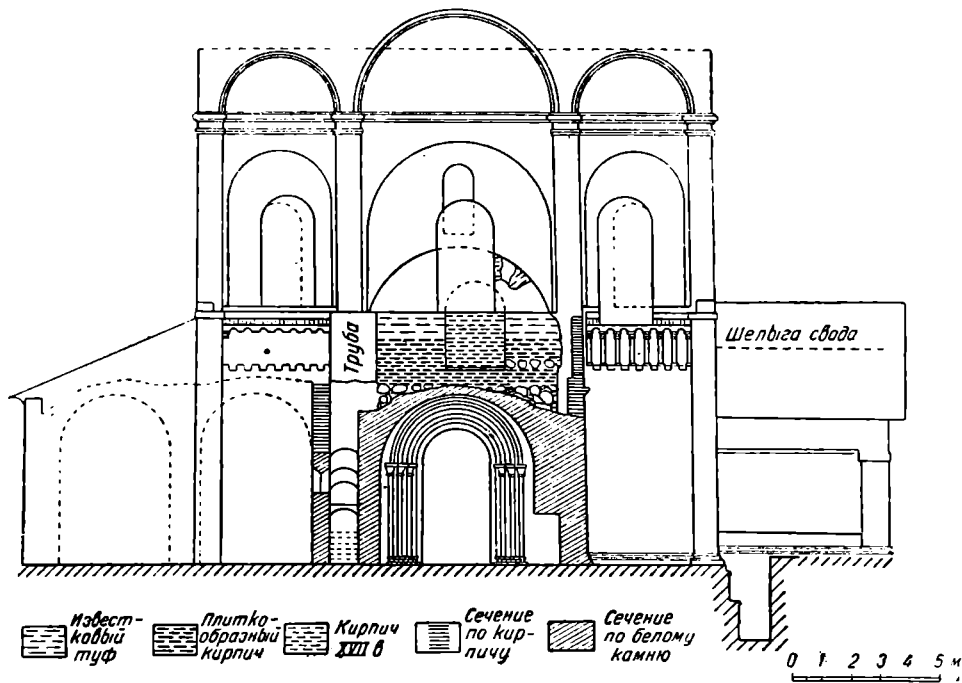

Рис. 44. Суздаль. Рождественский собор. Западный фасад.

для укрепления старого фундамента собора, о которой сказано выше (рис. 43). Шурф в притворе собора раскрыл лишь мостовую XI в. из плитчатого кирпича, залитого цемянкой, и окружающую, повидимому, собор. Никаких следов предполагавшихся переходов обнаружено не было. Затем был детально обследован западный притвор. Оказалось, что северная его стена толще южной на 0.80 м.

При расчистке западной стены собора против места соединения с ней северной стены притвора был обнаружен проем в белокаменной стене, размером 1.01×1.91 м; его арка и косяки выложены также белым камнем. Проем вводил из собора на лестницу, шедшую внутри северной стены притвора кверху. Лестница была засыпана щебнем и мусором, среди которого обнаружены обломки тесаного белого камня, тонкий плиткообразный кирпич, кости домашних животных и птиц; здесь же была найдена железная кирочка XVII в.: все это было залито известковым раствором.

После расчистки открылась лестница в 25 ступеней, ведущая в верхний этаж над притвором (рис. 45). Ступени и стены лестницы выложены из тонкого плиткообразного кирпича на чистом известковом растворе. Любопытна подробность: уклон лестницы не дает прямой линии, но имеет прогиб; возможно, что шнур, по которому велась кладка, провис. На северной стенке — окно щелевидной формы с крутым отливом наружу и внутрь. Перекрытие лестницы состоит из постепенных повышающихся сводов, один из которых разрушен. Интересно, что входная дверь открывалась во внутреннее помещение лестницы, о чем говорят специальные ниши в стенах и отверстия для задвижки (0.15 и 1.50 м глубиной).

¹ См. выше статью Н. Н. Воронина.

В отличие от памятников Владимира XII в., где хоры соединялись с княжескими или епископскими палатами и были, таким образом, исключительной принадлежностью дворцового обихода, в Суздальском соборе их значение изменилось: на хоры могли попадать более широкие общественные слои, например, верхи городского посада и купече-

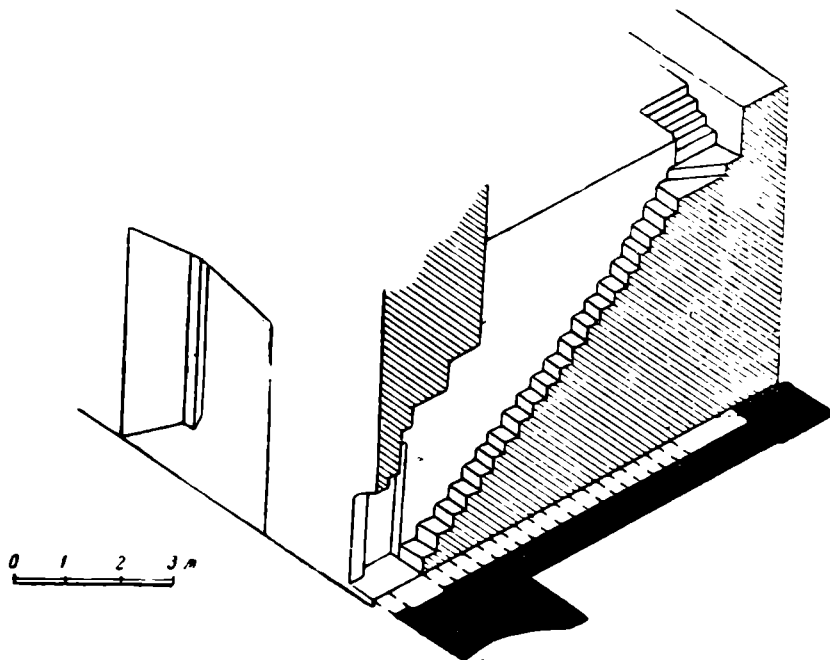

Рис. 45. Суздаль. Рождественский собор. Лестница на хоры.

ства. Суздаль в XIII в. уже не был княжеским стольным городом: сам княжой двор находился во Владимире. Возможно, что именно этим и объясняется огромная площадь хор, простиравшихся вплоть до центрального поперечного нефа.

А. Д. Варганов

О ДАТИРОВКЕ ВРАТ СУЗДАЛЬСКОГО СОБОРА

I

В статье А. Д. Варганова «Фрески XI—XIII веков в Суздальском соборе»¹ вновь, хотя и мельком, поднят вопрос о датировке южных и западных медных врат собора. На основе родства их орнаментов с орнаментами фресок и рельефов собора автор считает, что врата «бесспорно датируются началом XIII века».

Вопрос о дате врат Суздальского собора в научной литературе окончательно не выяснен и поэтому на нем стоит остановиться подробнее, попытавшись подыскать более определенные исторические основания для датировки. Уже первые издатели врат² усомнились в справедливости легенды о привозе их из Корсуня вел. кн. Владимиром Святославичем³ и высказали предположение, что врата сделаны для собора, сооруженного в 1528 г. вел. кн. Василием. Датировка эта впоследствии никем не была поддержана как явно не соответствующая ни стилистическим, ни историческим особенностям врат.

¹ Краткие сообщения ИИМК, V, 1940, стр. 38—40.

² Древности Российского Государства, отд. VI, М., 1853, стр. 70—71. Воспроизведение см. в таблицах того же отдела, 30 и 31.

³ Изложено у А н а н и я Ф е д о р о в а — «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале, о построении и именовании его...», Временник Общества Истории и Древностей Российских, кн. 22, 1855, стр. 43—44.

Ф. И. Буслаев относил их (со знаком вопроса) к XIII—XIV вв.¹ Эта датировка в печати также не повторялась.

Более серьезно датировка врат была аргументирована Н. П. Кондаковым.² На основе сюжетов апокрифического характера западных врат (главным образом на основе изображения «Покрова») им установлено, что врата сооружены не ранее 2-й половины XII в. Сюжетика же южных врат — деяния архангела Михаила — дала повод считать их сделанными или городом в честь какого-либо князя Михаила, или поставленными им самим. Таким князем был признан Михаил Хоробрит, княживший во Владимире в 1248 г.,³ поэтому южные и западные врата были датированы Н. П. Кондаковым первой половиной XIII в., с отнесением южных ко времени после татарского нашествия, т. е. к 1248 г. Эта датировка была принята всеми авторами, упоминавшими после Кондакова о вратах,⁴ за исключением Соболевского, который по палеографическим признакам относил их более общо к XII—XIII вв.⁵ Связь южных врат с князем Михаилом Хоробритом никем не оспаривалась. Вопрос с датировке западных врат отдельно от южных почти не подымался. В. Т. Георгиевский датировал их концом XII — началом XIII в.⁶; позднее высказаны предположения о contemporaneity их построению собора (1222 г.)⁷ и о выполнении их при отделке собора в 1233 г.⁸ Все эти предположения никак не обосновывались.

II

Мне представляется несомненной не только общая стилистическая близость, но и ближайшее родство и западных и южных врат Суздальского собора с памятниками Владимиро-Суздальской земли, предшествовавшими татарскому нашествию, с рельефами Суздальского собора 1222—1225 гг., с рельефами Юрьев-Польского собора 1230—1234 гг. и с фресками Суздальского собора 1230—1233 гг. На это указывают характер и трактовка орнаментов, трактовка изображений отдельных святых, лиц и одежд в перечисленных памятниках, построение композиций Преображения, Троицы, Распятия и Покрова на вратах и в рельефах Юрьев-Польского собора и т. п.⁹ Эта связь врат с памятниками 20-х и 30-х гг. XIII в. ставит под сомнение датировку южных врат 1248 г. и их связь с кн. Михаилом Хоробритом.

В самом деле, очень трудно предположить построение драгоценных врат в соборе (князем или в честь князя) в Суздале в эпоху, непосредственно следующую за татарским разгромом Суздаля и Вла-

¹ Общие понятия о русской иконописи, Сочинения, т. I, СПб., 1908 г., стр. 132—143.

² Русские древности в памятниках искусства, вып. VI, СПб., 1899, стр. 70—72.

³ Сделался великим князем Владимирским в 1248 г., согнав со стола дядю — кн. Святослава; в том же году погиб в битве с литовцами на р. Протве и был погребен в Успенском соборе г. Владимира. Э к з е м п л я р с к и й. Великие и удельные князья, т. I, СПб., 1889, стр. 24—25.

⁴ Суздаль и его достопамятности, Изд. Влад. Ученой архивной комиссии, 1912, стр. 19; авторы приводят датировку Кондаковым врат перв. полов. XIII в. и его предположение о построении их самим князем Юрием (?); последнее мнение Кондакова в печати не появлялось. — Н. У ш а к о в. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губ., Владимир, 1913, стр. 181. — В. Т. Г е о р г и е в с к и й. Владимир, Суздаль, Переяславль Залесский, СПб., 1913, стр. 38—39. — М. Д о с т о е в с к и й. Суздаль, стр. 24. — А. И. Н е к р а с о в. Тверские врата Александровской слободы, Труды секции археологии РАНИОН, I, М., 1926, стр. 78. — А. И. Н е к р а с о в. Древнерусское изобразительное искусство, М., 1937, стр. 135.

⁵ А. С о б о л е в с к и й. Медные врата, Сб. «Русская икона», I, СПб., 1914, стр. 61.

⁶ В. Т. Г е о р г и е в с к и й. Фрески Ферапонтова монастыря, СПб., 1911, стр. 103.

⁷ А. И. Н е к р а с о в. Тверские врата Александровской слободы, Труды секции Археологии РАНИОН, I, М., 1926, стр. 78.

⁸ А. И. Н е к р а с о в. Древнерусское изобразительное искусство, М., 1937, стр. 135.

⁹ Я пока ограничиваюсь этой общей ссылкой на стилистическое родство врат с памятниками 20-х — 30-х гг. XIII в., так как сейчас моей задачей является лишь установление исторических оснований для их датировки. Подробное изучение стиля врат — дело будущего.

димира. В десятилетие 1238—1248 гг. летописи не сообщают ни о новом строительстве, ни о росписях, ни о каком-либо украшении церквей. Да и самая личность Михаила Хоробрита представляется мне слишком мало значительной для того, чтобы с ним могло быть связано построение этих врат. Он не княжил во Владимире и года¹; в летописях его характеристика бледна. Предположение Н. П. Кондакова о поддержке Хоробрита во Владимире и Суздале, основывающееся на факте его погребения в Успенском соборе, также неубедительно: Успенский собор во Владимире был усыпальницей владимирских князей, и погребение в нем кн. Михаила неудивительно. Изображение на южных вратах деяний ангелов и архангелов с особым выделением деяний архангела Михаила как архистратига, победителя сатаны, божественного карателя зла и помощника в битвах, — также не обязательно должно быть связано с каким-либо кн. Михаилом. Архангел Михаил считался «небесным покровителем» князей русских вообще. Именно так толкуется в летописях ангельская помощь русским князьям и роль архангела Михаила.² А так как князья входили в церковь южными вратами,³ то вполне естественным является помещение именно на них изображений деяний ангелов и их вождя — архистратига Михаила, «небесного патрона» русских князей.⁴ Таким образом, связь южных врат с кн. Михаилом Хоробритом представляется весьма сомнительной; стилистические же особенности врат уводят их в домонгольское время, к периоду строительства сыновей Всеволода. Документальные доказательства этого по-моему на-ходятся на самих вратах.

III

Ни один из исследователей не обратил внимания с этой точки зрения на изображения святых в круглых клеймах на средних валиках врат. Между тем, известен целый ряд указаний на связь изображений святых с соименными им князьями.⁵ Изображения святых на южных и запальных вратах Суздальского собора связываются с именами определенных князей и иерархов и позволяют уточнить время их создания.

На среднем валике южных врат изображены (сверху вниз): Георгий, Димитрий Солунский, Федор, еще раз Федор,⁶ мученик Нестор,

¹ О княжении Хоробрита в Суздале вообще ничего не известно. Экземплярский предполагает, что в 1246—1248 гг. в Суздале сидел Андрей Ярославич. Ук. соч., т. II, стр. 382.

² См., напр., Ипатьевскую летопись под 1110 и 1111 гг., Лаврентьевскую — под 1201 и 1225 гг.

³ Кондаков и Толстой. Ук. соч., стр. 72.

⁴ Именно в таком смысле изображен на шлеме кн. Ярослава-Федора Всеволодовича (найденном на месте Липецкой битвы) архангел Михаил с надписью: «вълики(и) архистратиже Гнь Михаиле помози рабу своему Феодору».

⁵ См. Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, Л., 1928 г. В памятниках искусства северо-востока XII—XIII вв. есть несколько примеров такой соименности: икона Димитрия Солунского конца XII в. (ГТГ), связанная с вел. кн. Всеволодом — Димитрием Юрьевичем, на ней изображен его княжеский знак (определено сотр. ГТГ В. И. Антоновой); изображение Георгия над входом в собор Юрьева-Польского с гербовым щитом владими́ро-суздальских князей, соименное первому строителю собора — вел. кн. Юрию Долгорукому; изображение Федора на шлеме кн. Ярослава-Федора Всеволодовича (Гос. Оружейная Палата).

⁶ Два изображения Федора на южных вратах, вероятно представляют Тирона и Стратилата. В памятниках византийского и русского искусства, X—XIV вв. жития и изображения Федоров—Тирона и Стратилата не разграничены четко, а иногда бывают и взаимно спутаны и замещают один другого. См. А. И. Анисимов. Реставрация фресок церкви Федора Стратилата в Новгороде, Старые годы, 1911, февраль, стр. 6—7. А. И. Анисимов. Новгородская икона Федора Стратилата, М., 1918, стр. 15—22 и 28—35. — А. И. Некрасов. Возникновение Московского искусства, М., 1929, стр. 124, 138—140, 148. — Н. Delehayе. Les légendes grecques des saints militaires, Paris, 1909, стр. 10—43.

мученик Евстафий, мученик Кир¹, Иоанн², пророк Даниил и три отрока: Анания, Азария и Мисаил. Таким образом, возглавляющим вертикальный ряд святых оказывается изображение Георгия, т. е. святого, соименного великому князю Владимирскому и Суздальскому Юрию Всеволодовичу, строителю Суздальского собора 1222—1225 гг.³. За ним идет Димитрий Солунский, соименный его старшему сыну Всеволоду — Димитрию.⁴ Изображения Федоров (Тирона и Стратилата?), возможно, соименны следующему по старшинству за Юрием его брату — князю Ярослав-Федору Всеволодовичу⁵ и старшему сыну кн. Ярослава — тоже Федору.⁶

Значение изображений следующих святых (Нестор, Евстафий, Кир и Иоанн) пока не расшифровано. Это могут быть святые, связанные или с днями празднования изображенных на вратах событий, или с какими-либо значительными для Владимиро-Суздальского княжеского семейства днями; наконец, это могут быть святые, соименные каким-либо членам княжеского семейства, чьих крестных имен мы не знаем.⁷ Закрывающие ряд святые — Даниил, Анания, Азария и Мисаил — связаны с изображенными на вратах деяниями ангелов. На створках врат изображены отцы церкви: правая — Григорий Богослов, Ипатий епископ Гангрский, Климент папа Римский; левая — Иоанн Златоуст, Власий, епископ Севастийский, и Василий Великий.

Постановка на первое место святого, соименного великому князю, явно говорит о создании врат при его жизни и, может быть, по его заказу. Несомненно, врата были сделаны для строившегося вел. князем собора, т. е. после 1222 г. Крайней гранью их создания следует признать 1233 г. — год смерти Федора, старшего сына кн. Ярослава. В период времени 1222—1233 гг. все соименные указанным святым члены княжеского семейства были живы.

На тех же основаниях можно уточнить и дату западных врат. На их среднем валике изображены (сверху вниз): Никола, Василий Великий, Георгий, Димитрий Солунский, Митрофан — первый патриарх Константинопольский, Иоанн Златоуст, Федор (Тирон или Стратилат?). На створах изображений святых нет.

Изображение на пятом месте Митрофана, мало популярного в XII—XIII вв. на Руси святого, соименного Владимирскому, Суздальскому и Переяславскому епископу Митрофану,⁸ связывает западные врата с его личностью (возможно, они и были заказаны им).

¹ Изображен с ларцем в руках — «врач безмездный», изображаемый с «врачевским сосудом». См. Филимонов. Сводный иконописный подлинник, М. 1874, стр. 262 и 374.

² Быть может, это второй «врач безмездный», изображаемый вместе с Кирием? Но «сосуда врачевского» у него в руке нет.

³ Род. в 1189 г.; вел. кн. Владимирский с 1212 по 1216 гг. и с 1219 по 1238 г.; убит в битве на Сити 4 марта 1238 г.

⁴ Род. 23 окт. 1223 г., погиб во Владимире в феврале 1238 г.

⁵ Род. 8 февраля 1191 г.; с 1212 по 1238 г. — князь Переяславский; с 1238 по 1246 г. — вел. кн. Владимирский; ум. в 1246 г. 8 февраля праздновался Федор Стратилат, а 17 февраля — Федор Тирон; вероятно, Ярослав был соименен одному из этих святых (вернее — Стратилату). Интересно отметить, что на подвершья упомянутого выше шлема кн. Ярослава-Федора изображены: Федор (Стратилат или Тирон?), соименный Ярославу, Георгий — соименный вел. кн. Юрию Всеволодовичу или деду Юрия и Ярослава — вел. кн. Юрию Долгорукому, и Василий Великий (вероятно, в память прадеда Юрия и Ярослава — вел. кн. Василия — Владимира Мономаха).

⁶ Род. в 1219 г., умер в 1233 г. День рождения неизвестен.

⁷ Не могут ли изображения Нестора и Иоанна связываться с воспоминаниями о епископах Несторе и Иоанне? «Повелением епискупа ростовского Нестора» был освящен в 1148 г. «жертвник» Георгия (северный придел Суздальского собора), в это же время собор был капитально отремонтирован Юрием Долгоруким и освящен архиепископом новгородским Нифонтом. Ф. М. Морозов. Антиминс 6657 г., ЗОРСА, XI, стр. 197—209; ПСРЛ, III, 10. Епископ Иоанн обновлял Суздальский собор в 1194 г., ПСРЛ, I, 173. *Ред.*

⁸ Епископ Владимира, Суздаля и Переяславля с 14 марта 1227 г.; погиб во Владимире 7 февраля 1238 г.

Изображенные на третьем и четвертом местах Георгий и Димитрий соименны великому князю и его старшему сыну; в изображении Василия Великого (на 2-м месте) мог и здесь вспоминаться первый строитель собора — вел. князь Владимир — Василий Мономах. Значение помещенного на первом месте Николы пока не выяснено. Федор, последний в ряду святых, может быть связан опять-таки с князем Ярославом-Федором.¹ Не вполне ясно пока значение изображения предпоследнего святого — Иоанна Златоуста.²

Таким образом, западные врата, несомненно, относятся ко времени между мартом 1227 г. и началом 1238 г.

Собор Рождества богородицы в Суздале, построенный Владимиром Мономахом между 1096 и 1110 гг., обновленный в 1194 г. Владимирским, Суздальским и Ростовским епископом Иваном, был заложен вновь в 1222 г. вел. кн. Юрием Всеволодовичем после разрушения Мономахова собора; в 1225 г. собор «создан» и освящен епископом Симоном. В 1230 г. начата роспись собора «потщаньем священного епископа Митрофана», в 1233 г. церковь «написана и измощена мрамором красным разноличным». Вернее всего предположить, что ко времени внутреннего украшения собора (1230—1233 гг.) относится «построение» и южных и западных врат собора. Ввиду их технической и стилистической близости, можно думать, что они сделаны одновременно или одни вслед за другими, возможно — одной артелью мастеров. Стилистическая близость врат рельефам Суздальского и Юрьев-Польского соборов и фрескам Суздальского собора оказывается, таким образом, вполне оправданной исторически.

К кругу владими́ро-суздальских памятников 30-х гг. XIII в. надо еще прибавить памятники Ростова, в котором в тот же период происходит усиленная художественная деятельность по инициативе ростовского епископа Кирилла.³

Для нас особенно важно известие о созданных им южных вратах Ростовского собора, называемых летописью «златыми». От этих врат сохранились две рельефные львиные маски с кольцами⁴, подобные маскам на западных вратах Суздальского собора.

Крайне интересен вопрос о происхождении и соотношении мастеров суздальских и ростовских врат. А. Д. Варганов предполагает, что мастера, работавшие в Суздальщине в 30-х гг. XIII в. (роспись Суздальского собора 1230—1233 гг.; собор в Юрьеве-Польском 1230—1234 гг.; врата Суздальского собора, аналогичные «Златым» вратам Ростовского собора), перешли в Юрьев и Владимир из Ростова и что роспись Суздальского собора входит в круг работ, предпринятых ростовским епископом Кириллом в начале его епископства (1231 г.).⁵ Мне кажется, что вопрос о взаимоотношении мастеров и их происхож-

¹ Или с именем легендарного первого епископа Ростова и Суздаля Феодора, якобы поставленного вел. кн. Владимиром I. Его гробницу указывали в Суздальском соборе. См. Воскресенская летопись (990 г.), Никоновская летопись (992 г.), Степенная книга, I, стр. 152—153. — А н а н и я Ф е д о р о в. Ук. соч., стр. 18.

² Быть может, его изображение напоминает епископа Владимирского Суздальского и Ростовского Иоанна «обновлявшего» в 1194 г. Суздальский собор. Это предположение более вероятно, чем предположение о соименности самому младшему брату князей Юрия и Ярослава — Иоанну Всеволодовичу (род. в 1198 г., княжил с 1238 г. в Стародубе на Клязьме, ум. в 1247 г.?), так как сомнительно его помещение ранее патрона кн. Ярослава-Федора, следующего за Юрием по старшинству, и при отсутствии патрона среднего их брата — Гавриила (род. в 1196 г.; княжил в Юрьеве-Польском с 1212 г.; с 1238 г. по 1246 — кн. Суздальский; с 1246 по 1248 — вел. кн. Владимирский; умер в 1252 г.; похоронен в Юрьеве). Против возможности отнесения Иоанна Златоуста к кн. Иоанну Всеволодовичу говорит также и то, что он был, псевдимоу, соименен Иоанну Предтече (род. 28 августа, накануне дня усекновения главы Иоанна Предтечи).

³ Лавр. лет. под 1231 г.

⁴ См. Б. Э д и н г. Ростов Великий, Углич. Изд. Кнебель, М., 1913. Воспроизведение на стр. 46 и 49.

⁵ Ук. соч., стр. 40.

дении пока далеко не выяснен. Нет оснований также для отнесения росписи Суздальского собора и его врат к деятельности Кирилла, как предполагает А. Д. Варганов. В это время Владимир и Суздаль вместе с Переяславлем составляли отдельную от Ростова епископию во главе с еп. Митрофаном, «тщанию» которого летопись прямо приписывает суздальскую роспись, а изображение его «патрона» на западных вратах Суздальского собора дает основание связывать с его заказом и эти последние.

Южные и западные врата Суздальского собора — исключительные по своему художественному значению памятники — ждут дальнейшего тщательного изучения. Точное установление связи их стиля с памятниками последнего периода владими́ро-суздальского зодчества и пластики, детальный иконографический и технологический анализ — несомненно принесут много новых данных для понимания искусства Владимиро-Суздальской земли и лица создававших его мастеров. Рассмотрение вопроса об их происхождении и сложении иконографии врат¹ должно поднять и уяснить многие интересные вопросы истории древнерусского искусства вообще.

Е. С. Медведева

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ ЗОЛОТОЙ И СЕРЕБРЯНОЙ НАВОДКИ ПО КРАСНОЙ МЕДИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Среди памятников древнерусского искусства особое место занимает ряд предметов, выполненных в технике золотой или серебряной наводки по красной меди.

Большинство их прекрасно сохранилось, пережив столетия. Таковы три входные двери Успенского и Благовещенского соборов Московского Кремля конца XV в.², две знаменитые суздальские двери XIII в., васильевские 1336 г. в г. Александрове³, лихачевские двери Русского музея в Ленинграде и отдельные пластины в музеях Москвы и Ленинграда.⁴ Образцы этой техники есть и на Западе; так, одна пластина, относимая к 1160 г., исполнена в стиле западноевропейском, а не византийском, что указывает на основательное знакомство с этой техникой и западных мастеров-художников. Поскольку можно судить по воспроизведениям врат собора св. Марка в Венеции (Ongania, II Tesoro di San Marco), в них применена также техника огневого золочения, как и в наших вратах.

Но широкого распространения на Западе эта техника не имела: в «*Schedula diversarum artium*» Теофила о ней ничего не говорится. Н. П. Кондаков первый обратил на нее серьезное внимание. Однако он не понял ее и дал ей совершенно неверное объяснение.⁵ В 1909 г. во II выпуске «Памятников русского искусства», изд. Академией художеств, о дверях Благовещенского собора в Московском Кремле сказано следующее: «техническое исполнение всех украшений дверей определить затруднительно, так как положительных данных не имеется»⁶. Проф. Соболевский в 1914 г. писал: «Мы не беремся го-

¹ Например, вопрос выработки композиции «Покрова» западных врат в зависимости от иконы «богоматери-заступницы» «богелюбской» 50-х годов XII в., поднятый мельком В. Т. Георгиевским. См. Фрески Ферапонтова монастыря, СПб., 1911, стр. 103—104.

² Памятники древнерусского искусства. Изд. Ак. худож., вып. II. СПб., 1909.

³ Русские древности, изд. И. Толстым и Н. Кондаковым, вып. 6, СПб., 1899, стр. 65—80.

⁴ Отчет Гос. Ист. музея за 1909 г., М., 1910, стр. 17. — Материалы по русскому искусству, т. I, Гос. Русск. музей, Л., 1928, стр. 23.

⁵ Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 71—72.

⁶ Памятники древнерусского искусства, Изд. Акад. художеств, вып. II, 1909, стр. 10.

ворить о технике работы золотом по красной меди, с которою встречаемся... во вратах Суздальских». ¹

После ряда лет изучения названных памятников мне удалось в 1909—1910 гг. установить сущность этой техники и воскресить это забытое и ставшее непонятным искусство.

Начав опыты по указаниям Н. П. Кондакова (инкрустация), я убедился, что они не приемлемы и временно отказался от них. Вместо этого я остановился на способе электро-химического травления рисунка на медной пластине и последующего гальванического наращивания серебряного слоя (взамен дорогостоящего при этом способе золотого). Получался неплохой эффект повторения древнего рисунка по черному оксидированному фону меди. Но меня это не удовлетворяло, так как было ясно, что древняя техника проста и ничего общего не имеет со сложным приемом золотой инкрустации, приводимым Н. П. Кондаковым, ни тем более с современными техническими возможностями.

Продолжая изучение этой техники, я обратился к исследованию Лихачевских врат (ныне в ГРМ). Тонкость их золотых черт указывала на применение тончайшей иглы для нанесения рисунка по лаку, хорошо сохранившемуся на Лихачевских дверях. Рисунок мог быть заполнен только жидкой золотой амальгамой, т. е. огневым золочением. Тогда (в 1910 г.) мною и был изготовлен образец, исполненный в этой технике.

В 1928 г. была напечатана статья И. А. Гальнбека, в которой он, на основании почерпнутых им в литературе сведений об огневом золочении и на основании моего опыта, дает впервые довольно подробное и верное в своей основе описание этой техники. ² Однако автор упустил некоторые существенные технические детали, так как, не разбираясь в них, он смешал данную технику с обычным огневым золочением рельефа медных поверхностей при помощи медной щетки, без применения чернолакового фона, и даже с «золотой росписью» (имитацией золота) по железу и стеклу, данные о котором взяты им из древнего мастерственного. Ссылаясь на рукопись Московского Исторического музея № 16928 (в статье номер указан неверно), он говорит, что одно место этой рукописи (приведенное у П. Симони) ³— «как золотом писать» открыло ему технику наводки золотых дверей. В приведенной им выписке ни о каком золочении, подобном нашей огневой технике, не говорится. Это «указ как золотом по всякому железу и по скляницам писать». В нем сказано: «Найди ящерицу живую, желтую. Да развести со ртутью, а ртути-б была 6-я доля при ящерице. А ящерицу живую запечатать в горшок со ртутью. Да положить в печь вольную как истопится. Да час помедлiti боевой да выняти вон, положить в сосуд стеклянный, а сабля покрыть воском чистым и провести спичкою по красному, а по тем чертам писати тою водкою, да тот же час помедлiti, да смыти, чтоб сквозь не прошло, не соскревати воск в кою пору помедлiti. А соймешь воск, то разъест широко. Кожу вон выкинь». Здесь говорится не об огневом золочении золотой амальгамой, как думает И. А. Гальнбек, а о технике замены золота желтою, под золото, ртутною имитациею смеси ртути с желчью самой настоящей живой ящерицы. И. А. Гальнбек считает, что в этом рецепте не все ясно и понятно, что в нем есть пропуски в последовательности производства, так как автору рецепта, видимо, не хотелось выдавать своих производственных тайн; под «живой желтой ящерицей», согласно алхимической терминологии, он якобы скрывает рецепт приготовления амаль-

¹ Русская икона, в. 1, СПб., 1914, стр. 61.

² Материалы по русскому искусству, т. I, Л., 1928.

³ П. Симони. К истории обихода книгописца, вып. I, Пам. древн. письмен. CLXI, 1906, стр. 119.

гамы червонного золота.¹ Но это неверно. Техника замены золота его имитацией изложена в рецепте ясно и часто употреблялась в древней Руси. Никакого намека на алхимию во всем этом рукописном сборнике, с открытым и ясным стилем языка, нет. Чтобы это было яснее, стоит прочесть рядом с этим «ин указ» (в этом же сборнике): «возьми шафрану да щучью желчь да смеси вместе и пиши вместо золота», и другие рецепты составов со ртутью и с серой, заменяющих по эффекту золото. В предыдущем рецепте, цитируемом Гальнбеком, 1 часть ртути против 6 частей золота явно недостаточна для получения настоящей золотой амальгамы, где берут 2 и более части ртути и 1 часть золота, т. е. в 12 раз больше.² Но и обычное огневое золочение сплошных поверхностей также глубоко разнится от действительного приема золочения дверей, родственного по подготовке офорту, золочения тончайших линий, проведенных иглой по черному фону. На вратах, исполненных в характере офорта, главной задачей являлось дать эффект четкой двухцветной гравюры.

По моим исследованиям техника врат представляется в таком виде. Берут хорошо отшлифованную пластинку красной меди или какой-либо иной формы предмет или шаблон требуемого, согласно рисунку, размера в 1—3 мм толщиной; покрывают пластинку лаком, сваренным из 12 частей скипидара, 8 частей асфальта, 4 частей желтого воска, 2 частей сосновой смолы. Варианты состава лака в древности могли быть различными (так же, как примерно различны сплавы черни), но в основном это тот необходимый состав лака, который объединяет все перечисленные выше разновременные памятники, отделенные столетиями друг от друга. Этот лак, будучи прокопчен на сальном (или теперь — керосиновом) пламени после покрытия им медной пластины, дает густочерный матовый, с легким блеском, как бы эмалевый фон; он исключительно прочен, и как показывают сохранившиеся памятники, держится столетиями даже в условиях открытых, неотапливаемых помещений и многократных противраний от пыли и грязи.

Покрывание лаком в моих опытах производится следующим образом: пластину слегка нагревают и на теплую поверхность кистью или ватой наносят не густо лак до золотистокоричневого тона, стараясь дать возможно ровную окраску. Затем медленно высушивают его на плите или легком огне, ни в каком случае не доводя до кипения, иначе он начнет пузыриться. Когда лак достаточно высох, нагрев усиливают до полной просушки лака; в горячем состоянии он почти не дает отлипа на пластине или дает лишь очень слабый отлип; при этом коричневый тон переходит в темный. По высушивании намеченные изображения слегка оконтуривают — чертят стальной иглой весь узор, не проникая глубоко в слой лака, т. е. стараясь по возможности не обнажать медь. Когда все необходимые детали оконтурены иглой, начинают острыми ножами выскабливать рисунок в виде пробелов, тонких контуров или широко залитых светом поверхностей. Выскабливание не должно быть глубоким, а должно только начисто освободить медь от следов лака, иначе к ней не будет прилипать золотая или серебряная амальгама.

Когда выскабливание рисунка закончено, пластинку подогревают до почернения меди и промывают — «отбеливают». В древности отбел составляли растворы квасцов, клюквы и подобных им растворителей окиси металла.³

¹ Материалы по русск. искусству, стр. 27.

² Энци. Промышл. и Техники, Изд. Просвещение, т. VI, 1903, стр. 553; — А. Розелер. Гальванопластика, Пер. П. Ф. Симоненко, М., 1894, стр. 141, 110.

³ Древний состав отбела см. у В. И. Троицкого. Словарь мастеров-художников золотого и серебр. дела... М., 1914, стр. 39, 71 и др., а также в архиве ГИМ, Собр. И. Е. Забелина, № 450/655.

При составлении в современной практике отбела из серной кислоты нужно обязательно лить серную кислоту в воду, а не наоборот, так как иначе произойдет кипение и разбрызгивание кислоты. Серная кислота может быть в данном случае заменена азотной; та и другая очень ядовиты и требуют осторожности при работе, под хорошей тягой, как и вся последующая работа со ртутью.

Предмет промывают горячим отбелом при помощи кисти или ваты, но не травят, как при офорте. Затем на влажную, промытую после протравы чистой водой поверхность пластины или предмета наносят заранее приготовленную золотую амальгаму.¹ Ртуть хорошо соединяется с чистой амальгамированной поверхностью красной меди и покрывает все линии рисунка ровно налитым серебристым слоем. При нагреве пластинки ртуть начинает испаряться, высыхать, а золото — восстанавливаться и выступать ярким, желтым цветом на черном фоне лака, накрепко соединяясь с медью. Работа заканчивается промывкой, отделкой поверхности и шлифовкой.

На основании изучения древних образцов и произведенных опытов, а также во всеоружии современной химии, техника золотой и серебряной наводки по меди может быть с успехом использована при художественной отделке вновь воздвигаемых крупных зданий.

Ф. Я. Мишуков

КРИВОЙ ГОРОД — ВИЛЬНО

Первая достоверная историческая запись о городе Вильно датируется 1323 г. и появляется в послании, отправленном вел. кн. Гедимином в ганзейские города. Вильно выступает тогда как столица великого княжества Литовского. Следующие сведения о Вильно, датируемые XIV в., дают нам некоторые представления об этом городе вообще.

Довольно обширные записи о Вильно появляются прежде всего в летописях крестоносцев, в связи с их нападением в 1390 г. на Вильно, когда ими был взят и сожжен Кривой город.²

Из сопоставления данных источников³ выясняется, что г. Вильно XIV в. имел следующие оборонительные сооружения: 1) Феодальный замок — местопребывание великих князей литовских. Замок этот состоял из двух частей: верхнего замка, расположенного на горе, которую называют Замковой или горой Гедимины, и нижнего, который прилегал к этой горе и был обнесен оборонительными стенами, подходившими к верхнему замку (рис. 46). 2) Так называемый третий замок или Кривой город, предназначенный для защиты населения Вильно.

Местонахождение и назначение княжеских замков не вызывает никаких сомнений у историков. Эти замки расположены были там, где теперь находятся остатки и развалины замковых сооружений, перестроенных в XV и XVI вв. Вопрос же о существовании и местонахождении так называемого третьего замка всегда возбуждал споры, которые не закончены и в настоящее время.⁴ До конца XIX в. для

¹ Ср. А. Розелер. Ук. соч., стр. 110. — Н. Н. Любавин. Техническая химия, т. IV. Тяжелые металлы, ч. 2, М., 1906, стр. 994.

² Scriptores rerum prussicarum, т. II. Летопись Виганда из Марбурга (Wigand von Marburg), Leipzig, 1863, стр. 642; т. II — Летопись Борнбаха (Bornbach'a), Leipzig, 1863; т. III — Летопись Иогана фон Посильге (Johan von Posilge), Leipzig, 1866, стр. 165. — Monumenta Medii Aevi Historica, Codex epistolaris Vitoldi, collectus opera Antoni Prochaska, Cracoviae, 1882, стр. 1009 и стр. 196.

³ К указанным выше следует добавить описание Вильно, датируемое началом XV в., путешественника Gilbert de Lannoу, Script. rer. pruss., т. III, Leipzig, 1866, стр. 443 и 448.

⁴ Jan Fijałek. Opisy Wilna aż do połowy wieku XVII-go, Ateneum Wileńskie, т. 3—4, Wilno, 1923, стр. 318 сл.

ряда ученых «третий замок» не существовал вообще в качестве отдельной укрепленной части города, так как предполагалось, что г. Вильно XIV в. имел только два замка. Это ошибочное мнение было опровергнуто В. Г. Васильевским в его докладе на IX археологическом съезде в Вильно. Подвергнув тщательному рассмотрению дан-

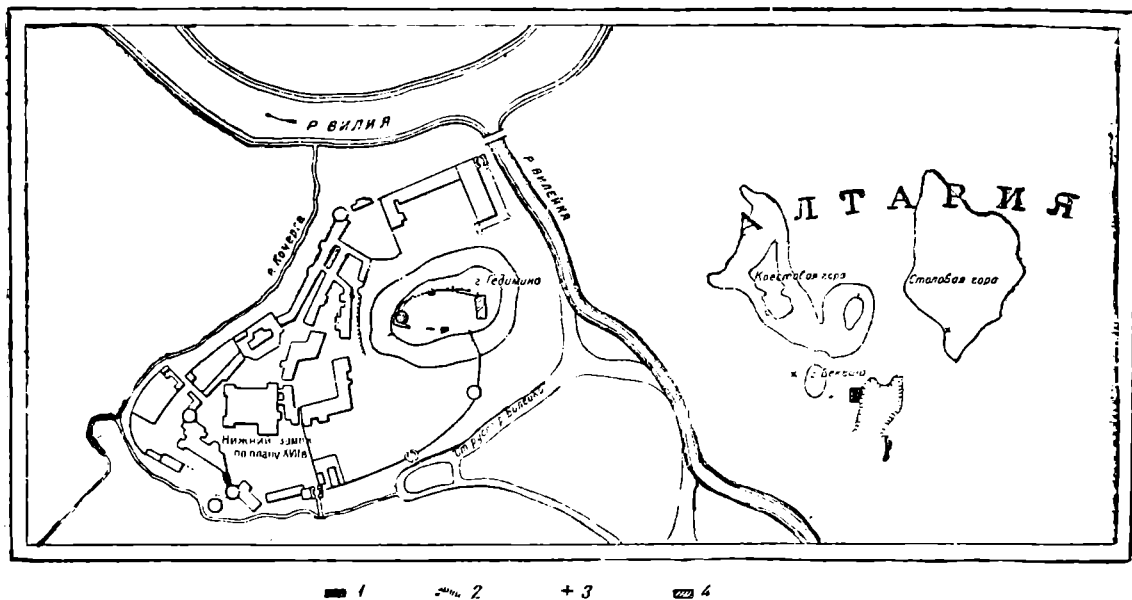

Рис. 46. Вильно. План Верхнего и Нижнего замков и горы Алтарии.

1 — место раскопок; 2 — обнажение культурного слоя; 3 — места, где обнаружено залегание культурного слоя; 4 — развалины замка на горе Гедимина (современное состояние).

ные письменных источников, относящихся к 1390 г., В. Г. Васильевский доказал, что г. Вильно имел три сооружения, называвшиеся замками.¹

В связи с этим и возникает вопрос — где же в действительности находился Кривой город? По этому поводу выдвигались также различные гипотезы.² Не останавливаясь на них, перейдем непосредственно к рассмотрению материалов источников.

Летописец крестоносцев Иоган фон Посильге (Johan von Posilge) называет Кривой город «das obirste hus»,³ другой летописец — Виганд (Wigand), описывая схватку во время новой осады Вильно крестоносцами в 1394 г., происшедшую на месте разрушенного в 1390 г. Кривого города, определяет это место следующим образом: in loco antiqui castris in monte.⁴ Таким образом, как видим, оба эти источника указывают, что Кривой город находится на горе. На какой же горе мог находиться этот город?

В западнорусских летописях (между прочим, в списке Археологического общества)⁵ имеется единственная достоверная запись пись-

¹ В. Г. Васильевский. Где находился виленский Кривой замок, Труды IX археол. съезда, М., 1897, стр. 120—121.

² Kronika Macieja Strykowskiego. Warszawa, 1846, стр. 369 и сл. — Józef Kraszewski. Wilno, т. I, стр. 28. — Tadeusz Korzon. Dzieje wojen i wojskowiści w Polsce, т. I, Akademia Umiejętności, Kraków, 1912, стр. 112. — Mieczysław Limanowski. Najstarsze Wilno. Wilno i Ziemia Wileńska, т. I, стр. 127. — Władysław Semkowicz. Hanul, namiestnik Wileńska (1382—1387), jego ród. Ateneum Wileńskie, т. VII, 1930, терп. 1—2, стр. 3—4. — Wacław Gizbert Studnicki. Wilno w rządzie stolic Rzeczypospolitej Polskiej, Wilno i Ziemia Wileńska, т. I, стр. 144. — Jan Fijałek. Opisy Wilna... стр. 318.

³ Script. rer. pruss., т. III, стр. 165.

⁴ Script. rer. pruss., т. II, стр. 65 сл.

⁵ ПСРЛ, XVII, СПб., 1907, Супрасльский список, стр. 79—80; Академический список, стр. 151—152; список гр. Красинского, стр. 165 и список Археологического общества, стр. 261—262.

менной традиции об основании г. Вильно Гедимином.¹ Здесь мы находим указание, что кн. Гедимин «заложил город один на свинто розе нижний, а другой на Кривой горе, которую ныне зовут Лысою».² Летопись, из которой извлечена приведенная цитата, датируется XVI в., т. е. временем, когда, согласно ряду других источников, Лысой горой в г. Вильно называлась теперешняя гора Алтария.³ Эта традиция, приписывающая основание Кривого города кн. Гедими́ну, возможно, исторически неверна, так как Кривой город, как это показывают вещественные памятники, в действительности мог существовать еще до Гедими́на. Однако, согласно этой традиции, представляется ясным, что в XVI в. русский летописец знал из каких-то источников, неизвестно — устных или письменных, что в Вильно на горе, которую в его время называли Лысой, существовал когда-то так называемый замок.

Замок этот или Кривой город, как это мы знаем из летописей, был разрушен в 1390 г. и позднее уже восстановлен не был,⁴ почему в XVI в. память о нем в Вильно не сохранилась; гора же, на которой находились когда-то замковые постройки, осталась пустой, т. е. лысой.

Археологические исследования полностью подтвердили, что именно на горе, которую теперь называют Алтария и которая в XVI в. была известна под названием Лысой, а еще раньше Кривой, — в феодальную эпоху находилась часть Вильно, и нет сомнения, что это был так называемый Кривой город.

Гора Алтария находится теперь почти в центре города при впадении р. Вилейки в р. Вилию (рис. 46). Гора эта песчаная, почему ее вершина довольно быстро и интенсивно разрушается водой и ветром; на ней нет никаких построек. Ее наибольшая вершина имеет форму плато и достигает высоты 165 м над уровнем моря и около 75 м над уровнем протекающей поблизости р. Вилейки. Гора, на которой стоял княжеский замок, ниже Алтарии на 15—20 м. Этим объясняется, почему летописец крестоносцев называл Кривой город замком наиболее высоким, а именно: «das obirste hus».

На горе Алтарии были обнаружены в 1933 г. культурные слои.⁵ Произведенные в 1933 и 1939 гг. раскопки показали, что в некоторых нижних частях горы эти слои залегают на площади до 10 000 кв. м на глубине до 2 м под наносным песком, а в других, наиболее возвышенных местах, они подверглись почти полному уничтожению. В эти годы Археологическим музеем Университета Стефана Батория было раскопано до 500 кв. м. Общая же площадь Кривого города, судя по топографическим данным, была не менее 4—5 гектаров (рис. 46).

Такой сравнительно большой площади не противоречат показания и письменных источников; в летописях крестоносцев и в польской летописи,⁶ а также в жалобах Ягайлы читаем, что Кривой город был больших размеров, так как мог приютить несколько тысяч жителей. Ягайло, например, пишет: «...осаждали Вильно, которое несомненно расположено на земле литовской; в нем находится три замка, из которых один, называемый Кривым, в котором много тысяч вооруженных и других знатных и простых людей обоего пола собрались для

¹ Летопись Стрыйковского (Strykowskiego) с XVI в. развивает ошибочную, вымышленную Стрыйковским традицию об основании Гедимином замка на теперешней Замковой горе (или горе Гедими́на).

² ПСРЛ, XVII, Список Археол. общ., стр. 261—262.

³ Jan Fijałek. Opisy Wilna, стр. 392. — W. Kierzkowski. Dzieje placu katedralnego w Wilnie, «Wilno». Nr. 2, 1939.

⁴ Script. rer. pruss., т. III, стр. 654.

⁵ Włodzimierz Hołubowicz. Krzywy Gród z XIV w. na Górze Bekieszowej w Wilnie, «Wilno», Nr. 1, стр. 27—33.

⁶ Script. rer. pruss., т. III, Annalista Thorunensis, стр. 169. 1565; т. II, Beilage III, Polnische Berichte, стр. 719.

обороны замка и [одновременно] бежали [желая в нем] укрыться. В этом замке Казимир, князь христианский, дражайший родной наш брат, был поставлен вождем. И дальше в этом замке, теснясь, такое было количество вооруженных, что силой взять его было невозможно, — только изменой и обманом....» После вторжения крестоносцев в Кривой город, как пишет дальше Ягайло, «там такая началась резня, во время пожара в этом замке, что много тысяч людей знатного рода, даже князей затем дворян и черни обоего пола без милосердия было убито».¹

Кривой город был, повидимому, деревянный; таким его описывают летописцы.² Следовательно, он имел деревянные оборонительные

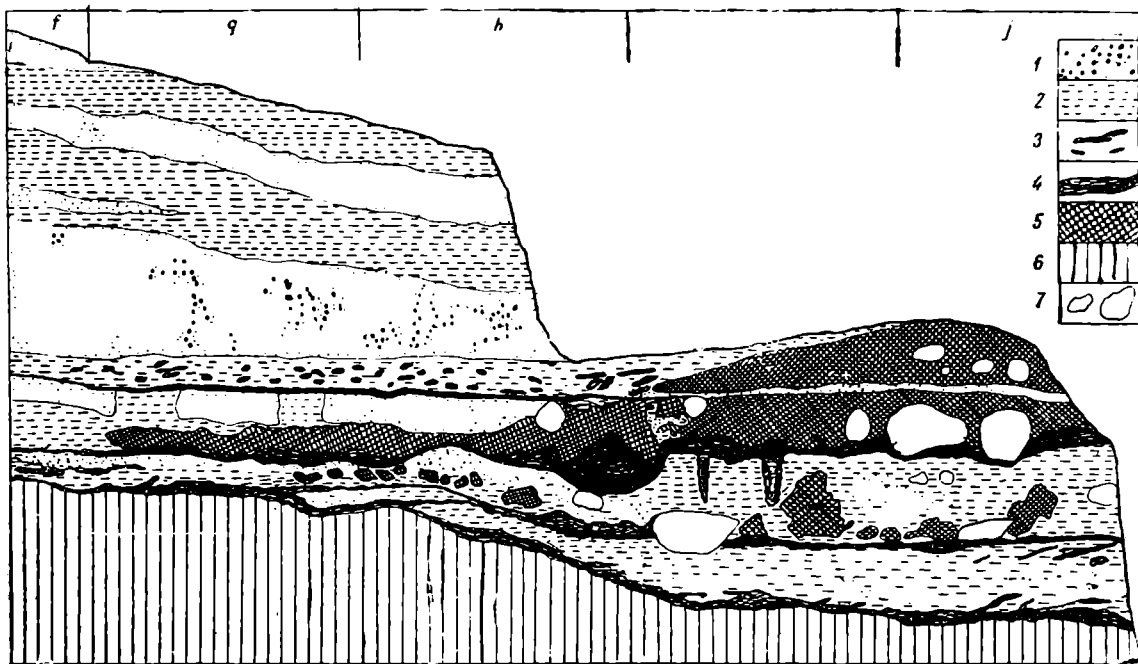

Рис. 47. Кривой город. Раскопки 1939 г. Разрез.

1 — песок, 2 — гумус, 3 — уголь, 4 — уголь + песок, 5 — глина, 6 — материк, 7 — камень.

сооружения, от которых не осталось никаких видимых следов на поверхности горы; также не обнаружено следов ни валов, ни рвов; их, правда, могло и не быть, так как Алтария имела со всех сторон крутые склоны, являвшиеся хорошей естественной защитой.

Гора Алтария представляет собою возвышенность, состоящую из нескольких частей; три из них называются теперь «горами» — Бекешей, Крестовой и Столовой. Археологические раскопки захватили часть территории так называемой горы Бекешей, теперь сильно разрушенной. Эта гора на 15 м ниже Столовой горы, на которой, возможно, находилось древнее городище. Предположение, что древнее городище могло находиться именно на Столовой горе, вытекает из анализа топографии Кривого города. Широкое плато Столовой горы было, несомненно, заселено в период средневековья, так как на нем имеются остатки культурного слоя этой эпохи. Конфигурация же Алтарии такова, что только на Столовой горе могло быть древнее городище, которое и дало начало так называемому Кривому городу, а затем захватило также и прилегающие к Столовой горе части горы Алтарии.

На месте раскопок были обнаружены три культурных слоя (рис. 47). В верхнем слое были встречены следы большого пожарища.

¹ Monumenta Medii Aevi Historica. Codex epistolaris Vitoldi..., стр. 1009.

² Script. rer. pruss., т. II, Летопись Виганда, стр. 642; там же, т. III, Летопись Борнбаха, стр. 653: «zogen sie vor die Wille, die belegten sie und stormeten sie und gowonnen das holtzen hausz...»

К этому слою относятся обнаруженные раскопками остатки шести изб и одной землянки, предназначенной, повидимому, для хранения пищевых запасов. Все они были уничтожены огнем. Это, несомненно, и есть следы разрушения Кривого города в 1390 г.

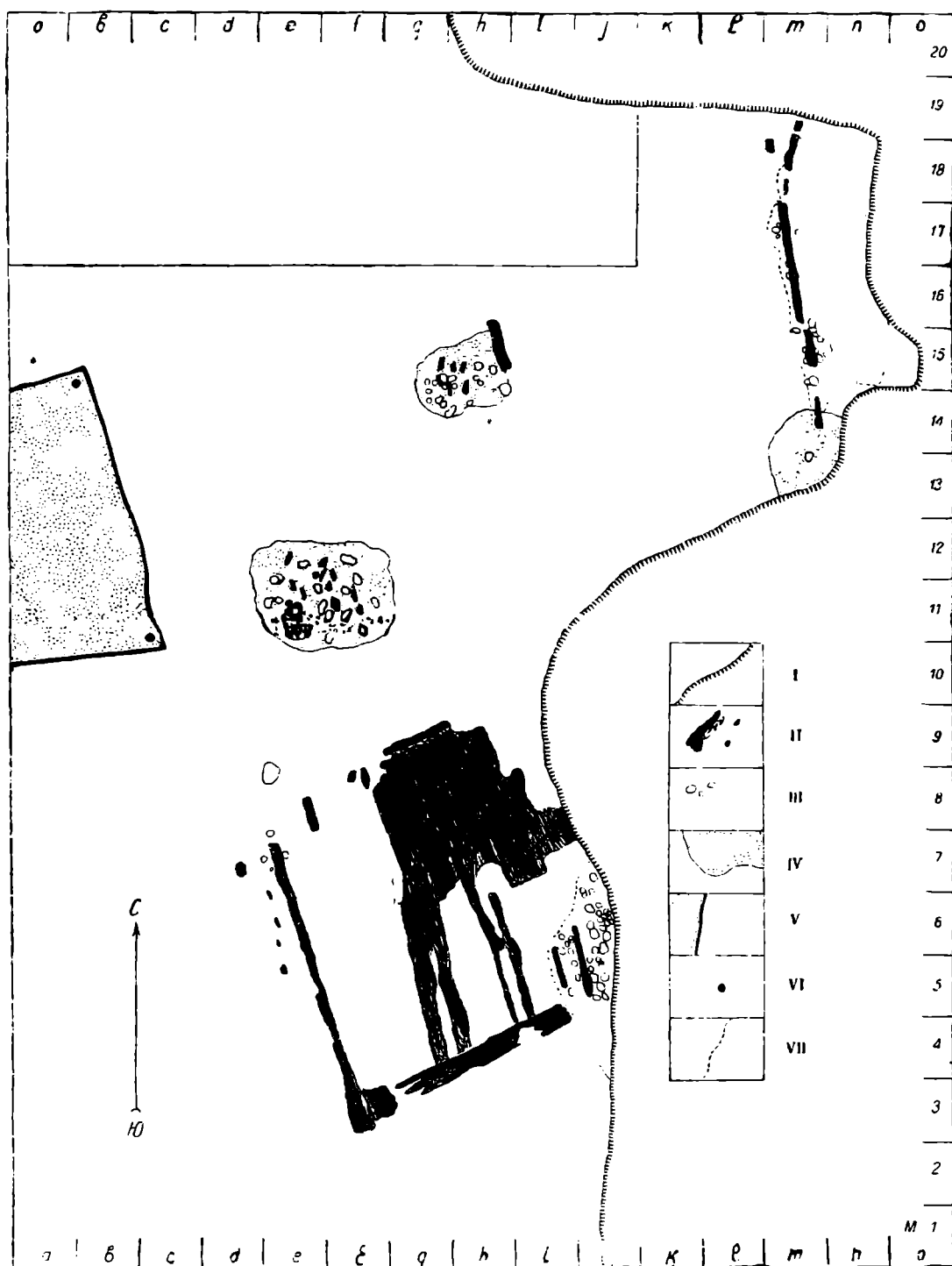

Рис. 48. Кривой город. Остатки избы. Раскоп I, слой I, раск. 1939 г.

— граница обрыва; II — уголь и пепел; III — камни; IV — пятна от пожарища; V — землянка; VI — обугленный столб; VII — граница остатков вышележащего слоя.

Одна из изб, остатки которой наилучше сохранились, размером 5×5.5 м, имела деревянный пол, входную дверь в юго-восточной стене и печь в восточном углу справа от входа (рис. 48). Печь была сооружена из глины и камней и, как видно из ее сохранившихся частей, стояла непосредственно на полу. В другой избе печь находилась

в северо-западном углу и тоже была сооружена на полу на подстилке из глины (рис. 49).

Землянка длиной 4.5 м (ширина ее не определена, поскольку половина ее еще не раскопана) была углублена в материке на 2.30 м. Пол ее был настлан из толстых досок, стенки обложены такими же досками. Крыша опиралась на столбы, врытые по углам внутри. В землянке обнаружено много обуглившегося зерна ржи и пшеницы, сме-

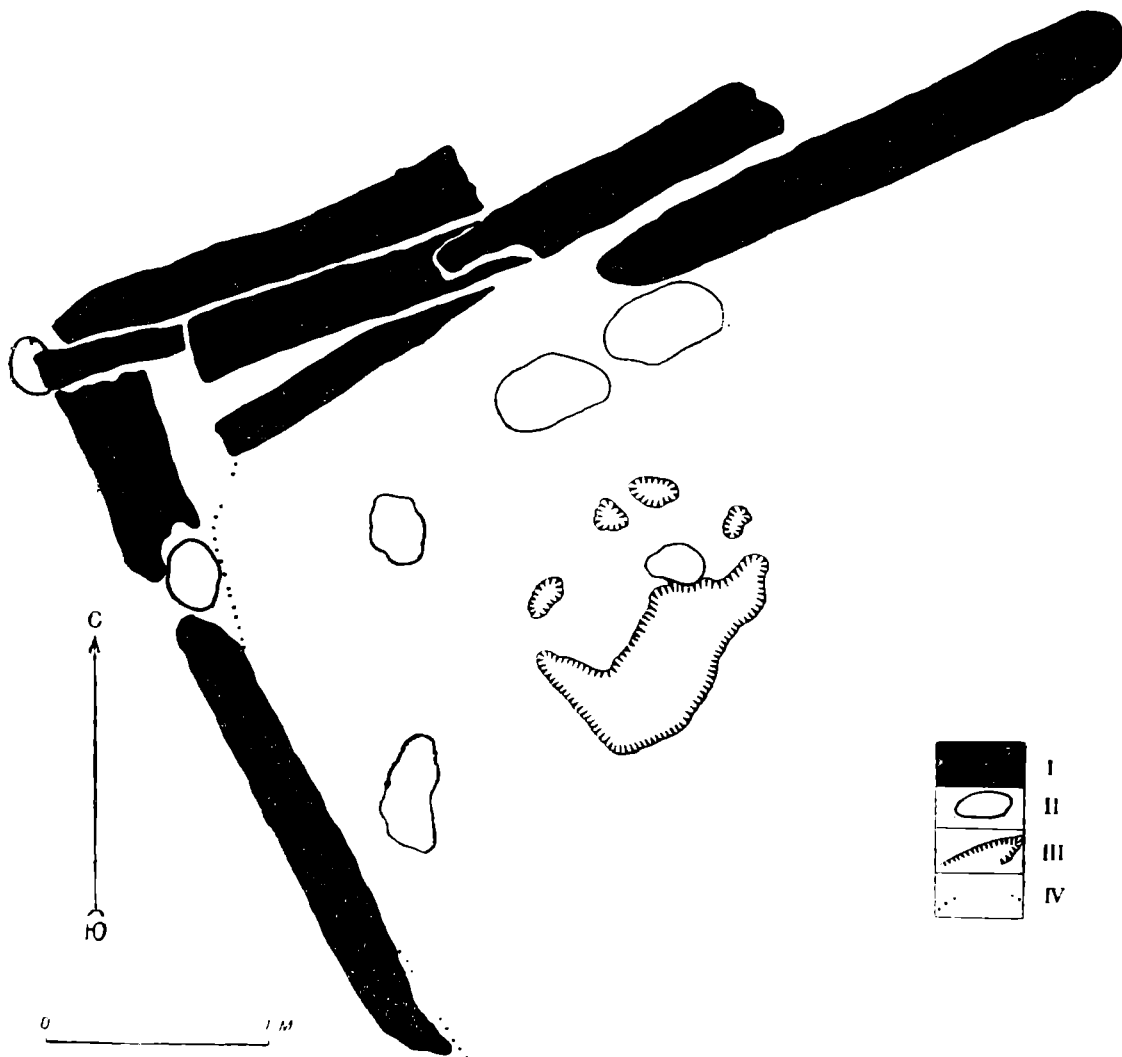

Рис. 49. Кривой город. Остатки избы. Раскоп II, раск. 1939 г.

I — уголь, *II* — камни, *III* — часть пода печи со следами от огня, *IV* — граница пода печи.

шанных с ячменем и овсом. Обуглившиеся зерна пшеницы, овса, ржи и ячменя были встречены также вблизи землянки и в остатках двух других изб. Это свидетельствует о том, что на поселении хранились продовольственные запасы.

Около второй избы было найдено много железных и бронзовых шлаков, что указывает на наличие металлургического производства.

Керамика, найденная в первом слое, вся выделана на гончарном круге и довольно сильно обточена. Собственно точеная керамика отсутствует вовсе. В огромном большинстве случаев в глине имеется примесь довольно крупных зерен песка, повидимому, из раздробленных валунов, пережженных на огне (дресва). Некоторые сосуды имеют примесь мелкого песка такого же происхождения. Формы сосудов довольно развитые, но преобладает тип курганного горшка; в орна-

менте наиболее часта волнистая линия, преимущественно на плечиках сосуда. В первом культурном слое был найден только один фрагмент сосуда из глины без примесей, с зеленой глазурью.

В первом слое, кроме того, были найдены (рис. 50 и 51) наконечники стрел арбалета и стрел лука, боевой топор, ножи, шпора с подвижной звездочкой, наконечник ножен меча в готическом стиле, части железных лат, пряжки, части замков, струг, ножницы, скобели, ручки от железных сосудов, части брусков, кольцо от дверного запора, бронзовые гири для взвешивания (повидимому, серебра) и пр. Все эти предметы датируют верхний слой XIV в. и указывают на то, что жители города, помимо вышеуказанных промыслов, занимались также обработкой дерева и торговлей. Найденные на поселении в большом количестве кости диких животных (тур, лось, зубр, серна, дикая свинья и др.) говорят о занятии охотой; кости домашних животных (лошадь, корова, свинья и прочие) свидетельствуют о существовании скотоводства, а чешуя и кости рыб — рыболовства.

Второй слой датируется встреченными в нем предметами также XIV в. Его можно отнести ко времени одного из более ранних нападений крестоносцев на Вильно,¹ когда ни княжеские замки, ни Кривой город не были взяты, но могла быть сожжена часть деревянных построек на горе Бекеше. Во втором культурном слое были, между прочим, найдены остатки разрушенной избы с глинобитным полом и печью, сложенной так же, как и печь в избе первого слоя. Эта изба была построена на месте какого-то пожарища (рис. 48).

Керамика второго слоя имеет такой же характер, как и первого, и в нем нашелся только один глазурованный фрагмент. Были также найдены наконечник стрелы арбалета, наконечники стрел лука, маленький железный замок в форме зверька, сходный с акваманилами XI—XIII вв., части замков и ключи, пряжки, ножи, наконечники копья, жабка для хождения по льду, бронзовый пластинчатый перстень и костяная обкладка с орнаментом.

Третий культурный слой, выступивший лишь на небольшой площади, принес более раннюю керамику, и по форме и по орнаменту сходную с курганной керамикой славянских погребений XI—XIII вв., лепленную на гончарном круге. Предметы инвентаря немногочисленны, а именно: пряслица из камня серого цвета грубой выработки, нож и согнутый кусок железа.

В одном месте описываемого слоя обнаружены три перекрывающие друг друга примитивные очага. Самый нижний был сооружен из деревянных брусьев, на песке. Размеры около 0.80×1.10 м (рис. 52, 1). В его северо-восточном углу находился довольно большой горшок, целиком вкопанный в песок так, что устье его приходилось на уровне очага (рис. 52, 4). Горшок был заполнен золой, песком, углями и жжеными костями птицы, по всей вероятности, петуха. Этот нижний очаг был перекрыт другим очагом, сложенным из небольших камней и глины (рис. 52, 2). Посредине этого очага камни были целиком обмазаны глиной, а по краям выступали наружу, образуя кольцеобразный венчик очага. При сооружении этого очага на горшок нижнего очага налегли камни и глина, почему верхняя часть горшка оказалась разваленной. Второй очаг носит следы чинки. На него, считая снизу, налегал третий (рис. 52, 3), сложенный целиком из глины, в которой ясно сохранилась и часть того места, где разжигался огонь; глина в этом месте сильно выжжена и растрескалась. В каждом из описанных очагов прослеживалась прослойка золы и части разбитых сосудов.

Выше над описанными очагами третьего слоя, почти по вертикали, находились остатки печи избы с глинобитным полом второго слоя и

¹ Первое нападение крестоносцев на Вильно произошло в 1365 г., последнее — в 1394 г.

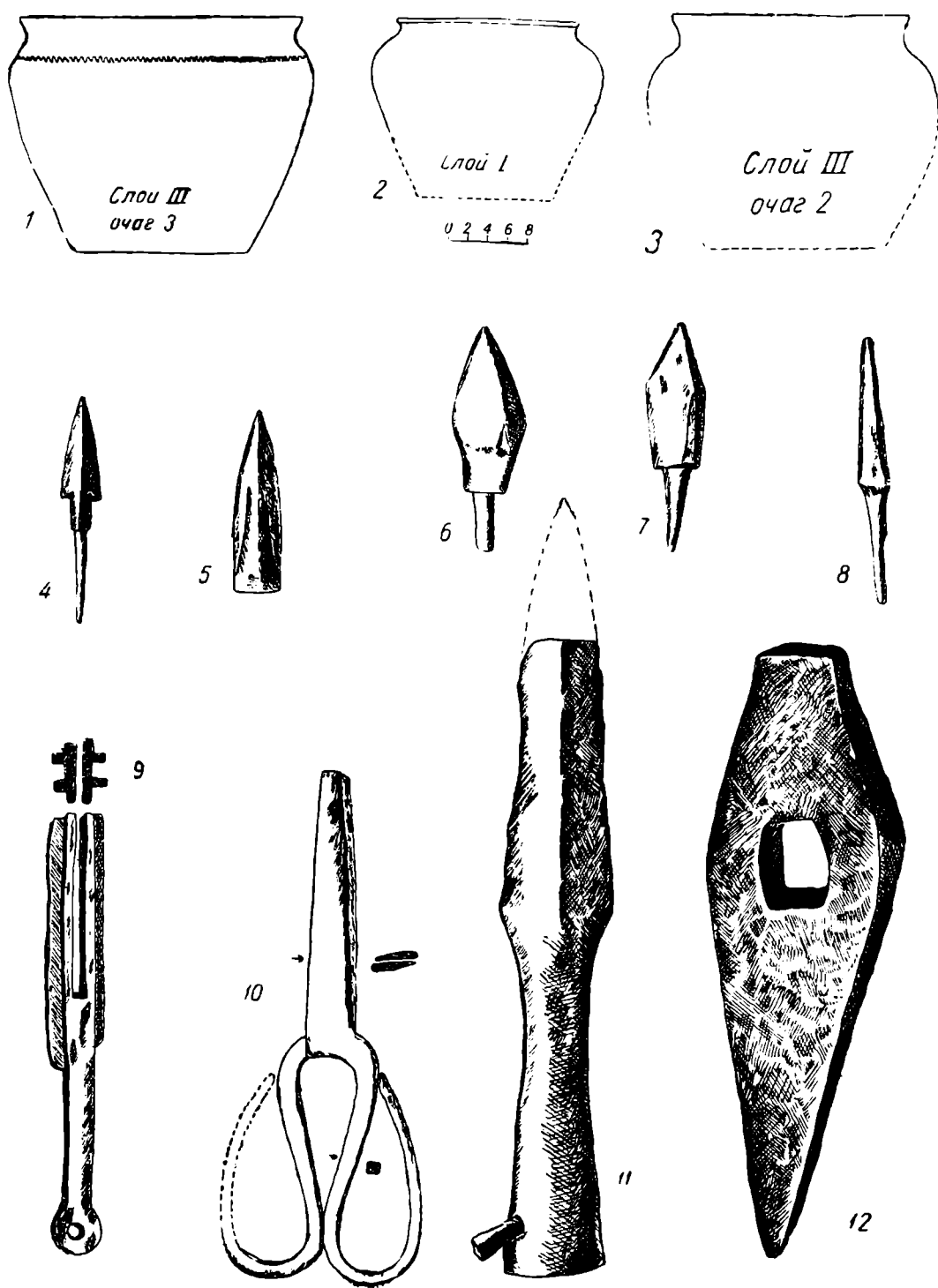

Рис. 50. Кривой город. Находки из раскопов. 2, 4—6, 10, 12 — из I слоя; 7-9, 11 — из II слоя; 1, 3 — из III слоя.

развалины печи избы с деревянным полом первого слоя. Таким образом, в этой части вскрытой площади можно проследить пять последовательных этапов в развитии устройства очага и печи в трех различных культурных слоях. Дата третьего слоя с трудом поддается определению. Он может быть на несколько десятилетий старше второго

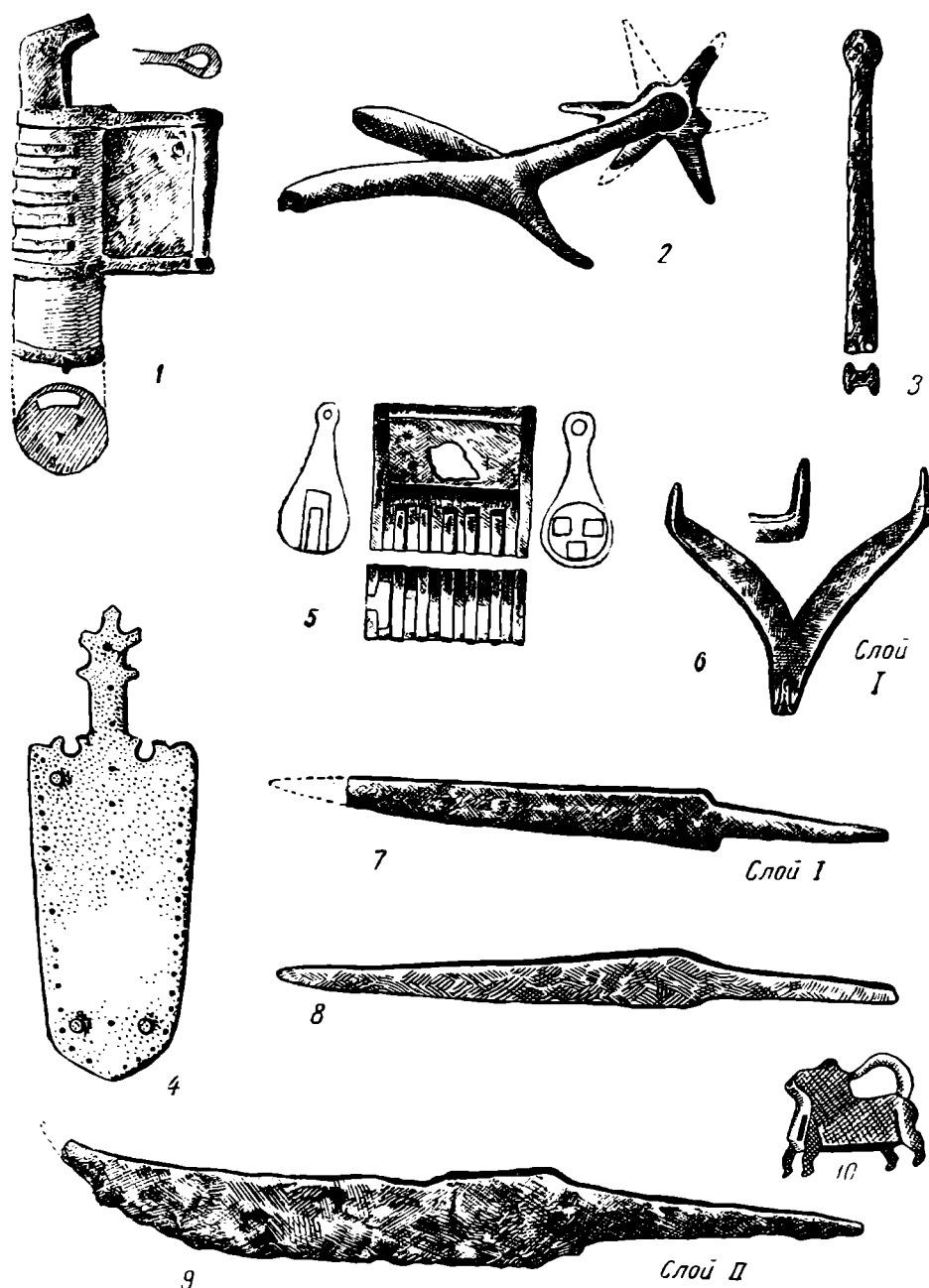

Рис. 51. Кривой город. Находки из раскопок. 1—7 — из I слоя; 9, 10 — из II слоя; 8 — из III слоя.

слоя. Начало его образования можно отнести с достаточной осторожностью к XIII и даже XII в. Такой датировке пока ничто не противоречит.

Эта датировка не распространяется, однако, на другие части города и, прежде всего, на предполагаемое древнее городище на Столовой горе, которое могло возникнуть гораздо раньше.

Для определения времени возникновения городища имеет, несомненно, значение самое название «Кривой город» и вопрос его происхождения. Во всех источниках, на различных языках его названия сходны, а именно — являются переводом славянского «кривой», — «*Curvum castrum*», «*Krziwigrod*» и «Кривой город». Однако можно

предполагать, что первоначальное его название могло иметь и другое значение. Вопрос о связи названия «Кривой» с топографической кривизной возбуждает сомнение, так как город не стоял на какой-нибудь выдающейся кривизне. Общепринятое в XIV в. обозначение городища термином «Кривой город», возможно, скрывает в себе более древнее

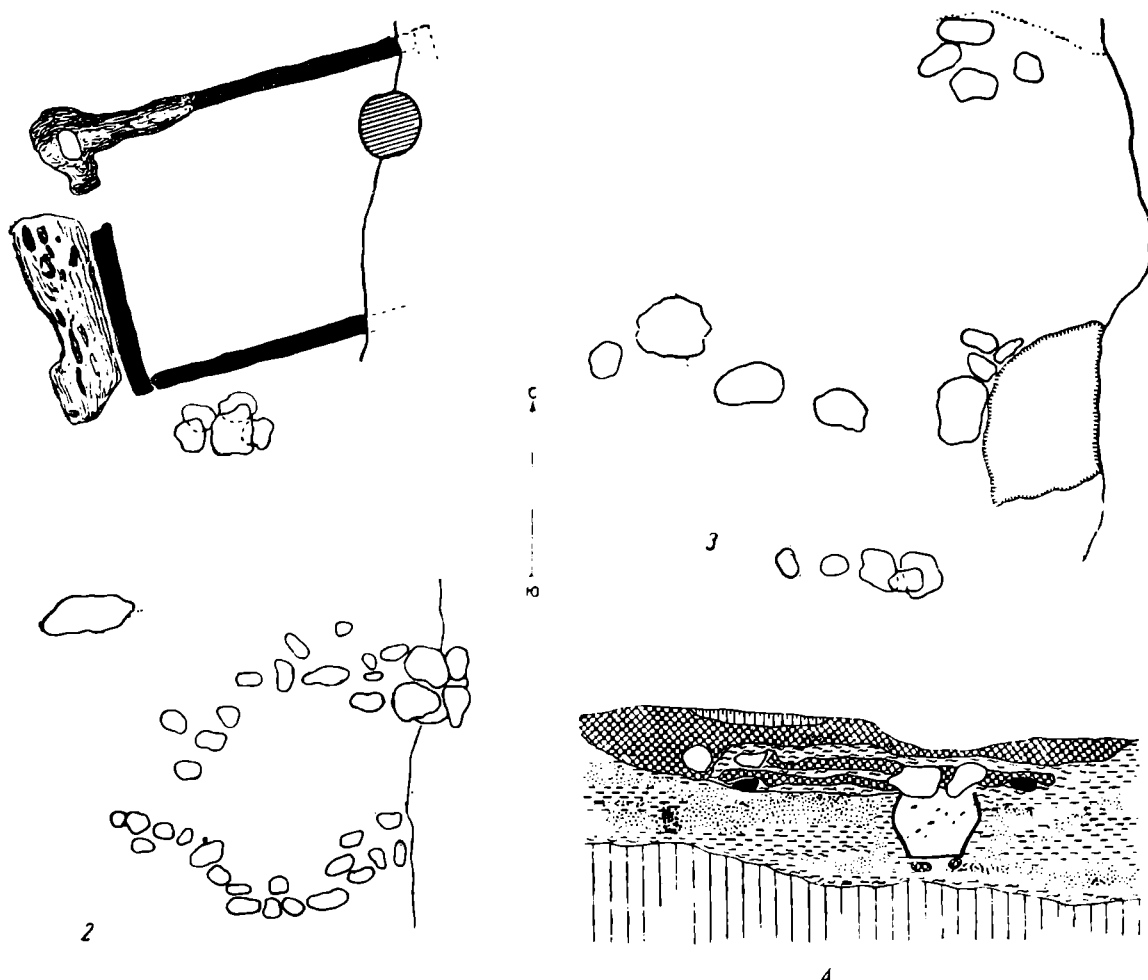

Рис. 52. Кривой город. Очаги в III слое.

1 — нижний очаг, 2 — средний очаг, 3 — верхний очаг, 4 — разрез III слоя с горизонтами очагов (условные обозначения см. на рис. 47).

название, связанное с предполагаемыми основателями этого города, а именно — с кривичами. Происхождение названия «кривой» от «кривичи» вполне вероятно. Этому не противоречит также и самая история виленских земель. Древнерусское городище Вильно могло существовать как «Кривич-город» уже в XI—XII вв., когда полоцкому княжеству принадлежала и часть литовских земель.

Подведем краткие итоги:

1. Кривой город — Вильно XIV в. был расположен на теперешней горе Алтарии.

2. На основании археологических данных, которыми мы располагаем, можно отнести его основание ко времени ранее XIV века.

3. Исследованные нами памятники указывают на тесную связь этого города с русскими землями.

4. Относящееся к XIV в. название «Кривой город» можно рассматривать как происходящее от более древнего названия «Кривич-город».

Все это позволяет выдвинуть следующие предположения:

1. Кривой город — Вильно мог быть основан кривичами во время расширения территории кривицкого княжества в раннефеодальную эпоху на запад.

2. Еще до времени княжения Гедимины Кривой город развился и вырос в такое значительное поселение, что Гедимин, если верить письменной традиции, счел нужным перенести сюда столицу Великого княжества Литовского.

Такое развитие исторических событий может уяснить многие неясные моменты, связанные с начальными этапами жизни Вильно. Необходимо, однако, помнить, что все выдвинутые предположения найдут подтверждение или, наоборот, будут опровергнуты лишь в результате дальнейшего археологического изучения остатков древнего города на горе Алтарии.

На этом можно было бы закончить наш краткий отчет о состоянии изучения археологических памятников и проблем, связанных с Кривым городом.

Однако для того, чтобы дать более полную картину истории древних поселений г. Вильно, следует еще кратко упомянуть об итогах археологических раскопок, произведенных нами в 1940 г. на верхнем княжеском замке.

В течение двух месяцев 1940 г. нами было вскрыто на территории этого замка приблизительно 95 кв. м около фундамента северной башни. Зарисовка и анализ пяти главных профилей и нескольких вспомогательных профилей позволили довольно четко распределить вещественные остатки из 20 горизонтов и наметить относительную хронологию каждого из них в пределах общих хронологических рамок от V до XX вв.

Почти на всей вскрытой раскопками площади прослеживалось шесть основных культурных слоев, из которых три слоя, в свою очередь, представлялось возможным разбить на несколько горизонтов, выявляющих некоторые хронологические различия.

Слой VI, лежащий на материке, в нижней своей части дал керамику и другие предметы, подобные вещественным находкам из литовских городищ и могильников, относящихся к так называемому в литовской литературе среднему периоду железа (V—VIII вв.). В верхней части слоя VI и в слое Vd встречена была почти исключительно керамика, характерная для славянских могильников XI—XIII вв., а также стеклянные браслеты, вероятно, киевского происхождения: крученые желтые, черные гладкие и черные с зелеными полосками. Этот инвентарь переносит нас сразу в XII—XIII вв. Вместе с указанными находками спорадически попадались также фрагменты керамики, характерной для нижней части слоя VI, датируемого V—VIII вв. Последние, однако, могли попасть в слой Vd вместе с частью слоя VI, который находился на наиболее возвышенных частях горы и сполз вниз еще в начале существования здесь раннесредневекового поселения. Таким образом, в части слоя VI и Vd перемешались вещественные находки, датируемые различными довольно отдаленными периодами.

Лежащие выше слои содержали в себе предметы и следы событий того времени, которые уже можно определить более точно, именно: слой Vc относится ко времени, предшествующему нападению крестоносцев, т. е. примерно около 1365—1390 гг.; слой Vb содержит, между прочим, первые следы нападения крестоносцев (датируется временем около 1390 г.) и первый наиболее ранний кирпич; слой Va представляет первые несомненные следы воздвигнутой на горе в начале XV в. постройки из камня, кирпича и извести.

Слои IV a, b, c, d относятся к периоду довольно спокойной жизни каменного замка — XV в. до середины XVI в.

Слой III d — это результат большой перестройки замка в XVI в. Об этом мы знаем также и из письменных источников, которые относят ее ко времени около 1553 г.

Слои IIIc₁, c₂ и c₃ отражают период жизни замка XVI в. Он содержит следы разрушения замка в 1661 г. во время осады в нем казаков.

Слои III *a* и *в*, II *a*, *в* и *с* и I говорят о судьбе развалин замка после его разрушения — в промежуток времени от 1661 до 1940 г.

Остановимся на характеристике наиболее древних слоев. Из анализа слоев VI и Vd и сопоставления вещественных находок из них вытекает, что дофеодалное поселение, относящееся ко времени около VII в., было, повидимому, разрушено огнем. После этого гора могла оставаться необитаемой в течение нескольких столетий. Следы нового поселения, совсем иного характера, чем первого, появляются большей частью в начале феодальной эпохи и характеризуются инвентарем, типичным для древнерусских городищ. Когда возникло новое поселение, точно сказать еще невозможно. Для ответа на этот вопрос необходимо прежде всего проверить данные, полученные раскопками 1940 г. на довольно незначительной площади и произвести новые, больших размеров раскопки, чтобы располагать более полными материалами.

Пока же, на основании вышеизложенного, можно сделать один вывод, весьма существенный, однако, для проблемы истории развития Кривого города, а именно, что история поселения на Замковой горе не противоречит предположению об основании Кривого города кривичами.

В. Голубович и Е. Голубович

(Вильнюс)

ХЛЕБНЫЕ ЗЛАКИ ИЗ РАСКОПОК НА ГОРЕ БЕКЕШЕ

(Приложение)

Исследованные зерна хлебных злаков происходят из двух пунктов горы Бекешы. Пробы *A* и *B* были взяты в 1933 г. из I слоя (мтр 25/д), пробы *C* и *D* взяты в 1939 г. из I слоя (мтр. 12/к). Пробы *A* и *B* содержали рассыпное зерно частично в виде комков, образовавшихся в результате выделения сока из семян (даже наиболее сухих) при сжигании. Зерна двоякие: 1) чернобурые матовые и 2) черные блестящие. На основании внешнего вида их, размера и формы можно выделить 3 вида.

1. Зерна дл. 7—8 мм, шир.¹ 2—3 мм, толщ. 1.8—2.4 мм с бороздой — рожь.

2. Зерна дл. 5—7 мм, шир. 2—2.5 мм, толщ. 2—2.5 мм, без борозды — ячмень.

3. Зерна дл. 5.5—7 мм, шир. 1.2—1.5 мм, толщ. 1—2 мм, с длинной бороздой — овес.

Пробы *C* и *D* содержали рассыпное зерно, неравномерно обгорелое, черное блестящее, матовое и коричневое, не совсем обугленное.

Зерна по размерам и форме весьма различны. Среди них можно выделить 4 основных вида:

1. Зерна дл. 5.5—8 мм, шир. 2.5—3.5 мм, толщ. 2.25—3 мм, с бороздой — рожь.

2. Зерна дл. 5.5—6.5 мм, шир. 2—2.7 мм, толщ. 2—2.5 мм, без борозды с жилкой — ячмень.

3. Зерна дл. 5—7 мм, шир. 1.5—1.7 мм, толщ. 1.5—2 мм, с бороздой — овес.

4. Зерна дл. 4—6 мм, шир. 2.25 мм, толщ. 2—2.5 мм, с глубокой бороздой — пшеница.

Сравнение зерен, добытых при раскопках, с образцами, которые были намеренно обожжены, показало, что при сжигании изменяются размеры зерен. Зерно всегда укорачивается, но утолщается, причем отношение изменения линейных величин не постоянно. Утолщение зерна при сжигании без достаточного доступа воздуха меньше, чем при

¹ Замеры ширины сделаны в середине зерна.

достаточном. Температура и время также имеют большое значение. Как показывает состояние зерен из раскопок, они горели при слабом доступе воздуха, так как зерна эти мало утолщенные и твердые, хотя в большинстве случаев и обугленные. Добытые раскопками смешанные зерна могли иметь или пищевое назначение или предназначаться для посева, так как в то время, которым датируется добытый из раскопок материал, не делалось, как известно, однородных посевов. Наряду с зернами были найдены куски обуглившегося хлеба. Это кислый хлеб, на что указывает его значительная пористость; выпекался он из вышеописанной смеси зерен.

СЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ДИСНЫ В ВИЛЕЙСКОМ ОКРУГЕ БССР

Прилагаемая карта (рис. 53), составленная в 1939 г., обнимает часть той территории, на которой работали Е. и В. Голубович в течение семи лет (1933—1939 гг.) в качестве сотрудников Археологического музея Университета Стефана Батория в Вильно. Восточная и северная границы карты совпадают с границей Вилейского округа Западной Белоруссии.

Карта построена на основе следующих материалов: 1) собранных лично во время археологических экскурсий, 2) добытых инж. Леонардом Пекарским, работавшим в лесничестве бывш. Диснинского уезда, 3) собранных учителем Иосифом Дубицким, 4) на основе археологических карт Покровского и, наконец, 5) на материалах из курганных могильников, хранящихся в Археологическом музее Виленского университета.

Карта включает 179 номеров. В 15 случаях под одним и тем же номером показаны два археологических объекта: курганный могильник и городище, расположенные рядом. Таким образом, на карту нанесено всего 194 археологических объекта: 72 городища и 122 курганных могильника. Из 72 городищ 33 указаны на карте Покровского, 16 из них вновь проверены на месте авторами вместе с Пекарским (ошибок не обнаружено), 11 обнаружил Пекарский, 11 — Е. и В. Голубович и 1 — Дубицкий. Из 122 могильников 48 также имеются у Покровского; из них 11 проверены авторами, причем была обнаружена только одна ошибка,¹ 18 обнаружил Пекарский; часть из них была также проверена на месте; 20 установлены нами, 1 нашел Дубицкий, остальные определены на основе музейных материалов.

Археологические раскопки были проведены в 21 пункте.

Почти весь курганный инвентарь из исследованных могильников правобережной Дисны, равно как и музейный материал (музеи Вильно и Глубокого), указывает на то, что поселения, современные погребениям, существовали здесь в период IX—XIV вв., за исключением Волколаты, около которой находятся раскопанные нами отдельно стоящие курганы более раннего времени.

Изучение подъемного материала с семи городищ привело к выводу, что эти городища были также обитаемы в IX—XIV вв. В итоге можно предполагать, что, за малыми исключениями, все курганные могильники и городища на данной территории связаны с поселениями IX—XIV вв. и что эти поселения родственны аналогичным поселениям прилегающих районов Восточной Белоруссии.

На карте можно выделить довольно тесно связанную между собою группу городищ и курганных могильников, расположенных в местности

¹ Włodzimierz Hołubowicz. Prace terenowe Muzeum Archeologicznego U. G. B. w Wilnie w 1938 r., Z Otchłani Wieków, XIII, sesz. 11—12.

между болотистым побережьем Дисны, главным водоразделом европейских рек и водоразделом Немана и Западной Двины. Эта группа вклинивается, как бы языком, с востока. Остальные, не связанные с этой группой городища и курганы, отмеченные на карте, расположены также на сухих местах, но они не представляют уже единой территориально сплоченной группы.

Кстати напомним, что никаких летописных сведений о существовании здесь в IX—XIV вв. славянских поселений не имеется и что мы устанавливаем наличие славянского населения исключительно по археологическим данным.

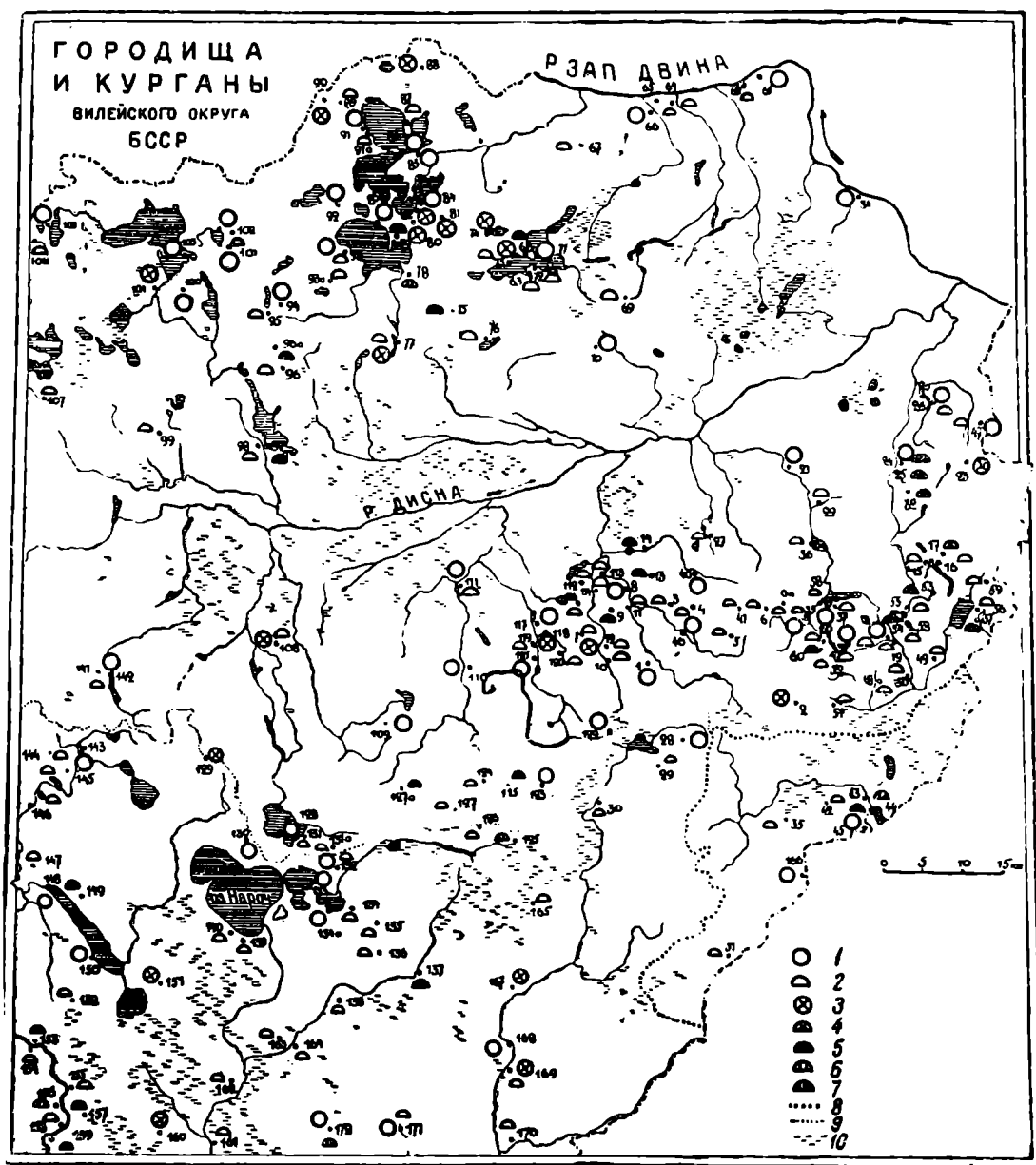

Рис. 53. Городища и курганы Вилейского округа БССР.

1 — городища; 2 — курганные могильники; 3 — городища; 4 — курганные могильники; 5 — курганы славян; 6 — курганы балтов; 7 — курганы балтов и славян; 8 — главный европейский водораздел; 9 — водораздел рек Двины и Немана; 10 — болото.

В Диснинской группе раскопки были проведены нами на следующих славянских курганных могильниках:¹

Залесское (№ 9). Раскопками 1938 г. исследованы 3 кургана. В курганах, разрушенных кладонскальниками, не найдено ничего; в од-

¹ Номера в скобках соответствуют номерам карты (рис. 53).

ном находился скелет мужчины, положенный непосредственно на грунте. Курганы Залесского предположительно датируются X в.

Нарушево (№ 13). В 1938 г. раскопан 1 курган, в насыпи которого обнаружено 3 скелета. Нарушево можно отнести к XIII—XIV вв.

Уречье (№ 14). В 1938 г. на остатках разрушенного кладоискателями могильника раскопано 2 кургана. В одном кургане найдено трупосожжение на грунте, в насыпи деревянный обгорелый помост — остатки тризны (?). В другом кургане обнаружено разрушенное трупосожжение на грунте. Уречье датируется приблизительно X в.

Поддубники (№ 24). В 1938 г. раскопано шесть курганов; среди них три разрушенных кладоискателями, в двух лежали скелеты в ямах, в одном — трупосожжение на грунте. Приблизительно датируются IX в. (?).

Черневичи (№ 25). В окрестностях расположено 7 курганных могильников, которые были исследованы или частично, или целиком. Всего раскопано 79 курганов: один из них очень больших размеров, диам. около 19 м, выс. больше 3 м; погребения в этом кургане не оказалось; в 42 раскопанных курганах найдены скелеты в ямах, в трех — на грунте. С трупосожжениями открыто 30 курганов (в том числе один целый могильник из 18 курганов); наконец, 4 кургана оказались пустыми. Начало существования курганов можно относить к VIII—IX вв., конец — к XII в.

Чабаны (№ 32). В 1935 г. здесь было раскопано 6 низких курганов, обложенных камнями. В курганах обнаружено по несколько скелетов в ямах, лежащих рядом; предположительно датируются XIV в.

Бобровщина (№ 54). Инж. Пекарский раскопал здесь один курган, в котором обнаружил скелет в яме; предположительная датировка — XI в.

Шо (№ 57). В 1939 г. здесь раскопано 16 курганов; в 15 курганах скелеты лежали в ямах, в одном — на грунте; датируются предположительно XI—XIII вв.

Кисево (№ 115). В 1939 г. раскопано 4 кургана; в трех из них скелеты лежали на грунте, в одном — в яме.

Помимо указанных могильников, к славянским должны быть отнесены еще два могильника, которые были определены как славянские на основании изучения археологических материалов, хранящихся в Археологическом музее Виленского университета (*Суя*, № 53) и в музее в Глубоком (*Новая весь*, № 60). Наконец, третий могильник около *Ногавок* (№ 127 а) известен из устных сообщений.

По форме все курганы описываемой группы более или менее сходны. Это — большие насыпи конусообразной формы с довольно крутыми склонами; близкую форму имеют также и меньшие курганы. Основание курганов в плане приближается к кругу; имеется также несколько курганов в основании овальных (II часть могильника в Черневичах). У подножия курганов как с трупоположением, так и с трупосожжением снаружи имеются продолговатые ямы, из которых бралась земля для насыпания курганов. Около курганов, расположенных поодиночке, таких ям встречается четыре; около курганов, расположенных группами, этих ям меньше; очевидно, нередко земля бралась из одной и той же ямы для нескольких курганов. Самый большой курган в Черневичах (в части IV могильника) был окружен рвом.

В 34 курганах из 79 раскопанных в Черневичах найдены следы костра у основания (земля, перемешанная с углем и золой); они были обнаружены как в курганах с трупоположением, так и с трупосожжением, а равно и в пустых. Могилы в курганах с трупоположением находились в ямах до 1 м глуб. В курганах с костром у основания могильные ямы обыкновенно выкапывались по затухании костра, после чего тело умершего клалось или просто на землю или же на подстилку. Следов костра в виде угля или же слоя золы в яме под скелетом

встречать не приходилось. Тонкий слой земли, перемешанный с углем, прослеживался, однако, в земле, которой засыпали могильную яму, а также в насыпи кургана.¹ Костры раскладывались, повидимому, во время похорон зимою для отогревания земли; возможно, что одновременно они имели и культовое значение. Скелеты в курганах с кострами ориентированы, за исключением одного случая, головою на запад и северо-запад, с большим или меньшим отклонением на юг. Принимая во внимание, что отклонение от точного направления на запад при укладывании тела в могилу происходило в связи с различным временем года, следует подчеркнуть, что в курганах с кострами отклонение скелета от точного запада к югу находится в соответствии с заходом солнца зимой.

Покойника клали в гроб, повидимому, обернутым в саван. Остатки такого савана сохранились в нескольких случаях на железных топорах, в виде кусочков ткани, проеденной ржавчиной. Частички ткани сохранились на внутренней и тыльной стороне топора, в местах, не соприкасавшихся с одеждой. Случалось находить на топорах следы нескольких видов ткани: одни — на части топора, прилегавшей к телу покойника, — представляют несомненно остатки одежды, другие — на тыльной стороне, снаружи — остатки савана. В одном из курганов в Черневичах был найден топор, на котором сохранились остатки соломы, лежавшей под тканью, причем все это было проедено ржавчиной. Повидимому, остатки соломы представляют собою следы соломенной подстилки. В Черневичах нами отмечены также доски, которыми было обложено тело покойника; в нескольких случаях при металлических предметах сохранились следы коры; она могла служить одновременно и подстилкою и покрытием.

В могилах с трупосожжением обуглившиеся кости обнаруживались то у основания, то в насыпи курганов. В овальных курганах, в их боковых продольных частях, встречено в каждом по две могилы с трупосожжением в насыпи. Сожженные кости не были очищены от следов костра; среди них попадаются кусочки угля.

В могилах с трупоположением встречались остатки одежды в виде ее металлических и стеклянных украшений. К типичным украшениям (на основании этих украшений некоторые археологи определяют принадлежность этих могильников древнерусским племенам) относятся два различных типа колец: маленькие со свободными концами (рис. 54, 1) и большие из бронзовой проволоки с завязанными концами (рис. 54, 2). Оба типа встречаются в описанной группе в могильниках XI—XII вв. Большие кольца с завязанными концами принадлежат исключительно женскому одеянию; почти все они служили головным украшением; из 36 колец только одно использовано в качестве браслета.

Кольца малого размера со свободными концами встречались не только в женских погребениях, но также и в мужских. 10 колец были найдены близ черепа и на самом черепе; повидимому, они служили для украшения волос; 9 колец употреблены как перстни, 3 кольца найдены недалеко от пояса и 4 (в различных могилах) — на груди. Южнее, в Западной Белоруссии, кольца эти встречаются реже, так, например, в Пожече их всего два, в Наврах — также два; здесь преобладают кольца со свободными концами. В районе Новогрудка кольца с завязанными концами неизвестны вовсе.

Среди браслетов для описываемой группы характерны браслеты со связанными концами, сплетенные из двух бронзовых проволок (рис. 54, 3). Южнее они до сих пор не обнаружены вовсе. Встречаются

¹ Вопрос об устройстве костра разобран автором в работе о могильнике в Наврах Helena Sehak Hołubowiczowa. *Materiał i zagadnienia cmentarzyska (kurhanowego koło wsi Nawry w pow. postawskim, Rocznik Archeologiczny, т. I, Wilno, 1937, стр. 14—17).*

также браслеты из плоской бронзовой тесьмы со штампованным орнаментом (рис. 54, 4, 5), браслеты из круглой проволоки с суженными концами (рис. 54, 6) и браслеты, оканчивающиеся стилизованными звериными головами (рис. 54, 7).

Нагрудные украшения представлены гривнами и ожерельями. Встречаются гривны, свитые из нескольких кусков бронзовой проволоки с плоской застежкой, оканчивающиеся крючком и петелькой;

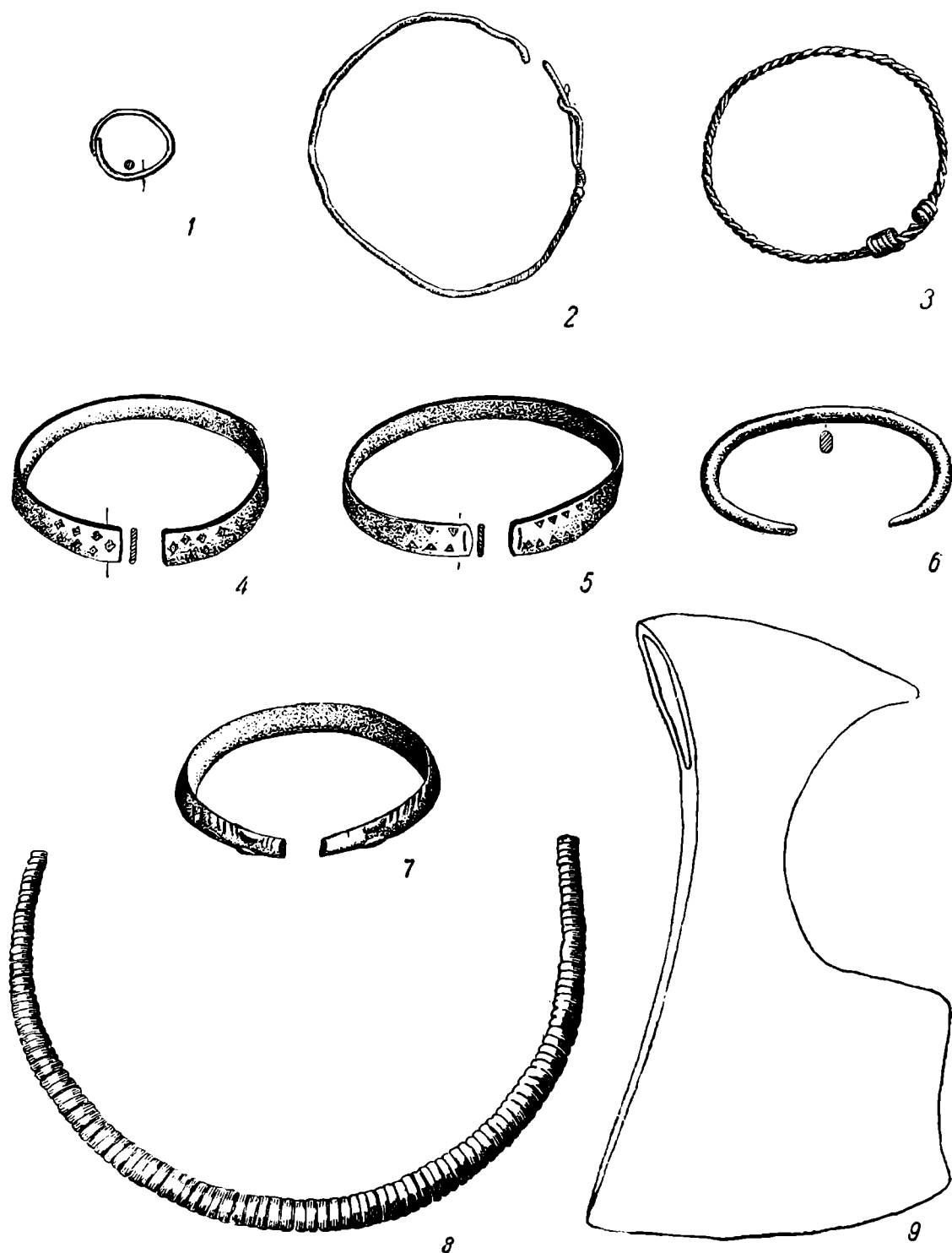
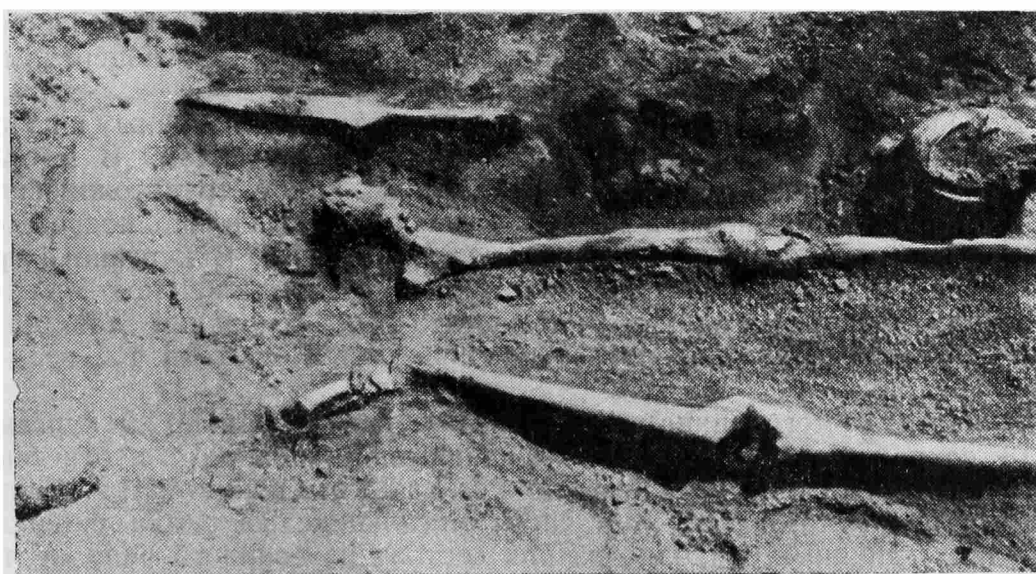
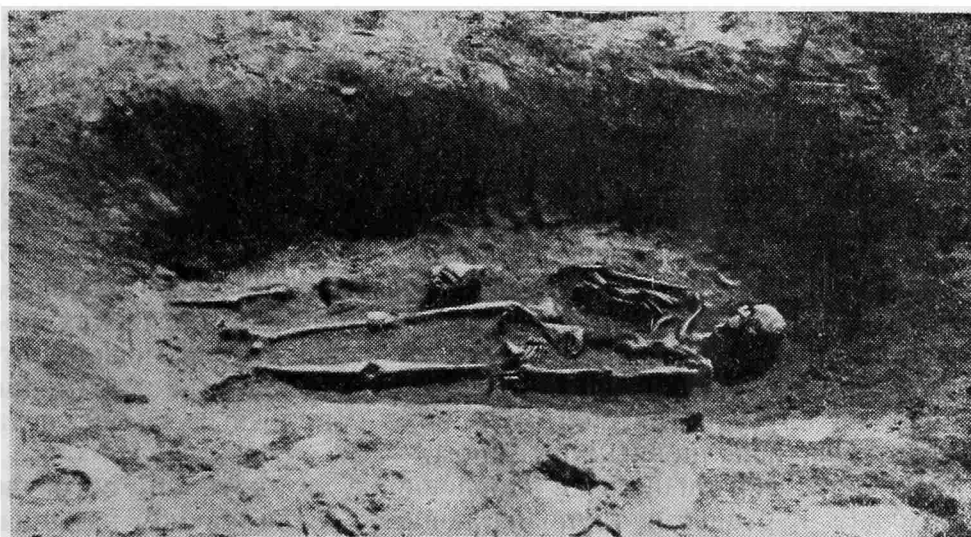
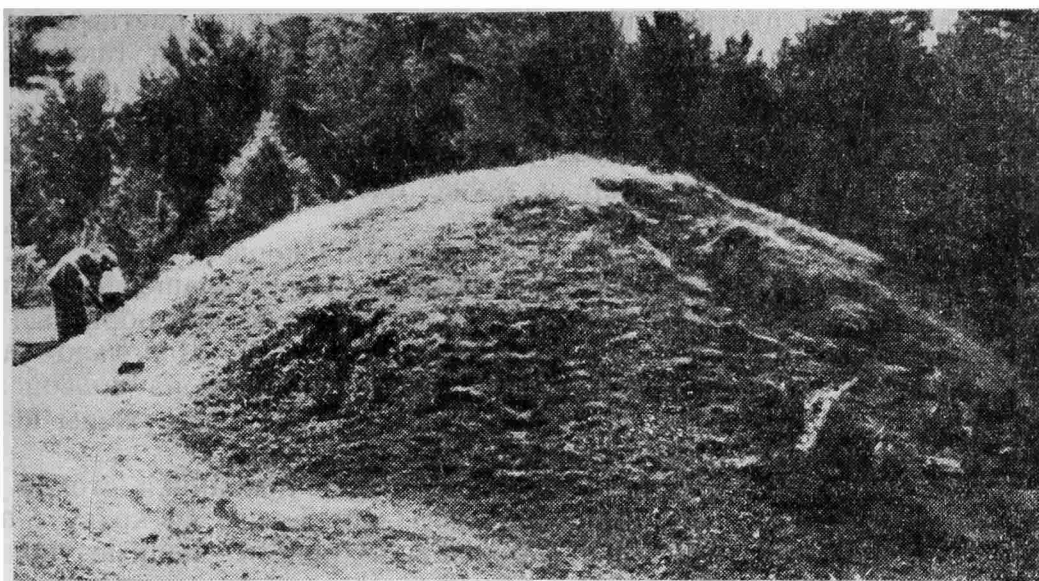

Рис. 54. Могильник в Черневичах. Находки из погребений с труположением.

1, 2 — кольца; 3—7 — браслеты; 8 — гривна; 9 — топор.

гривны из железной проволоки с накрученной на нее бронзовой тесьмой и с застежкой (не сохранилась; рис. 54, 8), гривны из гладкой серебряной проволоки. Ожерелья из небольших стеклянных бус глад-

в

Рис. 55. Могильник в Шо. Курган № 22.
а — общий вид, *б* и *в* — погребения.

жих и ребристых, цветных и позолоченных, черных с цветными крапинками найдены в могильниках X—XII вв. Встречаются также словянные подвески — подражание арабским диргемам, всегда сильно испорченные. В Черневичах в женском погребении найден медальон из серебра — подражание арабскому диргему конца IX или XI в. Подобная же имитация монеты лежала также около бедра в мужском погребении в могильнике Шо.

Мужские погребения содержали оружие: топоры с широким лезвием (рис. 54, 9), наконечники копий. Из украшений встречались пряжки лировидной формы (рис. 56, 1) и подковообразные фибулы со свернутыми в трубку концами (фиг. 56, 2). Довольно часто встречались также гладкие браслеты с узкими концами на правой или левой руке (Шо, Залесское, Черневичи). Из орудий обнаружены ножи, кресала и в двух случаях — серпы.

В большинстве могил в ногах или у бедер покойника стояли небольшие глиняные горшки, вылепленные и обточенные на кругу с волнистым орнаментом (рис. 56, 3 и 4), реже — простые лепные горшки, редко — орнаментированные (рис. 56, 5).

В могилах с трупосожжением большинство предметов разрушено или просто уничтожено. Из числа сохранившихся можно отметить стеклянные бусы черные с цветными крапинками, подковообразные застежки, фрагменты ажурной щитовидной, по всей вероятности, круглой фибулы. Из овального кургана из II части могильника происходят металлические пластинки трапецевидной формы, подвешивавшиеся на треугольной петле тремя кольцами (рис. 56, 6); фрагменты цепочек, а также большое количество мелких голубых бус и бронзовых бубенчиков; по всей вероятности, это — украшение конской сбруи; последнее является тем более правдоподобным, что из этого же погребения происходят железные удила и очень большое количество жженных костей; все это позволяет предполагать, что, кроме человеческих костей, в погребении находились также и кости коня. Из другой могилы того же самого кургана происходит восемь горшков, большей частью лепных и обточенных на кругу с орнаментом в виде поперечных линий, а также в виде зигзагов, исполненных штампом.

В VII части могильника в Черневичах, в которой встречаются исключительно курганы с трупосожжением, была также найдена керамика. В могилах встречаются фрагменты сосудов, пережженных на костре, а рядом с могилами стоят целые горшки без следов действия огня. Все они лепные; лишь в одном из курганов был найден горшок, сохранившийся целиком, вылепленный и обточенный на круте с волнистым орнаментом и многочисленными горизонтальными поперечными линиями.

К более древним могильникам следует отнести курганы из Поддубника и курганы из части V могильника в Черневичах. В могильнике близ Поддубника обнаружены курганы как с трупосожжением, так и с трупоположением в ямах. Могильник этот сильно поврежден; лишь несколько курганов его остались нетронутыми. В кургане с трупоположением найдено кресало, в могиле с трупосожжением — железный серп. Эти предметы не дают достаточных оснований для датировки, однако ввиду наличия серпа приходится считать их все же более древними.

В части V могильника в Черневичах, где раскопано 9 курганов из 13 сохранившихся, обнаружены данные, говорящие за отнесение этого могильника к IX в., а, быть может, даже и к концу VIII в. Характерными предметами для этой части могильника являются ожерелья из мелких глиняных бус; одно из них состоит из двойного ряда желтых длинных бус с коричневой двойной стеклянной бусиной с белыми, желтыми, зелеными прожилками посередине. Ожерелье с обоих концов заканчивалось четырьмя мелкими бусинами из голубого стекла и шну-

ром с такими же бусинами на конце. Другое ожерелье состоит из 9 рядов мелких круглых глиняных бус. В пятом ряду ближе к концу имеется по одной треугольной бусине с рельефными украшениями желтого цвета; такие же бусины и на концах ожерелья. Стекланных позолоченных бус, равно как и больших бус, гладких и ребристых, а

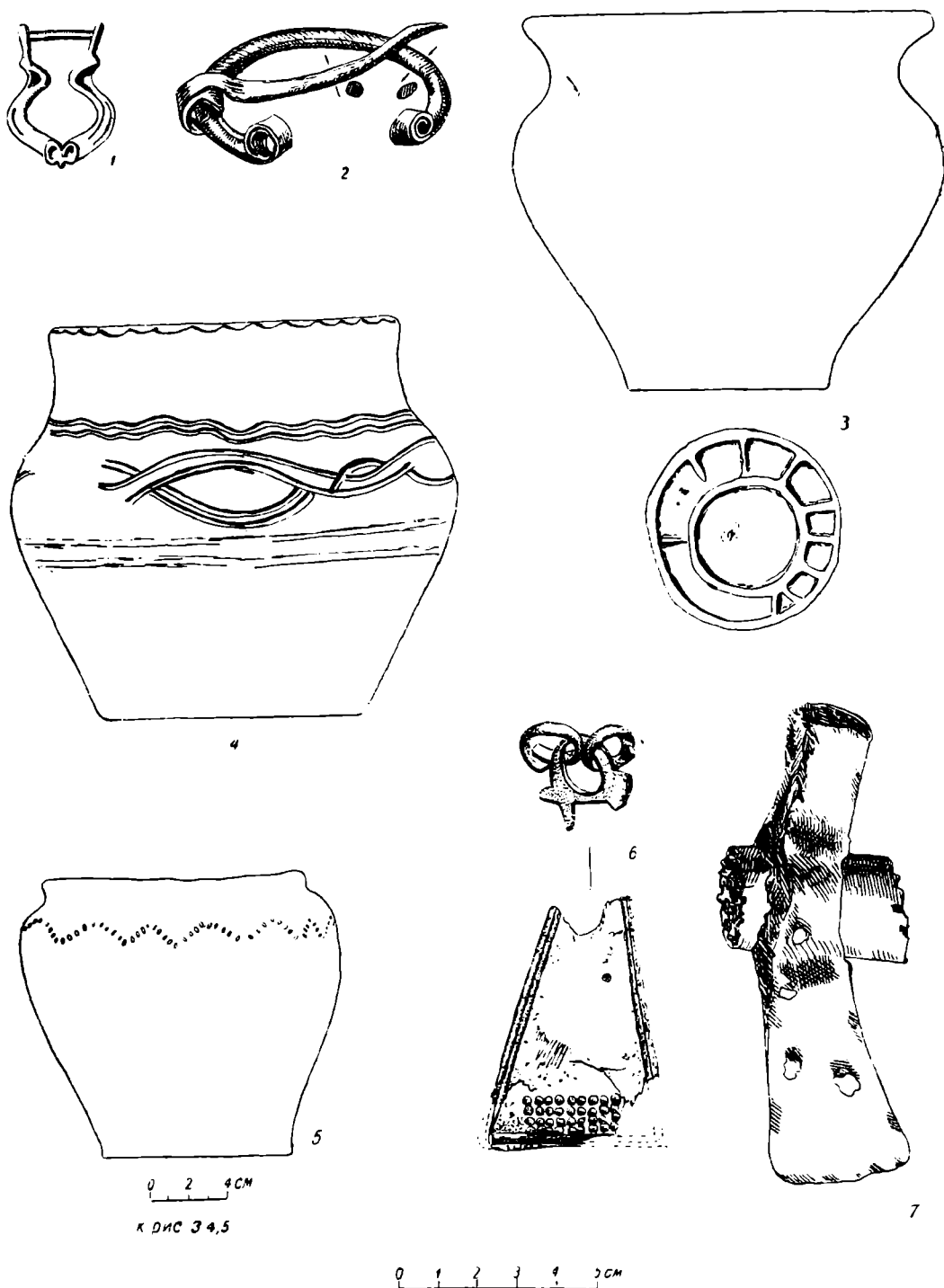

Рис. 56. Могильник в Черневичах.

7—5, 7— находки из погребений с труположением; 6 — находки из погребений с трупосожением.

также черных с цветными крапинками, известных на этой территории в курганах X—XII вв., в черневичском могильнике не найдено вовсе. В детском погребении встречены маленькие кольца со свернутыми в грубку концами и подвески грушевидной формы. В мужском погребении найдены чекан (рис. 56, 7), серп, кресало и нож. В каждом по-

гребении встречается глиняный горшок, — явление весьма характерное. Отсюда же происходит лепная керамика.

Курганы с труположением раскрывают и некоторые подробности погребального обряда. О сжигании костров перед насыпанием кургана и о выстилании могилы уже говорилось. На основании местонахождения некоторых украшений в могилах можно предполагать, что перед засыпанием могильной ямы в нее бросались ценные предметы — дар умершему. Так, в кургане 4-м могильника в Шо, между ногами скелета, по всей вероятности женского, лежал браслет со связанными концами, свитый из двух кусков бронзовой проволоки.

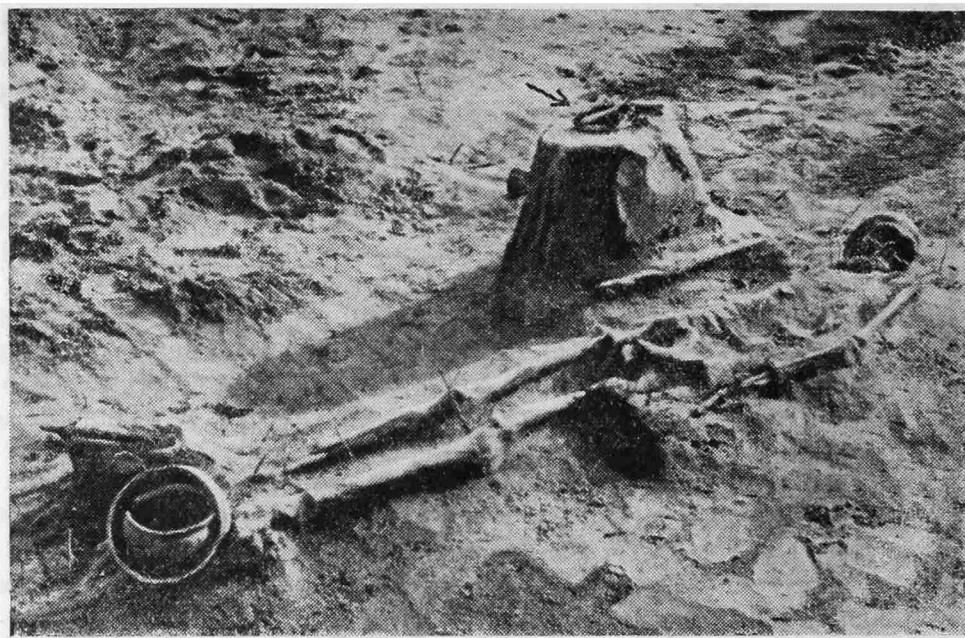

Рис. 57. Могильник в Залесском. Мужское погребение в насыпи (стрелкой указан череп собаки).

В Черневичах (курган 11-й, часть II), в могиле на груди мужского скелета лежал перстень с расширяющейся верхней частью. В некоторых курганах встречалась голова животного. В Черневичах в кургане 35-м (часть II) в мужском погребении в ногах скелета был найден череп овцы, в части III, также в мужском погребении, — череп барана. Череп овцы был встречен в могиле с трупосожжением в овальном кургане в части II. В Шо в кургане 32-м в детской могиле найден топор, а также череп барана; в одной из женских могил в Шо — череп овцы, в другой — фрагмент кости, повидимому, также овцы. В Залесском в мужском погребении в насыпи, немного выше могильной ямы, лежал череп собаки (рис. 57). Во всех описанных случаях мы имеем, очевидно, дело с приношением в жертву головы животного, что могло быть связано с каким-то культом; такая жертва приносилась не всегда, а только в редких случаях. Что касается расположения глиняных горшков в могиле, то этот вопрос подвергнут специальному рассмотрению в вышеупомянутой работе о Наврах.¹

Пустые курганы, явно ненарушенные, встречались исключительно в могильниках, сочетавших в себе погребения как с труположением, так и с трупосожжением. Связаны они, по всей вероятности, с обрядом трупосожжения; возможно, что насыпали их в память пропавших без вести. Исключение составляет, как нам кажется, курган колоссальных размеров в Черневичах (часть IV); в котором, кроме следов ко-

¹ Helena Cehak Hołubowiczowa. *Materiały zagadnienia...*, стр. 20.

стра у основания, ничего найдено не было. Курган этот отличался исключительными размерами: диаметр его 18 м, высота свыше 3 м; кроме того высоту его увеличивал окружающий ров, глубиной до 2 м. Этот курган был, по всей вероятности, связан с какими-то особыми культовыми обрядами.

В результате исследования описанных могильников можно сделать некоторые выводы, касающиеся социальной структуры общества. Обращает на себя внимание тот факт, что одни могилы отличаются сложностью конструкции, другие не имеют никаких дополнительных сооружений. В большинстве случаев большие курганы насыпались над могилами мужчин, курганы меньших размеров, а иногда и совсем незначительные — над могилами женщин, наименьшие — над могилами детей. В Черневичах встречен также обычай погребения маленьких детей в насыпи исключительно женских курганов, а именно: в части I детская могила находится сбоку в насыпи, в части III в кургане 1-м — в центре насыпи, в кургане 2-м вкопаны даже две детские могилы: одна почти у основания сбоку кургана, другая — в центре в насыпи.

В обряде погребения проступают и следы социальной дифференциации, например, в детском погребении в кургане могильника в Шю. Этот курган отличается прежде всего своими большими размерами. В могильной яме под насыпью лежал скелет ребенка в возрасте от 7 до 9 лет в богатых одеждах. На груди его лежала застежка подковообразной формы, на бедрах — остатки пояса в виде круглых и сердцевидных металлических пластинок с рельефным штампованным орнаментом и пряжки сердцевидной формы; на поясе был нож, на руках перстни, на правой руке браслет; в ногах лежал большой топор с широким лезвием, а близ могилы череп барана. Размеры кургана, а также погребальный инвентарь свидетельствуют о том, что ребенок принадлежал, видимо, к знатному роду.

Этническая принадлежность могильников с труположением вряд ли может вызывать сомнения. Они родственны могильникам, расположенным далее на В; последние же без сомнения признаются древнерусскими. Особенно разнятся они от могильников балтов, раскопанных в Виленском округе и датируемых VIII—IX вв. (например, могильник в Еленове).

Исследования выделенной нами курганной Диснинской группы Западной Белоруссии не подтверждают предположений, поддерживаемых рядом археологов, о том, что курганы с могилами с труположением в ямах являются более поздними по сравнению с могилами у основания. Не подтверждают они и того, что этот погребальный обряд сложился под влиянием христианства. В подавляющем большинстве в рассматриваемой группе выступают могилы в ямах под насыпью, как в XI—XII вв., так и раньше. Из 77 исследованных курганов с труположением только в восьми обнаружены могилы у основания насыпи, в том числе 3 могилы такого типа в Кисеве, у западной границы описываемой группы.

Материалом, также выделяющим эту группу в отличную от групп, расположенных в Западной Белоруссии южнее (например, в Наврах или Платове),¹ являются металлические украшения. К ним принадлежат в первую очередь большие кольца с завязанными концами, являющиеся женскими головными украшениями, и витые браслеты с завязанными концами. Тем не менее племенной состав этого славянского населения с единым погребальным обрядом и единообразным инвентарем (украшения) остается пока неясным. Аналогичные украшения

¹ H e l e n a C e h a k H o ł u b o w i c z o w a. Materiał i zagadnienia... см. также: Słowenskie cmentarzysko kurhanowe koło wsi Płatowo w powiecie i województwie nowogródzkim, Ateneum Wileńskie, Rocznik XII, 1938.

встречаются и восточнее; здесь они были, по всей вероятности, привозными из Полоцка. Из исторических данных известно, что эта территория в течение длительного времени принадлежала полоцкому княжеству — древней территории кривичей.¹

Более сложен вопрос об этнической принадлежности населения, которое оставило курганы с трупосожжением. Предположение, что они являются более древней формой погребения того же населения, которое затем хоронило своих покойников в курганах — в могилах у основания, а затем в яме под насыпью, не находит подтверждения в исследованном до сих пор материале на территории Западной Белоруссии. Этот вопрос разработан полнее в труде автора о могильниках в Пожече.² Необходимо прежде всего указать, что могильный инвентарь из курганов с трупосожжением сходен с инвентарем могил с трупоположением. Несмотря на повреждения, причиненные огнем, в нем можно выделить аналогичные стеклянные бусы и иные украшения, а прежде всего керамику, которая совершенно тождественна по технике изготовления, форме и орнаментации. Эти могилы с трупосожжением отличаются как внешним видом, так и характером найденных в них предметов от курганов балтов V—IX вв., исследованных на территории Вилейского округа. Ввиду этого их нельзя отнести к могилам прибалтийского населения. Хронологически они не являются более древними, чем курганы с трупоположением. В могильнике в Пожече в кургане с трупосожжением оказалась половинка серебряного арабского диргема конца X или XI вв. Другая целая серебряная монета того же времени была найдена в кургане с трупоположением в том же могильнике. Из этого следует, что курганы как с трупосожжением, так и с трупоположением, нужно отнести к более или менее одному времени. В могильнике в Черневичах найдены также предметы, которые подтверждают, повидимому, одновременность возникновения погребений с трупосожжением и трупоположением. В кургане 5-м овальной формы была найдена керамика (8 горшков), вылепленная и обточенная на круге, характерная для могильников с трупоположением XI—XII вв. Найденная в этом же кургане подковообразная фибула с овальной в разрезе рамкою относится к более позднему типу подковообразных фибул. Не следует также забывать, что курганы эти расположены среди курганов с трупоположением, относящихся к XI—XII вв. В могильнике около Черневич, содержащем исключительно трупосожжения (часть VII), инвентарь позволяет также отнести эту группу к X в.: он состоит из лепленного и обточенного на круге глиняного горшка с орнаментом из волнообразной линии и поперечных штрихов, а также из стеклянных бус, среди которых имеются черные с цветными крапинками.

Ввиду всего сказанного можно выдвинуть следующие предположения относительно этнической принадлежности населения, среди которого сохранились курганы с трупосожжением.

Во-первых, такой способ захоронения может быть пережитком давнего погребального обряда, свойственного славянам в более древнюю пору, который на нашей территории удерживается до более поздних времен и притом одновременно с обрядом трупоположения. Во-вторых, курганы с трупосожжением могут быть могилами населения этнически чуждого. В-третьих, курганы с трупосожжением могут быть могилами населения лишь чуждого, иного племени. В пользу второго и третьего предположения говорит тот факт, что в Черневичах население, которому принадлежат курганы с трупосожжением,

¹ М. Довнар-Запольский. Очерк истории кривической и дреговической земель до конца XII в., Киев, 1894, стр. 3.

² Helena Cehak Hołubowiczowa. Słowiańsko-wareckie cmentarzyska kurhanowe koło Porzecza, Przegląd Archeologiczny, т. VI, г. 2—3, Poznań, 1938—1939.

имело первоначально отдельный могильник и только со временем начало хоронить своих умерших в общем могильнике вместе со славянским населением, которому свойственны курганы с трупоположением. Имея в виду предположение об этнически чуждом населении, которому могли принадлежать курганы с трупосожжением, следует еще раз подчеркнуть, что, опираясь на вышеприведенные данные, нельзя признать в нем балтов. В этом случае скорее можно было бы иметь в виду шведскую колонизацию, с которой Арне связывает курганы с трупосожжением.¹ К этому именно предположению склонялся автор настоящей статьи и в своем труде о могильнике в Пожече.² В пользу третьего предположения говорит тот факт, что население, которому свойственен как тот, так и другой обряд погребения, употребляло одни и те же металлические и стеклянные украшения и одну и ту же керамику. На этом основании можно было бы предполагать, что мы имеем здесь дело со славянским населением, но принадлежащим к различным племенам, которые сожительствовали на этой территории, сохраняя свои собственные погребальные обряды. Следует при этом подчеркнуть, что курганы с трупосожжением на исследованной территории Западной Белоруссии составляют до сих пор меньшинство.

Е. Голубович и В. Голубович

(Вильнюс)

¹ T. J. Arne. La Suède et l'Orient, Upsala, 1904.

² Helena Cehak Hołubowiczowa. Słowiańsko-wareckie cmentarzysko kurhanowe.

II. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Труды Государственного Исторического музея, выпуск XVI. Работы археологических экспедиций, Москва, 1943, стр. 172

Все будущие археологи, изучая напечатанные в этой книге археологические отчеты, будут с волнением читать на последней странице слова: «Подписана к печати 8 января 1943 г.» Книга корректировалась и версталась в самые тяжелые месяцы Великой Отечественной войны, а подписана была к печати в переломные дни, в дни сражений, открывших длинный ряд непрерывных блистательных побед нашей Красной Армии. Может быть с некоторым удивлением потомки отметят, что и в эти великие дни научная работа у нас не прерывалась, и даже издавались книги по археологии.

Рецензируемая книга не рассчитана на широкие слои читателей: она предназначена для очень узкого круга специалистов. Это тот вид научной литературы, значение которого для всех археологов понятно: археологические отчеты. С изданием таких отчетов у нас дело обстояло весьма плохо. За последние годы археологами было опубликовано много исторических исследований на основе археологических материалов (в этом отношении за последнее десятилетие сделано больше, чем когда бы то ни было), но эти обобщающие работы основывались поневоле на неизданных археологических отчетах и не сопровождались поэтому должной документацией и не обладали полной доказательностью. Много было за последние годы написано о необходимости возобновить издание отчетов; кое-что было сделано, но все же недостаточно.

Все авторы рецензируемой книги уже выступали в печати с обобщающими историческими исследованиями, все они печатали неоднократно и отчеты о своих раскопках. Теперь ими опубликованы материалы наиболее важных и наиболее крупных экспедиций Исторического музея за последнее десятилетие.

В. Д. Блаватский напечатал «Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг.» (стр. 5—74). Фанагория была одним из важнейших и крупнейших античных городов на территории СССР, но в отличие от Пантикоппеи, Херсонеса и Ольвии, она долго не привлекала надлежащего внимания археологов. Первые систематические раскопки здесь начал в 1936 г. В. Д. Блаватский, притом одновременно и в городе и на некрополе. Теперь он издал полный отчет о двух первых раскопочных кампаниях, предварительные сведения о которых были напечатаны в журналах «Искусство» и «Вестник древней истории». Как говорит предисловие рецензируемой книги, «в изложении результатов раскопок сохранен максимум данных описательного характера». В итоге отчет дает прежде всего образцовую стратиграфию античного города. Десять слоев описаны очень подробно, для каждого из них установлена дата и выяснено своеобразие архитектуры и отдельных находок. Достаточно сказать, что эти 10 стратиграфических описаний

занимают 18 страниц мелкого шрифта. Это дает археологическую шкалу для исследования всех эпох Фанагории от эллинской архаики до позднего средневековья. На большом вкладном листе даны чертежи сооружений всех слоев, причем каждый слой отмечен особым видом штриховки. Несмотря на графические трудности передачи материала, чертежи читаются легко. Кроме того, постройки даны в фотографиях, где ясно видны системы кладок. В пределах раскопанного участка наибольший размах строительства приходится на позднеклассическое и особенно на эллинистическое время. В позднеимперское и в византийское время древние слои сильно перекапывались для выборки камня. Автор отчета очень удачно цитирует одну из речей Либания для характеристики подобных работ. Эти перекапывания, конечно, сильно затрудняли при раскопках установление стратиграфии; тем не менее она установлена точно.

Слои лучше всего датируются, как обычно, керамическим материалом. Были в городском раскопе и отдельные замечательные находки. Античное прикладное искусство превосходно представлено такими находками, как костяная рельефная голова Силена в профиль, терракотовые статуэтки Сабазия и Эрота, бронзовая статуэтка Тихэ и т. д.; все они изданы в довольно ясных фотографиях в натуральную величину. Железные античные вещи публикуются вообще сравнительно редко, тем ценнее изданное в фотографии железное втульчатое листовидное копье из эллинистического слоя. Особый интерес представляет фотография, где рядом изданы три светильника, типичные для трех эпох — классической, эллинистической и римской. Автор подытожил, таким образом, свои наблюдения над эволюцией форм светильника. Одна из эллинистических амфор имела надпись, свидетельствующую о ввозе в Фанагорию фазосских оливок.

Отдельно описан открытый раскопками колодец римского времени. Его каменная кладка издана в нескольких фотографиях. В колодце оказалось больше двухсот амфор, некогда утонувших, которыми, очевидно, доставали воду. Встретились здесь и произведения искусства, столь обычные в античном быту: кусок мраморной статуэтки (предположительно Кибелы), большая синяя стеклянная бусина с изображением головы Диониса и головы Силена и т. д. Сохранность в воде дерева позволила изучить форму деревянных двухсторонних гребней. Фотографии упомянутых колодезных находок тоже изданы.

Основной раскоп некрополя дал за два года 73 могилы римского времени с краснолаковой римской посудой. Все они подробно описаны со всеми промерами и инвентарями. Приложенный на большом вкладном листе план этого раскопа дает взаимное расположение всех могил. Многие из них перекрывают друг друга, в ориентировке нет никакой системы. Инвентарь вообще довольно беден, относительным богатством выделяется лишь могила № 50 с двумя дромосами и пятью гробами, с золотыми мелкими украшениями (из них в фотографии издан перстень с камнем) и большими железными мечами. Из произведений искусства в некрополе наиболее интересна терракотовая статуэтка Эрота с петухом; найдена эта фигурка в детской могиле № 63, что довольно типично; фотография ее издана в натуральную величину.

Можно отметить в рецензируемом отчете два пробела. Во-первых, в дополнение к планам отдельных раскопов стоило дать общий сводный план, где все они уместились бы, хотя бы в малом масштабе. Во-вторых, надо было издать фотографии мечей.

В целом первый полный фанагорийский отчет является образцовым началом публикаций фанагорийских древностей. Остается пожелать, чтобы и в дальнейшем эти публикации оставались на том же уровне.

Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев опубликовали «Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г.» (стр. 75—118). Оба исследо-

вателя, проводя ежегодные работы то на Енисее, то на Алтае, печатают свои отчеты непрерывно и полнее, чем другие археологи. Особенную и заслуженную известность своими произведениями искусства и надписями приобрели Копенские курганы, открытые ими в 1939 г. на Енисее и подробно изданные в вып. XI «Трудов Исторического музея». Теперь, в вып. XVI дождалась подробной публикации и Курайские курганы, имеющие для Алтая почти такое же значение, как Копенские для Енисея. Предварительное сообщение об этих находках было опубликовано С. В. Киселевым вскоре после раскопок в т. I «Советской Археологии», но отчет издается только теперь.

Начинается он с разведок в Курайской степи на Южном Алтае. Курганы этой степи, судя по первым раскопкам, много обещают; разведками открыто их свыше трехсот, не считая мелких.

Описанию этих раскопок предшествует изложение их методики, имеющей руководящее значение не только для сибирских археологов. Дело в том, что хотя требование полного снятия курганной насыпи теперь общепризнано, техника такого снятия для больших насыпей почти не разработана. Авторы дают довольно сложное расписание последовательных земляных работ, при котором избегается лишняя перекидка земли и обеспечивается наибольшее количество и систематичность профилей. На Алтае дополнительные трудности создавала необходимость расчистить сразу всю площадь кургана, ибо могильные ямы там очень обширны. Столь же полно раскапывались четырехугольные каменные оградки.

Особая глава посвящена курганам со скорченными костяками; их раскопано 8, все они каменные. Накопление этих материалов позволит написать древнейшую историю Алтая, как уже написана — на основании материалов из подобных курганов — древнейшая история Енисея. Затем следует глава о памятниках «гунно-сарматской» стадии, столь хорошо представленных на Алтае известными княжескими курганами пазырыкского типа. В 1935 г. раскопано 3 каменных и 15 земляных курганов этой стадии.

Но наиболее важные раскопки относятся на этот раз к «эпохе рунического письма», т. е. к раннему средневековью. Эпоха эта не была до того должным образом изучена на Алтае. Сюда относятся 13 каменных курганов, раскопанных у села Курай, и 5, тоже каменных, у села Туяхта. Рядовые курганы содержат стрелы, поясные бляшки и т. д. Покойников сопровождали кони; это наблюдалось и в мужских и в женских захоронениях: здесь жил народ всадников и всадниц. В одном женском кургане найдена ручная мельница из двух круглых жерновов. Авторы отмечают своеобразный регресс: современные жители этих мест не знают таких жерновов и пользуются зернотерными плитками; такая плитка тоже найдена в этих курганах, в одном из позднейших погребений.

Наиболее богаты были курган 1-й группы IV в Курае и курган 3-й в Туяхте. Оба они дали орхонские надписи, вырезанные по серебру на днищах сосудов, а в Курае и на наконечнике пояса. Надписи содержат имена, титулатуру и сведения о подати. Сходство в инвентаре между этими курганами вообще большое: сходны лук, колчан, котел, пояс с бляшками — серебряными и золотыми и т. д.

Орхонские надписи изданы не только в транскрипции, но и в фотографиях, что позволит всем специалистам проверить чтение автора. Отчет снабжен также рядом фотографий погребений. Но вещи, за некоторым исключением, изданы не в фотографиях, а в штриховых рисунках, четких и изящных. Этот способ издания имеет свои преимущества, так как техника фоторепродукций не всегда стоит у нас на должной высоте, что относится и к рецензируемой книге.

Для всех курганов даны довольно подробные промеры, но, к сожалению, курганные инвентари изданы не все, а только типичные или

важнейшие; но даже экономия места не может оправдать этот недостаток.

В особой статье «Каменные изваяния Северного Алтая» (стр. 119—134) Л. А. Евтюхова дает описание тринадцати каменных статуй; важнейшие из них воспроизведены в фотографиях, остальные в хороших графических рисунках. Изваяния изображают мужчин с усами и бородами, в правой руке — обязательно сосуд, левая на поясе. Однородность изваяний очевидна. К датировке их Л. А. Евтюхова подходит методически правильно: она сравнивает атрибуты статуй — кувшины, серьги, мешочки, пояса — с курганными находками. Типологическое сходство получается полное; оно указывает на VII—VIII вв. н. э.

А. П. Смирнов, внесший своими раскопками двух городов — Суvara и Болгара — научную систему в археологию Волжской Болгарии, издал отчет о раскопках «Сувар» (стр. 135—171). Там подведены итоги больших пятилетних работ на этом городище, начатых в 1933 г. и оконченных в 1937 г., после чего автор перенес раскопки в Болгар. Сувар был одним из основных центров Волжской Болгарии, но самое местоположение его до раскопок А. П. Смирнова вызывало споры. Автор издает полный план городища с указанием раскопов. Отчет начинается с историкографического «введения». В главе «Укрепления городища» доказывается, что на валах возвышались ряды из срубов, наполненных землей. Глава «Культурный слой» устанавливает разделение золотоордынского и домонгольского слоев, что в Волжской Болгарии никому до того не удалось сделать. В главе «Жилища» автор доказывает, что город был застроен бревенчатыми срубами с глинобитными печами. Обильный материал исследован в главе «Зернохранилища». Зерновых ям открыто 90. Автор устанавливает их дату, абсолютную (по найденным вещам) и относительную (многие ямы пересекали друг друга). По конструкции различаются четыре типа зернохранилищ.

Самая большая глава отчета посвящена «Кирпичному зданию». Раскопки открыли в центре Суvara кирпичный дворец, облицованный зелеными и голубыми изразцами, со сложной системой дымоходов. Тщательным анализом архитектуры, строительных материалов и стратиграфии автору удалось установить для этого здания три строительных периода и даже выяснить облик дворца — как первоначальной постройки, так и при обеих перестройках. Аргументация при этом достаточно убедительная, чему способствуют четкие чертежи, общий план и профиль, воспроизведенные на вкладных листах, а также итоговый сводный план трех периодов строительства. На основании аналогий с различными среднеазиатскими зданиями, автор устанавливает большое культурное влияние Средней Азии на Волжскую Болгарию. Построен дворец, судя по этим аналогиям, около X в., разрушен и перестроен в XIII в. и затем снова в XIV в.

Маленькая глава «Кладбища» содержит сведения о раскопках могильников в Суваре, где вещей, в связи с мусульманским обрядом, не было. Наконец, в главе «Находки в культурном слое» выясняются прежде всего сорта керамики и ее хронологическая эволюция. Ремесла характеризованы по ремесленной продукции. Даты женских украшений определяются по аналогичным находкам в славянских курганах и мордовских могильниках. К статье приложены 43 маленьких фотографии типичных или важнейших находок, в том числе изданы железная пила, железные стрелы, железное долото, золотое височное кольцо и янтарная печать с арабской надписью «Арслан».

Необходимо указать в рецензируемом отчете один существенный пробел. Подробно описав зернохранилища, автор забыл упомянуть ботанические определения найденных зерен, между тем, они у него имелись.

Исторический музей изданием этой книги ввел в научный оборот первоклассные археологические материалы. Чем больше будет подобных изданий, тем лучше. За последние 10—15 лет в СССР было проведено много очень важных археологических раскопок, но отчеты о них в большинстве своем еще не изданы. Издание отчетов является даже более настоятельной научной потребностью, чем новые раскопки.

А. В. Арциховский

Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа, вып. 1. А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник, Л., 1940, 53 стр. + XVI табл. + карта, 8°

Специальная постоянная серия археологических отчетов Государственного Эрмитажа, первый выпуск которой представляет рецензируемая книжка, бесспорно, заметное научное явление.

Немногочисленные, но солидно организованные экспедиции Эрмитажа занимают определенное место, и задержка публикации их результатов была серьезным пробелом в научной деятельности Эрмитажа. Вполне обоснованно открывается новая серия публикацией памятника, который уже до этого получил широкую популярность в археологических кругах и вошел в научный оборот.¹

Рецензируемый выпуск включает краткий «Отчет о раскопках Государственного Эрмитажа в Моздоке в 1933 г.» начальника экспедиции Б. Б. Пиотровского (стр. 3—21, рис. 1—8, табл. I—XI) и статью А. А. Иессена «Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа» (стр. 22—53, рис. 9—10, табл. XII—XVI, карта).² Обе работы принадлежат крупным специалистам и выполнены на высоком научном уровне, что, вместе с научной значимостью памятника, предъявляет максимальные издательские требования как к авторам, так и к Эрмитажу. В последнем случае эти требования полного удовлетворения не получили — первый выпуск археологической серии оформлен в полиграфическом отношении ниже современных научных потребностей и много ниже уровня других изданий Эрмитажа, посвященных публикации его художественных коллекций: неудобный для археологической публикации формат, бессортная розоватая (!) бумага под таблицами, невысокая техника цинкографии, преуменьшенный масштаб чертежей, из которых многие просто нечитаемы (например, рис. 3 и 5); наконец, странно и неприятно видеть современное археологическое издание в безвкусной и претенциозной обложке.

Неясен и не бесспорен самый профиль издания: то ли это территориальный отчет о памятниках Моздокского района, то ли это тематическая монография о раннескифских памятниках этого района. В том и другом случае полнота охвата недостаточна: скифские памятники в отчете представлены значительно детальнее, чем более поздние, и снабжены развернутой статьей, так что упор сделан на обработку именно этой группы памятников. При этом, однако, непонятно, почему при широком использовании сравнительного материала Северного Кавказа исключены из орбиты анализа скифские материалы из того же Моздокского могильника, являющиеся результатом работы последующих экспедиций ИИМК при участии Эрмитажа 1935 и 1936 гг.³ Из-за этого, например, в последовательном обзоре памятников Моздокского района образуется провал между раннескифскими и сарматскими памятниками (стр. 26), который мог бы

¹ История СССР. Изд. АН СССР (на правах рукописи), т. 1, ч. I, гл. III, стр. 114.

² Оглавления нет, порядок имен авторов на титульном листе и на обложке различен, что создает ненужные библиографические затруднения.

³ Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. ИИМК АН, М.—Л., 1940, стр. 238—248. Не следует упускать, что экспедицией 1935 г. было исследовано больше скифских памятников, нежели подотчетной экспедицией Эрмитажа 1933 г.

быть заполнен материалами 1935 г. Ссылка на то, что отчетная работа была написана в 1934 г. (стр. 22, прим. 2) и, очевидно, никакой переработке с тех пор не подвергалась, является лишь объяснением, но не оправданием ни для Эрмитажа, где хранятся материалы этих экспедиций, ни для авторов, которые в силу этого не могут их не знать, тем более что один из них руководил экспедицией 1936 г.¹ Ничем не объяснимо совершенно недостаточное использование моздокских коллекций Пятигорского краеведческого музея и Музея этнографии Академии Наук. Отсутствие названных материалов придает рецензируемому изданию несколько «ведомственный» характер, а советскому читателю дает, несмотря на все оговорки, объективно устарелый материал.

Тот же привкус ограниченной «ведомственности» (вероятно, даже независимо от желания авторов) в поспешных и непродуманных примечаниях-отписках о других неэрмитажных экспедициях; примечания эти не всегда правильно ориентируют читателя. Так, «в раскопках ГАИМК 1936 г.» не «так же были встречены» (стр. 26, прим. 1) доскифские материалы, а было раскопано не один, а два кургана (№№ 3 и 10), где разновременные комплексы «эпохи бронзы» составляли основной и вполне своеобразный материал;² далее, «весьма интересный и важный материал» раннескифского периода не только был «собран Е. И. Крупновым в Ингушии и А. П. Кругловым в Чечне» (стр. 28), а первым было впервые раскопано поселение раннескифского времени у ст. Нестеровской,³ вторым же исследовано 18 погребений немного более позднего времени (VI—IV вв.) возле с. Исти-су.⁴

Обращаясь к отчету Б. Б. Пиотровского, нужно подчеркнуть высокий уровень методики и техники полевой работы, свойственный этому исследователю: четкий план ведения раскопок, исчерпывающая внимательность к раскопочной обстановке, основательное и широкое понимание исследуемого материала, наконец, безукоризненная графическая фиксация раскопок вполне удовлетворяют современным требованиям к полевой археологии. Что же касается методики и техники публикации добытого раскопками материала, то здесь ряд пробелов и промахов производят впечатление поспешности и некоторой неряшливости. Прежде всего, неполнота отчетных данных. Так, вовсе не приведен план кургана № 3, на чертеже (рис. 6) не показан контур могильной ямы, а дан один костяк, даже без ориентировки. Не показаны ориентировки на генеральном плане (рис. 1) и на плане раскопа кургана № 2 (рис. 5, здесь нет и масштаба), и их приходится искать в тексте, в то время как на других аналогичных планах (рис. 2 и 3) ориентир дан. Разделение могильной камеры для человека и коня в основном погребении кургана № 1 не объяснено ни в тексте (стр. 12), ни на соответствующем чертеже (рис. 4). Наконец, планы обоих курганов (рис. 3 и 5) неправильно повернуты по отношению к профильному разрезу, что очень затрудняет сопоставление плана с профилем. В описи находок (стр. 20—21) отсутствуют ссылки на рисунки и таблицы, а на таблицах отсутствует нумерация отдельных изображений, что затрудняет сопоставление текста с изображением предмета. Изображения на таблицах размещены не по комплексам, а в случайных сочетаниях, обусловленных, повидимому, соображениями композиции или экономии места.

¹ В силу этого и указанный выше отчет об экспедиции подготовлен к печати (вопреки указанию в прим. 1 на стр. 22) не А. П. Кругловым, а тем же Б. Б. Пиотровским (полный оригинал см. Архив ИИМК, дело 1936/1263).

² Археол. иссл. 1934—1936 гг., стр. 244—46, рис. 65, табл. XLII.

³ Е. И. Крупнов, ВДИ, 1939, № 1, стр. 266—67. — Он же, ВДИ. 1939, № 2, стр. 80. — Труды ГИМ, XII, М., 1941, стр. 175—183.

⁴ Краткие сообщения ИИМК, I, стр. 28—29. — А. П. Круглов, в цит. изд. История СССР, т. I, Л., 1939, стр. 114.

Совокупность всех этих недочетов, из которых не все мелкие, создает впечатление отсутствия в данном издании научно-технической редактуры.

Однако самый тяжелый упрек к отчету — это неполнота публикации вещевого материала, при которой составить самостоятельное представление о комплексе или об отдельных положениях авторов невозможно без обращения к фондам Эрмитажа. Так, из полсотни предметных номеров по описи (стр. 20—21) воспроизведены в отчете лишь полтора десятка предметов. При этом не имеют изображения целые категории предметов: оружие, браслеты, удила,¹ которые в дальнейшем используются при анализе памятника. Очень досадно отсутствие воспроизведения медного «ножа архаической формы» (стр. 9 и 20) из раскопа I, на котором также делаются определенные (притом неправильные) хронологические построения (стр. 25). Такая неполнота публикации материала сохраняет за данной работой значение лишь предварительного отчета, который в принципе не отличается от сводных, иногда чересчур сжатых отчетов, издаваемых ИИМК для всей территории РСФСР.

В основу интересной и содержательной статьи А. А. Иессена положена трактовка Моздокского могильника как памятника, объединяющего элементы скифской культуры с формами, типичными для горного Кавказа, в частности, для кобанской культуры. Вряд ли только правильно слишком схематическое противопоставление во времени «кобанской» и «скифской» стадии (стр. 24) и тем самым определение Моздокского могильника периодом «встречи» «кобанских» и «скифских» «элементов в комплексе северокавказского материального производства». Сейчас уже в значительной мере выясняется, что и «кобанская», и «скифская» культуры представляют различные варианты одной и той же «стадии», хотя и не вполне совпадают во времени. Последовательный вывод, который и делается автором из материалов Моздокского могильника, утверждает автохтонность «скифских» образований на Северном Кавказе и тесную генетическую связь их культуры с более ранними этапами. Положение это уже прочно вошло в обиход советской археологии.²

В статье А. А. Иессена впервые дан развернутый анализ северокавказской керамики второй четверти первого тысячелетия до н. э., в частности, распутан казавшийся безнадежным вопрос о керамических остатках из I Келермесского кургана (скифского) (стр. 37—38), опубликованных Веселовским и неправильно трактованных Фармаковским и Ростовцевым. Четко показана связь моздокской керамики с общеизвестными более ранними «курильницами» на четверной ножке³ (стр. 42—43). Несомненно правильно отнесение к раннескифскому (вернее, предскифскому) времени сосудов, принадлежащих к типу «большого горшка с прямым горлом и орнаментальным пояском на плече, широко распространенного» (стр. 43) не только в Прикубанье и на Нижнем Дону, но и по всему Северному Кавказу; это тип

¹ С удилами вообще неблагополучно: об удилах из насыпи кургана № I (№ 30 по описи) в тексте (стр. 11—12) не сказано ни слова, а в основном погребении того же кургана удила найдены «совершенно перержавшие» (стр. 12) (опись № 31 — «разрушенные окисью»); при таких условиях непонятно, какие же признаки позволяют причислять эти несуществующие удила «к типам широко известным»? (стр. 47). Наряду с этим не упомянуты нигде архаические скифские железные удила прекрасной сохранности, найденные в насыпи раннего X кургана 1936 г.; забыта эта находка и в соответствующем кратком отчете «Археологические исследования 1934—1936», стр. 244—46.

² Ср. Б. Б. Пиотровский. Скифы и Закавказье, в цит. изд. История СССР, т. I, стр. 114. — Е. И. Крупнов, ВДИ, 1939, № 1, стр. 267; № 2, стр. 80.

³ Дериватная форма, вполне подобная приводимой на табл. XV, 2, имеется в ГИМ из раскопок Бобринского у с. Кулары (Чечня); не следует забывать и очень близкого варианта из второго раннескифского кургана в уроч. «Три камня» под Кисловодском, раскопанном в 1881 г. Уваровым (П. С. Уварова. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, отд. IV—VI, М., 1907, стр. 5, рис. 1; хранится также в ГИМ).

несомненно стадияльный. Также правильно отнесены Иессеном к тому же периоду и до сих пор не анализированные никем «горшки с двумя или четырьмя маленькими ручками на плече и с геометрической резной орнаментацией, вроде найденного в 1903 г. в кургане № 1 у ст. Усть-Лабинской». Однако с конкретным примером вышло какое-то недоразумение: в кургане у Зубовского хутора (стр. 43, прим. 3) был найден фрагментированный горшок совсем иного типа, а почти целый горшок с четырьмя ушками, хранящийся в ГИМ и ближе всего подходящий по орнаментации к усть-лабинскому экземпляру, происходит из второго Армавирского кургана 1902 г.¹

В общем основной анализ Моздокского могильника развернут на керамической теме, которая составляет самую сильную сторону работы.

Однако и здесь не все пункты бесспорны. Так, если не может быть никаких возражений против сближения с моздокскими грушевидными корчагами (и их малыми вариантами) очень близких по форме сосудов из Нальчика и Ворошиловска (бывш. Ставрополя) с изображением бегущих оленей, то очень натянутым представляется привлечение в этот же ряд фрагмента сосуда с одного из пятигорских селищ (стр. 36, табл. XII, 2); исходная форма сосуда неопределима (а, следовательно, и не сравнима) по одному черепку, а фигура изображенного на нем животного, насколько можно судить по неполному контуру задней ноги и крупа, резко отличается от традиционной для керамики восточного Закавказья схемы северокавказского оленя. А наряду с этим автор считает возможным не обращать внимания на наличие грушевидной корчаги, по форме почти неотличимой от моздокских, также с изображением бегущего оленя в скифских приемах стилизации в известном кургане у ст. Костромской² (III «Разменном»), — очевидно, на том основании, что хронологический промежуток от этого памятника до группы Моздок — Ворошиловск — Нальчик ему представляется слишком длительным. Между тем, ведь это значительно укрепляет одно из основных положений автора о том, что «культура древнего населения, оставившего Моздокский могильник, генетически связана с предшествующим историческим развитием, протекавшим на Северном Кавказе» (стр. 49, тезис I).

Каковы бы ни были частные недочеты этой статьи, которые не исчерпаны приведенными примерами, равно как и всего издания, первый выпуск «Археологических экспедиций Государственного Эрмитажа» является ценным вкладом в археологическое изучение истории Северного Кавказа, а почти одновременный выход второго выпуска с материалами экспедиции 1939 г. показывает, что основной недочет наших археологических публикаций — запоздалость — успешно преодолевается Государственным Эрмитажем.

Б. Деген

Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа, вып. II. А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, Л., 1940, 34 стр., XXVI табл.

Рецензируемая книга А. Н. Бернштама, посвященная публикации материалов его раскопок в 1939 г. Кенкольского могильника, знакомит нас с новыми интересными археологическими памятниками

¹ ОАК за 1902 г., стр. 88, «глиняный сосуд с просверленными ручками», воспроизведения нет.

² ОАК за 1897 г., стр. 15, без воспроизведения. Сосуд в ГИМ не сохранился, но сохранилась акварельная копия его росписи. (Архив ИИМК, фото ИАК, дело 1898/60, прилож. 5.)

степных кочевников Средней Азии времени около начала н. э. Степи Казахстана и Киргизской ССР к северу от Каратау и Александровского хребта в археологическом отношении почти совершенно не изучены. Поэтому археологические разведки и раскопки А. Н. Бернштама, произведенные им с 1936 г. в различных пунктах по рекам Таласу и Чу и уже давшие разнообразный по времени и этнической принадлежности археологический материал,¹ представляют большую историческую ценность. Настоящая работа является первой подробной публикацией части этих материалов.

В первой главе книги дается сжатое, но достаточно детальное описание раскопок восьми курганов Кенкольского могильника с погребениями в катакомбах. Вторая глава посвящена общей характеристике погребального обряда и разных категорий предметов, найденных в погребениях. Здесь же, в пределах возможного, дается и представление об особенностях культуры оставившего могильник населения. В третьей, заключительной главе рассматривается вопрос о датировке могильника и его культурной принадлежности.

Несмотря на ограниченность имеющегося материала и своеобразный состав находок, автор, повидимому, правильно осветил основные поставленные им вопросы. Он убедительно показывает, что могильник оставлен кочевым населением около I в. до н. э. — II в. н. э., когда территория среднеазиатских степей подвергалась неоднократному массовому проникновению гуннов. Соответственно этому в материалах Кенкольского могильника наблюдается смешение местных элементов культуры с восточными (гуннскими и китайскими).

Работа сопровождается многочисленными чертежами раскопанных курганов, рисунками и фотографиями находок. При публикации археологических памятников графическое воспроизведение их имеет первостепенное значение. Это не иллюстрации к тексту, а во многих случаях основное средство публикации памятника. Поэтому в археологических изданиях подготовка графического материала требует от автора значительную не меньшую затраты труда и внимания, чем подготовка рукописи. К сожалению, это совершенно не чувствуется в рецензируемой работе. Отчасти, может быть, по неопытности автора (это его первая публикация археологических памятников), отчасти же по его небрежности, фотографии, рисунки и чертежи даны без соблюдения элементарных правил, предъявляемых к изданию графических материалов. Рисунки на таблицах не нумерованы. В некоторых случаях даже при тщательном штудировании текста невозможно установить, из какого кургана происходит тот или иной предмет и из какого материала он сделан (табл. XXIX, XXXV, XXXVI и др.). Рисунки и фотографии даны в разных произвольных масштабах, что затрудняет сопоставление их друг с другом, а часто и совсем без масштаба. Некоторые рисунки почему-то даны в чрезмерно крупном масштабе (табл. XV, XXI, XXXIII и др.). Много рисунков помещено боком, хотя это и не вызывалось какими-либо техническими трудностями. Многие таблицы использованы менее чем на половину своей площади. Все это придает книге неряшливый вид и затрудняет пользование ею. Особенно досадны такие случаи, когда один и тот же предмет приписывается двум разным погребениям (см. правый нижний рисунок на табл. XIII, стр. 10 и 12).

Еще хуже обстоит дело с чертежами курганов, хотя они выполнены с достаточной тщательностью и наглядностью, но не рассчитаны на книжную репродукцию (например, планы катакомб на таблицах IV и VI). Совершенно недопустимое отсутствие масштаба и указаний стран

¹ Предварительные сообщения о результатах этих раскопок см.: Краткие сообщения ИИМК. IV 1940, стр. 42—48; ВДИ. 1939. № 4, стр. 169—181; ВДИ, 1940, № 2, стр. 191—198.

света, а также произвольное случайное расположение чертежей на площади таблиц значительно снижает их ценность и делает чрезвычайно трудным пользование ими. На чертежах разрезов кургана одним и тем же способом показаны и границы раскопа и границы катакомбы с дромосом, причем границы дромоса в пределах раскопа вообще не указаны. Это сильно затрудняет правильное понимание читателем устройства могильных сооружений.

Можно было бы подумать, что отмеченные нами крайне досадные оплошности произошли по вине редакции, что номера на рисунках не поставила редакция, произвольно уменьшила рисунки редакция и т. д. Однако все указанные ошибки допущены прежде всего автором. Не редакция, а автор один и тот же сосуд приписал двум разным погребениям, наконечник стрелы на табл. XXIX (правый в верхнем ряду) поместил вверх ногами. Редакция своевременно не заметила и не исправила ошибок автора. В результате перед нами книга, при чтении которой прежде всего бросается в глаза небрежность ее составления.

Так же небрежно составлен и текст книги. Различные предметы описываются то во второй главе, то в первой, где было бы достаточно лишь упомянуть предмет. Одна и та же вещь описывается дважды, с указанием точных размеров: в одном случае под названием сосуди́ка (стр. 10), в другом — под названием футля́рчика (стр. 21). Зато другой предмет, определяемый автором как лука седла, нигде не описывается, а рисунок его помещен без масштаба и без размера (табл. XXVI), что не дает возможности проверить заключение автора, в правильности которого он и сам не уверен (стр. 6). Размеры предметов указываются то в метрах, то в сантиметрах, независимо от их величины. Диаметр сосуда, например, определен в сантиметрах, а высота его в метрах (стр. 10). При такой пестроте обозначений автору трудно было уследить за опечатками. Одни из них читатель легко обнаружит и исправит, другие могут ввести его в заблуждение. Если нетрудно догадаться, что маленький деревянный столик был не в 51 м длиной, а только в полметра (стр. 12), то установить, какова была высота катакомбы № 10, вместо указанной автором в 2.19 м (стр. 11), не удастся даже при самом тщательном изучении текста.

Результатом небрежности явились многочисленные мелкие ошибки, неточности выражений, невразумительные и даже совсем непонятные фразы и описания. Приведем только некоторые примеры. Бедренная кость названа берцовой (стр. 11). Два мужских погребения, расположенные на разных уровнях, названы почему-то «парным погребением» (стр. 14). Потолок овальной в плане катакомбы определен как «сферический» (стр. 9). На стр. 10 указывается «северная грань квадрата», в то время как ни в предыдущем, ни в дальнейшем изложении ни о каких квадратах не говорится. Если речь идет о раскопе, то, судя по плану и описанию, он не квадратный. Трудно понять, что представляет собой «обломок деревянных ножен с тупым концом, в виде гладкого среза и небольшого кантика, выступающего за пределы сечения ножен» (стр. 22). Трудно представить себе, как мастер-токарь мог «последовательно и методически разделявать заготовку» при неподвижном положении обрабатываемого бруска и укрепленном на постоянной точке режущем инструменте (стр. 18).

Поспешностью и небрежностью автора объясняется и его утверждение, что до раскопок Кенкольского могильника были известны только четыре находки тканей, подобных кенкольским (стр. 24). Он знает о находках таких же тканей В. В. Радлова в Катанде¹ и С. В. Киселева в Караколе,² но, полагаясь на память, не заглянул в

¹ А. А. Захаров. Материалы по археологии Сибири, Тр. Гос. историч. музея, вып. I, М., 1926, стр. 84—92.

² С. В. Киселев. Из работ Алтайской экспедиции Гос. исторического музея в 1934 г., Сов. этногр., 1935, № 1, стр. 100.

свои записки и не отметил это в книге. Не потрудившись навести справки в литературе об устройстве сложного лука, он дал неправильную реконструкцию, решив почему-то, что кенкольский лук был сделан без деревянной основы, которую якобы заменяли сухожилия и клей (стр. 21), хотя найденные костяные накладки имеют все признаки соединения их с деревянной кибитой. Сложный лук без тетивы имеет обратную изогнутость, на рисунке же он изображен так, как будто бы тетива натянута (табл. XXVIII). Костяные накладки концов лука помещены настолько близко к накладкам средней части, что короткие плечи не могли бы выдержать хоть сколько-нибудь значительного натягивания тетивы. Для того чтобы получить желаемую дугообразную форму лука, автору пришлось исказить форму концевых накладок, придав им на рисунке S-образный изгиб. Сопоставляя с тем, что нам известно об азиатских сложных луках недавнего прошлого, мы должны реконструировать кенкольский лук совсем по-иному. Это большой М-образно изогнутый лук длиной около 1,5 — 2 м (рис. 44) с деревянной кибитой, обложенной в негнущихся частях костяными (из оленьего рога) пластинками, а по наружной поверхности упругих плеч, по всей вероятности пластинами из бычьего рога.

Примерно такой же лук реконструируется и по находкам Г. П. Сосновского в 1929 г. в Ильмовой пади (Забайкалье) в погребениях гуннского времени.

Поводом к заключению об особой конструкции кенкольского лука послужило отсутствие в погребениях остатков его деревянной основы, при хорошей сохранности других деревянных изделий. Но автор не учел одно очень важное обстоятельство — разграбление могил. Все описанные им катакомбы, кроме № 9, сохранившейся в неприкосновенности, имеют настолько явные следы разграбления, что нет надобности на этом подробно останавливаться. Во всех случаях плиты и камни, закрывавшие когда-то вход в катакомбу, разбросаны в беспорядке на разных уровнях в дромосе, а отдельные предметы или части их раскиданы в разных местах катакомбы и в нижней части дромоса. Отсюда следует, что грабители проникали в катакомбу через ее входное отверстие и в поисках ценностей приводили в беспорядок всё находившееся в ней, выбрасывая в дромос (и, вероятно, наружу) такие предметы, как веретено (стр. 11), бусы (стр. 8), части деревянной люльки (см. план на табл. VI) и др. Могли быть выброшены и деревянные части лука, а в некоторых случаях (катакомбы №№ 2, 5 и 7, где найдены только стрелы) и весь лук полностью с костяными накладками. В таком случае отсутствие деревянных частей лука в катакомбе вполне естественно.

Игнорирование факта разграбления могил привело автора и к другой ошибке: он считает, что два погребения, устроенные в дромосе кургана № 10, представляют собой сопутствующее основному покойнику захоронение рабов (стр. 14). Между тем, внимательное ознакомление с описанием кургана и приложенными чертежами показывает, что катакомба сначала была разграблена, и только после этого, вероятно, в разное время устроены два погребения в дромосе. Такая последовательность устанавливается следующими наблюдениями. Стены и потолок катакомбы хорошо сохранились, закрывавшие вход плиты отвалены на дно дромоса, нижняя часть дромоса беспорядочно завалена камнями, трупы и разные предметы сгружены в беспорядке у северной стены катакомбы по бокам входа и даже во входном отверстии. Значит, грабители проникли в катакомбу сбоку через вход из дромоса. Они не могли пробраться в катакомбу по дну дромоса, не потревожив два трупа или скелет, лежавшие на высоте около 1 м над дном дромоса на крупных камнях, заполнявших нижнюю часть дромоса. Значит погребений этих в момент разграбления еще не было. Они устроены после того, как грабительский ход успел завалиться. Это

впускные погребения, не связанные с основным, и вопрос о принадлежности их рабам отпадает.

Основной недостаток книги заключается в небрежности текста и иллюстрирования. Многочисленные упущения, опечатки, ошибки, неточности сильно снижают качество публикации, явившейся результатом проведенной автором интересной и ценной работы. Будем надеяться, что в дальнейшем эти серьезные недочеты больше не повторятся и автор сумеет давать полноценные доброкачественные публикации археологических памятников.

М. П. Грязнов

Нумизматические статьи, помещенные в № 3—4 «Вестника древней истории» за 1940 г.

В № 3—4 «Вестника древней истории» за 1940 г. напечатан ряд статей, посвященных публикации античных монет. Можно от души приветствовать решение редакции помещать в журнале нумизматические статьи. Это тем более желательно, что из-за отсутствия у нас специальных нумизматических органов интересные материалы в области монетных находок часто остаются неизданными и рискуют быть преданными забвению в ущерб науке, регистрация же их на страницах исторического журнала непосредственно введет их в круг внимания исследователей-историков.

Позволю себе высказаться по поводу напечатанных статей и сообщить свои замечания к ним. Статья Б. Н. Кастальского «Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма — медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема I» (стр. 339—347) интересна как публикация нового экземпляра монеты, принадлежащей к группе памятных тетрадрахм царей Бактрии. Монета не представляет, правда, совершенной новостности,¹ но важно, что она издается с точным указанием места и обстоятельств находки (Пенджикент). Ценно также сообщение о находке в Шахрисябе четырех оболлов Антимаха, принадлежащих собранию автора. Эти данные важны как новое подтверждение принятого в настоящее время большинством исследователей² взгляда, что Антимах был правителем Согдианы. Что же касается обширного комментария, которым сопровождается публикация монеты, то он сплошь состоит из полемики с преимущественно старыми нумизматическими работами, так как из новых трудов автору частично известна лишь книга Тагн'а.

Внимания заслуживают соображения автора о характере русла и течения Аму-Дарьи. В остальном эта полемика, в аргументации не лишенная курьезов и противоречий, бесплодна, так как новых исторических текстов не привлекается, и дело ограничивается догадками о мотивах помещения фигуры Посейдона на тетрадрахмах Антимаха. Особенно приходится пожалеть о резком тоне упреков покойному А. К. Маркову за умолчание о бактрийских памятных тетрадрахмах в его курсе «Древней нумизматики», издававшемся, следует напомнить, на правах рукописи. Упреки же эти незаслуженны, так как Марков не ставил своей целью перечисление всех довольно многочисленных, памятных по характеру изображений и надписей мо-

¹ Автор не воспользовался прим. I на стр. 346, чтобы оговорить условность подчеркиваемого им в начале статьи уникального характера этого нумизматического памятника. На самом деле экземпляр подобной тетрадрахмы из собрания Британского музея, правда без изображения, описывается в давно уже вышедших изданиях (ср. В. V. Head. *Historia Numorum*, Oxford, 1911, стр. 837. — R. B. Whitehead. *Catalogue of coins in the Panjab Museum*, vol. I, Oxford, 1914, стр. 19).

² Ср. К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, стр. 7.

нет обычных номиналов, к числу которых относятся и бактрийские тетрадрахмы, а ограничился упоминанием монет из ряда вон выходящего размера и веса.

В заметке Б. В. Лунина «Новые находки золотых подражаний статерам Лисимаха на Кавказе» (стр. 357—360) издаются две монеты указанной в заглавии группы, ранее упомянутые автором в другой статье.¹ К сожалению, и в этой статье, как и в первой, с недостаточной четкостью выяснен вопрос об обстоятельствах находки. Автор очень широко понимает термин комплекса, очевидно, подводя под него находки разнообразного происхождения, может быть, и разновременные, объединенные только пределами территории одной административной единицы. Такая неопределенность в вопросе происхождения неизбежно обесценивает факт находки, как свидетельство распространения находок этих монет дальше на север от границ Абхазии.

Следует очень приветствовать приводимые автором данные химического анализа монет. Это первые, известные мне анализы этого рода монет. Важно отметить, что статер № 1, представляющий более раннюю ступень извращения типа, содержит еще очень высокий процент золота, приближаясь в этом отношении к оригинальным статерам Лисимаха и Александра, а более поздний статер № 2 значительно отстает от него. Это вполне естественно, так как отмечено, что по мере дальнейшей варваризации типа металл бледнеет и переходит в низкопробный электр. Автор проанализировал даже отдельно состав металла припаянных к обеим монетам колечек. Нельзя ли из очень близкого состава сплава в этих колечках сделать вывод, что превращению в подвесные украшения обе монеты подверглись одновременно?

Должен еще, поскольку в заметке неоднократно цитируется моя статья, сделать два замечания *pro domo mea*. Во-первых, никак не могу согласиться с автором в именовании группы монет, к которым принадлежат издаваемые, термином «поделки» и в признании вопроса о них «загадочным». Так называемые «варварские подражания», в число которых они входят, представляют собою одну из групп монет, хотя и обособленную, и в этом смысле являются памятниками денежного обращения не в меньшей мере, чем римские денарии или афинские тетрадрахмы.

Во-вторых, на стр. 358, среди цитат и данных, заимствованных из моей статьи, имеется не соответствующее действительности указание, что ряд находок этих монет сделан в Азербайджане. На деле находки варварских подражаний статерам Лисимаха, сколько могу судить по имеющимся в моем распоряжении данным, повидимому, сосредоточиваются в западных частях Кавказа, главным образом в Аджаристане, Мингрелии, Абхазии. О находках их в Азербайджане мне неизвестно. Б. В. Лунин в письме ко мне объясняет это недоразумение как возникшее в процессе редакционной корректурной правки. Возможно, что это так, поскольку ссылки на труды Е. А. Пахомова (прим. 4) явно попали не на место. Опасаюсь, что некоторую роль здесь сыграло заглавие труда Пахомова, упоминающее Азербайджан на первом месте, хотя по существу работа регистрирует клады всего Кавказа.

Считаю необходимым остановиться на этом, поскольку это неверное утверждение может быть читателями приписано мне.

Особенно решительно нуждается в поправках и замечаниях статья С. Киселева «Находка античных и византийских монет на Алтае» (стр. 360—363), в которой публикуется ряд монет, хранящихся в Бийском музее и найденных, по словам автора, жителями села

¹ Б. В. Луни н. Серебряная чаша и стеклянная чашка из находок у станицы Даховской, Изв. Ростовского музея краевед., 1940, стр. 13.

Усть-Чарышская Пристань на песках. Монеты издаются, очевидно, по рисункам, что, однако, специально не оговорено. Между тем рисунки, повидимому, не всегда достаточно точны. Так, на монете № 1 и на рисунке, а вслед затем и в описании имя города передано в форме Ἀράττα. Однако мне никогда не приходилось встречать на монетах этой группы подобной орфографии городского имени. Сколько знаю, на них всегда стоит Ἀράτταῖα, и более чем вероятно, что II получилась из неправильно прочтенного рисовальщиком полустертого EI. Место выпуска монеты определено правильно, датировать же ее можно точнее — 111—105 гг. до н. э.¹ Значительно хуже обстоит дело с монетой № 2. На оборотной стороне монеты в знаках налево от головы (портрета императора) автор усмотрел монограмму Котия I, безосновательно названную им тамгой, а в знаке по правую сторону от головы — крест. На самом деле все знаки и справа и слева от головы должны читаться вместе, как дата ΛΚ Χ (621); 621-й год боспорской эры соответствует 324-му г. н. э. Монета, таким образом, точно датирована и принадлежит Рискупориду VI, последнему боспорскому царю этого имени.

Подобных монет имеется достаточное количество во всех наших более или менее крупных музеях, и много их ежегодно находят при раскопках Боспорской экспедиции. Символ перед головой царя на лицевой стороне вероятнее всего венки. Все дальнейшие домыслы и попытка использовать монету для доказательства тождественности Рискупорида I и Аспурга (что само по себе вполне возможно) должны быть признаны плодом фантазии.

В описании и определении следующих далее шести византийских монет, для которых автор пользовался трудами Толстого и Wroth'a, серьезных погрешностей не наблюдается. Следует только отметить невыдержанность в размещении рисунков. Портрет императора во всех изображенных византийских монетах представляет лицевую сторону монеты и в качестве таковой должен предшествовать оборотной стороне, т. е. помещаться слева.

Что касается самого факта находки, то он может представить очень большой интерес. Безоговорочно отвергнуть возможность находки античных монет на Оби, как совершенно невероятную из-за удаленности, было бы едва ли полезным для науки скептицизмом. В связи с этими находками можно было бы вспомнить находку 16 пантикапейских монет в Джунгарии,² на пути к оз. Сайрам-Нур, и усмотреть в обеих находках следы торговых отношений по путям, связывающим Алтай с Черноморьем через Среднюю Азию. Между тем хронологический диапазон описываемых С. Киселевым монет чрезвычайно широк и охватывает период более тысячелетия. С внесенными мною поправками монеты эти принадлежат уже не трем, как предполагал автор, а четырем эпохам: 1) конец II в. до н. э., 2) начало IV в. н. э., 3) VI в. н. э. и 4) X в. н. э. Невольно всгает вопрос о необходимости строго критического подхода к этой группе находок. Автор, к сожалению, не останавливается на обстоятельствах находки. Мимоходом брошенное замечание, что монеты собраны на песках местными жителями, может у иного читателя создать впечатление, что пески близ Усть-Чарышской Пристани чрезвычайно богаты античными древностями и монетами. Именно потому, что излишний скептицизм здесь нежелателен, а скороспелые утверждения на основе

¹ Imboof—Blemer. Non. Ztschr., XLV, 1912, стр. 123 сл. Ср.: Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 297.

² E. D i c h l. Blätter f. Münzfragen. 1923, № 10—11. Ср. Сообщ. ГАИМК, I, стр. 288, № 11. Другая зарегистрированная Нумизматической секцией ГАИМК находка уже в Сибири (там же, № 12) не надежна. Эта находка 5 римских монет близ Канска сообщена в 1924 г. хранителем Музея изобразительных искусств в Москве Н. А. Щербаковым со слов продавца, предлагавшего монеты музею.

недостаточно проверенных фактов еще более опасны для научной истины, я считаю, что с принятием этих находок в научный обиход следует подождать до выяснения упущенного автором из внимания вопроса о точных обстоятельствах находки. Но по этому вопросу несравненно лучше меня может высказаться хорошо знакомый с местными условиями М. П. Грязнов.

А. Н. Зограф

В дополнение к тому, что сказано А. Н. Зографом об античных и византийских монетах, описанных С. Киселевым, необходимо добавить несколько слов об условиях их находки, а в связи с этим и о значении их в качестве источника для изучения истории народов Алтая.

По берегам р. Оби много дюнных песков, и в Бийский музей ежегодно поступают от местного населения находимые на них различные предметы древности, но среди этих предметов нет монет. Только один раз, в 1924 г., в музей поступила из с. Усть-Чарышская Пристань серия монет, опубликованная С. Киселевым в «Вестнике древней истории». При посещении места находки в 1925 г. мне сообщили, что монеты эти были найдены крестьянином Копаницыным. Он, якобы, раскопал курган и нашел в нем на глубине около 2 м кости человека и 8 медных монет, которые и были переданы в музей. Других предметов не было обнаружено. Указанный мне курган находился недалеко от сельского кладбища, к юго-востоку от него, и имел следы свежих раскопок. Так как монеты относятся к периоду времени более тысячи лет, то сообщение о принадлежности их к инвентарю одного погребения кажется мало вероятным. Невероятно и допущение, что они собраны в окрестностях села на песках в разных местах и в разное время. До тех пор, пока мы не будем иметь других аналогичных находок монет в районе верхнего течения р. Оби, следует из осторожности рассматривать эти восемь монет Бийского музея как коллекцию неизвестного происхождения и воздержаться от использования их в качестве доказательств постоянных культурных связей Алтая с далеким Западом, как это делает С. Киселев.

Нельзя для этой цели привлекать и известные египетские статуэтки, найденные якобы на Алтае, так как о месте нахождения их ничего не известно. По описанию их, данному А. А. Захаровым, одна из них найдена на Алтае, другая — в Западной Сибири.¹ Киселев же, пользовавшийся, повидимому, статьей Захарова, но не сославшийся на нее, приписывает алтайское происхождение обоим статуэткам. Однако о происхождении этих статуэток известно только то, что одна из них приобретена А. С. Уваровым вместе с другими древностями у Г. И. Спасского, «прослужившего большую часть своей жизни на Алтайских заводах»,² другая же «передана Томским окружным правлением» в 1908 г. в Гос. исторический музей.³ Коллекция Спасского состоит в основном из предметов, найденных на Алтае, но в ней есть и вещи, не имеющие никакого отношения к Алтаю, например, идольчик из слоновой кости — этнографическая вещь южноазиатского происхождения.⁴ Не на Алтае, а где-либо в другом месте, возможно в самом Египте, могла быть найдена египетская статуэтка, вошедшая в

¹ А. А. Захаров. Две египетские статуэтки, найденные в Западной Сибири. Тр. Секции археол. РАНИОН, IV, М., 1929, стр. 227—229.

² Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, М. 1887, стр. 25, 32 и рис. 86 на табл.

³ Отчет Российского исторического музея за 1908 г., стр. 9.

⁴ Каталог собрания древностей Уварова, рис. 87 на табл.

состав коллекции Спасского. Также и другая статуэтка могла попасть в Томское окружное правление не только из Западной Сибири, но и из других далеких мест.

М. П. Грязнов

Г. А. Бонч-Осмоловский, Палеолит Крыма, вып. II. Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба. Ак. Наук СССР. Комиссия по изучению четвертичного периода, М. — Л., 1941, 172 стр. + 10 табл. иллюстраций + 15 цифровых таблиц на вкл. листах, 28 рис. в тексте.

Первая в СССР достоверная находка костных остатков человека древнего палеолита, сделанная еще в 1924 году, начинает, наконец, находить свое отражение в монографической литературе. После обстоятельной публикации археологических и геологических данных о гроте Киик-Коба, Бонч-Осмоловский дает в не менее подробном виде описание части костных остатков. В рецензируемом выпуске приводится подробное описание условий находки костей, вновь разбирается вопрос об их возрасте, который, как и в прежних публикациях, связывается с верхним слоем грота, т. е., по мнению автора, с микокской фацией позднего ашеля. Описание собственно палеоантропологического материала начинается с кратких общих данных о киик-кобинском скелете: констатируется отсутствие патологических изменений, биологический возраст определяется в 45—50 лет, пол остается под вопросом. Сильно стертый зуб, найденный на одном из ближайших к погребению участков, оказался очень массивным. Автор подчеркивает, что по размерам он превосходит большинство неандертальцев, но из приводимой им таблицы следует, что киик-кобинский зуб в общем вполне укладывается в пределы вариации у *Homo neanderthalensis*.

Основная часть работы (гл. IV—IX) посвящена описанию скелета кисти. Трудно переоценить значение этих остатков не только для палеоантропологии в тесном смысле слова, но и для всей проблемы антропогенеза в целом. В трудовой теории Энгельса руке отводится важнейшее место в сложном комплексе взаимодействующих явлений, приведших к очеловечению обезьяны. А так как в современной антропологической литературе морфология, сравнительная анатомия и филогенез человеческой кисти освещены более чем недостаточно, то понятно громадное значение киик-кобинской кисти для правильного разрешения многих важных сторон процесса антропогенеза.

Один из крупнейших русских антропологов Д. Н. Анучин указывал на то, что новые палеоантропологические находки не всегда ведут к выяснению наших представлений об эволюции человека. Наоборот, иногда казавшаяся более или менее ясной проблема делается в свете новых находок более запутанной и настоятельно требует пересмотра. Этот парадокс невольно приходит в голову при знакомстве с некоторыми выводами исследования Бонч-Осмоловского, выполненного с тщательностью, вполне соответствующей научному значению находки. Автор привлек для сравнения весь литературный материал и лично исследовал кисти антропоидов, а также взрослых особей и эмбрионов современного человека. С исключительным вниманием автор отнесся к методике исследования, с величайшей скрупулезностью рассматривая приемы разных авторов. В результате работа Бонч-Осмоловского вылилась в капитальное сравнительно-анатомическое исследование скелета кисти гоминид, не имеющее себе равных ни в русской, ни в иностранной литературе.

Один из основных выводов работы, неоспоримо доказанный автором, состоит в том, что кисть киик-кобинца, равно как и кисти

других неандертальцев, отличается от современного человека в направлении, прямо противоположном направлению отличий антропоморфных обезьян. При этом разница по сравнению с современным человеком часто далеко превосходит пределы индивидуальной вариации у последнего. Как ни толковать это наблюдение, несомненно, что оно представляет собой факт первостепенной научной важности. До сих пор на черепе и конечностях неандертальца были известны признаки, не носящие переходного характера между обезьяной и современным человеком, но, в подавляющем большинстве случаев, эти признаки не выходили за пределы вариации у *Homo sapiens* и могли поэтому рассматриваться как рано сформировавшиеся человеческие особенности. Наблюдения Бонч-Осмоловского, относящиеся к такому важному органу, как кисть, вносят принципиально новые факты в сравнительное изучение семейства гоминид.

Сущность специфических отличий кисти киик-кобинского человека заключается в отсутствии ряда особенностей, связанных с хватательной функцией. Сюда относится отсутствие седловидного сустава в основании первой пястной кости, исключительное развитие костей пясти и фаланг в ширину и т. п. Бонч-Осмоловский вполне основательно считает, что способность к противопоставлению большого пальца у древне-палеолитических людей Европы была значительно более ограниченной, чем у современных людей, с одной стороны, и у антропоморфных обезьян — с другой.

На этом основании автор приходит к выводу, что некоторые черты сходства в строении скелета кисти современного человека и антропоморфных обезьян (седловидный сустав, общая вытянутость кисти в длину) образовались конвергентно под влиянием перехода к чисто древесному образу жизни у обезьян и усовершенствования трудовой деятельности у человека. Общий предок человека и антропоморфных, по мнению автора, был наземной, а не древесной обезьяной. Передняя конечность ее служила главным образом не для хватательной, а для опорной функции.

Теоретически возможно и другое предположение, которое Бонч-Осмоловский считает мало вероятным: киик-кобинец и остальные европейские неандертальцы не были предками европейских рас. Последние происходят от неандерталоидной, но внеевропейской формы, кисть которых не имела характерных для киик-кобинца признаков. Автор отвергает это предположение, основываясь на сходстве пропорций кисти эмбриона и киик-кобинца. Разбор этого аргумента занял бы сейчас слишком много места. Однако данные по строению лицевого скелета древне-палеолитического и современного населения Европы действительно говорят против теории, рассматривающей европейских неандертальцев как боковую ветвь развития.

Третье возможное предположение заключается в том, что седловидный сустав и удлиненная форма кисти существовали у общего предка людей и антропоморфных. На неандертальской стадии особенности эти исчезли, а у современного человека появились вновь. Однако и это предположение совершенно справедливо отвергается Бонч-Осмоловским, как противоречащее принципу необратимости эволюции.

Таким образом, концепция Бонч-Осмоловского представляется наиболее вероятной, во всяком случае в той ее части, которая касается филогенетической последовательности разных морфологических типов строения скелета кисти. Но было бы преждевременно целиком следовать за автором в его смелых интерпретациях этих морфологических признаков. Он сам указывает, что древесный или наземный образ жизни современных обезьян не всегда точно соответствует тем или иным особенностям скелета кисти. Проблема функции

кости общего предка не может решаться только на основании изучения его костной основы.

Мало обоснованной представляется попытка автора выделить киик-кобинского человека в особый вид, т. е. приравнять различия между ним и европейскими неандертальцами к различиям между последними и современным человеком. Для этого необходим более значительный материал.

Не вполне убедительно сформулирован вывод о связи вариабельности признака с его древностью (стр. 125). Из данных автора следует только то, что величина внутривидовой изменчивости находится в соответствии с различиями родов внутри семейства (или близких семейств).

Будущее покажет, насколько прав автор в своих выводах. Однако уже сейчас ясно, что труд покойного Бонч-Осмоловского стимулирует обсуждение и дальнейшую разработку спорных вопросов и в целом является крупным достижением советской науки об антропогенезе, руководимой трудовой теорией Энгельса.

Г Дебец

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От редакции	3
I. Доклады на пленуме Института, посвященном археологическому изучению древнерусских городов (11—15 марта 1941 г.) .	5
Землянка-мастерская киевского художника XIII века. — М. К. Каргер.	5
Жернова Вщижского городища. — Б. А. Рыбаков	15
Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. — И. М. Хозеров	20
Раскопки на Гнездовском городище в 1940 г. — Н. А. Андреев и Н. П. Милонов	26
Золотая византийская подвеска-монета из женского погребения в Гнездове. — М. А. Тиханова	28
Старая Ладога. — В. И. Равдоникас	30
Растительные остатки из культурного слоя Старой Ладogi. (IX—X вв.). — В. А. Петров	42
Сведения о Старой Ладогe в древнесеверной литературе. — Е. А. Рыдзевская	51
Раскопки в Новгороде в 1940 г. — А. А. Строков	65
Археологические разведки в новгородских пятинах. — С. А. Тараканова	73
Основные вопросы реконструкции Боголюбовского дворца. — Н. Н. Воронин	78
Андрей Боголюбский. — В. В. Гинзбург, М. М. Герасимов	86
Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940 гг.). — А. Ф. Дубынин	91
К архитектурной истории Суздальского собора (XI—XVII вв.). — А. Д. Варганов	99
О датировке врат Суздальского собора. — Е. С. Медведева.	106
К вопросу о технике золотой и серебряной наводки по красной меди в древней Руси. — Ф. Я. Мишуков	111
Кривой город — Вильно. — В. Голубович и Е. Голубович	114
Хлебные злаки из раскопок на горе Бекеше. (<i>Приложение</i>)	125
Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР. — Е. Голубович и В. Голубович	126
II. Критика и библиография	138

О П Е Ч А Т К И

Строка	Страница	Напечатано	Должно быть
19	15 снизу	нам известны	нам не известны
125	1 сверху	III <i>a</i> и <i>в</i> II <i>a, в</i>	III <i>a</i> и <i>b</i> II <i>a, b</i>

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры, XI